ОКОЛО МУЖИЧКОВЪ

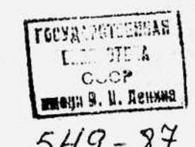
ДНЕВНИКЪ

(1861 г.)

П. И. Небольсина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1862.

Одобрено цензурою. С-Петербургъ, 1 іюня 1862 г.

ТИПОГРАФІЯ И. И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

ОКОЛО МУЖИЧКОВЪ.

Вторникъ, 30 мая 1861 г.

Нездоровится; засидѣлся на одномъ мѣстѣ. Надо провѣтриться, освѣжиться. Вотъ и отпускъ на бумагѣ дали; да къ чему она мнѣ? А надо на свѣжій воздухъ вырваться; вырваться необходимо. Но куда бы уѣхать? Да что̀ терять золотое время: не успѣю на варшавскую дорогу — толкнусь въ Москву на счастье? А тамъ, посмотримъ!

Среда, 31 мая 1861 г.

Вотъ я и въ Москвѣ. Постараюсь припомнить мелкіе случаи двадцати часовъ, проведенныхъ мною на николаевской желѣзной дорогѣ; но напередъ скажу, что я пріѣхалъ сюда съ мучительною головною болью.

Въ вагонѣ сначала всѣ въ молчокъ играли и глядѣли другъ на дружку какъ-то свирѣпо. Когда маленечко порастрясло, когда заговорили желудки, когда ихъ удовлетворили разнымъ питіемъ и яствами, люди какъ-будто немножко подобрѣй стали: завязалась бесѣда, зажужжали голоса, все какъ-будто осіяло и ожило.

Невдалекѣ отъ меня завязался шумный разговоръ, отъ котораго до меня долетали только слова «школа», «грамотность» и т. п.

— Какъ вы это, ей-богу, легко судите, господа: будто завелъ школу, и дѣло въ шляпѣ! Вѣдь тутъ суть-то вся не въ пустой грамотности, а въ направленіи, которое распространители грамотности должны давать своимъ будущимъ ученикамъ, говорилъ одинъ пассажиръ.

— Направленіе! Захотѣли вы направленія! Гдѣ у насъ взять направленія?

— Такъ, по-вашему, выучилъ ребенка грамотѣ и — баста?

— И баста, конечно, баста!

— Гдѣ ужъ тутъ намъ искать направленія, когда и сами-то себя направить мы не умѣемъ! Развѣ мы не помнимъ, какъ насъ грамотѣ учивали? Э, батюшка, такъ еще долго будутъ учить на матушкѣ на святой Руси; безъ поколачиваній, да безъ затрещинокъ, только, чай, въ столицахъ будутъ еще кое-какъ обходиться.

— Вы клевещете на наши университеты. Гуманность направленія отсюда расходится по землѣ русской не снопомъ, а лучами; свѣтъ-то отъ нихъ всюду западаетъ, хоть немножко, да все же западаетъ въ темные уголки.

— Нѣтъ-съ, я все-таки того мнѣнія, что безъ учительской семинаріи все дѣло дрянь будетъ. Распространять грамотность — вѣдь это та же механика, что̀ и поддерживать здоровье человѣка. И тутъ и тамъ наука и своего рода предварительная практика, подъ надзоромъ компетентныхъ судей, необходимы.

— У насъ руководителями сельскіе дьячки, то-есть, значитъ, люди никуда негодящіеся...

— Позвольте, позвольте: отчего никуда негодящіеся?

— Оттого, что они не вкусили сладкаго плода науки въ духовныхъ академіяхъ; окончившихъ курсъ выпускаютъ изъ семинарій въ городскіе священники и болѣе всего въ сельскіе пастыри; неокончившихъ— въ дьяконы, а кто ужъ и дьякономъ въ деревню не гожъ, того въ дьячки.

— Нѣтъ-съ, вы, видно, этого дѣла не знаете: тутъ вся основа не въ познаніяхъ, а въ невѣстѣ, въ сдачѣ мѣстъ...

— У насъ дьячки по семи лѣтъ едва-едва до псалтыря доходятъ.

— Ну, ужъ и по семи! И въ пять лѣтъ выучиваютъ!

— Пожалуй, и въ пять; но зато такъ выколачиваютъ послѣднія искры мышленія у ребенка, что онъ изъ умненькаго деревенскаго мальчика становится болванъ-болваномъ.

— Безъ науки и безъ труда ничего не дается; а наши грамотѣи, уча крестьянъ, вовсе не хотятъ приложить къ этому ни малѣйшаго старанія. Учитель обыкновенно валяется на палатяхъ, а бѣдный мальчикъ ворчитъ себѣ подъ-носъ одни дикіе звуки, въ которыхъ онъ самъ никакого толку не доберется.

— Если мы на такой степени стоимъ и лучшаго придумать не съумѣли — стало-быть мы не дозрѣли!

— Какъ не дозрѣли? Есть же люди, понимающіе это дѣло надлежащимъ образомъ: вотъ и надо распространять эти знанія правильнымъ путемъ. Какъ намъ необходимы правильно-организованныя учительскія семинаріи, въ той же точно степени необходимы намъ и правильно-организованныя центральныя ремесленныя школы. Ну, что̀, кажется, необходимѣе, проще и обыкновеннѣе нашихъ портныхъ заведеній, а посмотрите, и гдѣ же еще? въ столицахъ, въ какомъ страшномъ угнетеніи находились наши бѣдные мальчики у нашихъ портныхъ и у русскихъ, а особенно у русскихъ нѣмцевъ, да и у пріѣзжихъ иностранцевъ то же.

Я вспомнилъ про одного петербургскаго портнаго-нѣмца, прекраснаго человѣка, у котораго нанималъ когда-то квартиру, и съ грустью, съ ужасомъ вспомнилъ объ участи бывшихъ подъ его командой мальчиковъ. Слава Богу, тѣ времена прошли, участь мальчиковъ, конечно, улучшилась матеріально, но улучшилась ли она морально — это еще вопросъ другаго рода.

— Посмотрите вы на портнаго нѣмца-хозяина и на фон-визинскаго Тришку, разумно разсуждавшаго, «что первый-то портной шилъ, можетъ, хуже, чѣмъ онъ». Наши Тришки доморощенные весь успѣхъ своихъ работъ сводятъ къ одному вопросу: «угадалъ ли?» Если платье пришлось впору, тутъ не жметъ, тамъ не топырится, здѣсь не морщитъ — онъ угадалъ! Объузилъ или много выпустилъ — не угадалъ! «Авось справимся!» И все-то у насъ вѣдь дѣлается на «авось». А нѣмцу-портному «авось» неизвѣстенъ. Онъ заглянулъ въ журналъ, при-

кинулъ циркулемъ планъ выкройки, снялъ съ своего «давальца» мѣрку—и вотъ вы видите въ его трудѣ «идею», мысль, фасонъ, изящество. А отчего все это? Отъ науки! А учитъ ли портной-нѣмецъ русскаго мальчика? Нѣтъ; утюги грѣть, чистить сапоги, ходить за квасомъ, за капустой въ лавку, въ кабакъ за виномъ, быть на побѣгушкахъ, метать, строчить, запошивать, стегать, да оторачивать, да время-отъ-времени принимать побои отъ всѣхъ лицъ хозяйскаго семейства, отъ подмастерьевъ, отъ своей братьи-товарищей, вотъ кругъ науки, проходимый портнымъ-ученикомъ. Какъ кроятъ одежду, въ чемъ состоятъ тайны закройщицкаго ремесла — это нѣмецъ показываетъ только нѣмцу, и подобнаго наставленья ни одинъ хозяинъ не допуститъ въ контрактъ, по которому сдаютъ ему мальчиковъ подъ наукъ. Самый смышленый изъ нихъ, развѣ тайкомъ, какъ-бы поворовски, прикинетъ воротникъ или рукавъ на бумагу да обведетъ уголькомъ, или другимъ путемъ утянетъ копію съ хозяйскихъ выкроекъ; но за это ученику бѣда, еще горшая той, когда его поймаютъ, любознательно, сквозь замочную скважину, или сквозь щелку ширмъ, выглядывающимъ на способъ закройки хозяина. Такъ-то и во всемъ: и въ школахъ грамотности, и въ ремесленныхъ школахъ учить дѣтей нужно не пяхъногой, а развивать въ нихъ смыслъ, облагородить ремесло научнымъ воззрѣніемъ и—условіе важное—отказаться навсегда отъ варварскаго, свирѣпаго, кровожаднаго, нѣмецкаго обхожденія.

— Да, вы мнѣ напоминаете одного образованнаго человѣка, подхватилъ еще одинъ пассажиръ: — человѣка, который добровольно и громко сознавался въ жестокости своего обращенія съ людьми одной швальни, находившейся подъ его начальствомъ. Въ швальнѣ этой было до шестидесяти человѣкъ мастеровыхъ. Каждый понедѣльникъ у него происходила жестокая порка и варварскіе побои. Понедѣльникъ, какъ вамъ извѣстно, называется у русскихъ мастеровыхъ «узенькимъ воскресеньемъ»: такъ вотъ, по понедѣльникамъ, въ швальнѣ, на верстакахъ сиживало, бывало, человѣкъ десять-двѣнадцать; остальные запивали. Въ этотъ же день была и страшная расправа съ ними. Товарищи начальника швальни не разъ его уговаривали воздерживаться отъ этакого звѣрства, но получали всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ:

«Съ этими разбойниками, съ этими скотами ничѣмъ инымъ не возьмешь».—«Но такъ неистовствовать, право, грѣшно и стыдно». «Ничего тутъ грѣшнаго нѣтъ. Мнѣ самому, господа, когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, такую разъ въ корпусѣ порку задали, и—клянусь вамъ Богомъ, теперь, черезъ двадцать-пять лѣтъ, клянусь — совершенно-безвинно, что меня замертво подняли и семь недѣль я вылежалъ въ лазаретѣ; такъ вотъ и я тѣшусь надъ другими, какъ надо мной однажды потѣшились». Что̀ будешь дѣлать съ такимъ кровожаднымъ человѣкомъ? Время уходило. Наконецъ наступила иная пора; началась новая эра. Швальному командиру новый начальникъ строго объявилъ, что время истязаній безвозвратно миновало, пришла пора дѣйствовать на людей не плетью, а убѣжденіями, и что если онъ отъ старыхъ манеръ не желаетъ отвыкнуть, то пусть лучше подаетъ въ отставку. Такой оборотъ дѣла пришелся не по вкусу швальному командиру. Въ отставку выходить не хотѣлось: теряешь и жалованье, и квартиру, и денщичье довольствіе, и мало ли еще что̀ теряешь. Между-тѣмъ, натура-то была хорошая, загрубѣла, знаете, только въ пакостяхъ разныхъ, но съ доброю волею человѣкъ чего натворить не сможетъ. Трудно, конечно, себя переломить, но вѣдь дѣло-то не вовсе-невозможное, особенно, коли подъ-часъ, хоть тайкомъ, шевельнется въ груди какая-нибудь особенная струнка. Отчего не попробовать, если еще тутъ и матеріальные интересы замѣшаны, а моральный толчокъ ужь данъ, хотя и самому-себѣ незавѣдомо. И что̀ жь вы думаете, господа? этотъ господинъ меня на дняхъ самъ увѣрялъ, что вотъ теперь только пять лѣтъ прошло, а въ швальнѣ у него тѣлесныхъ наказаній даже въ поминѣ нѣтъ. Запои и попойки прекратились, единственно лишь вслѣдствіе мягкаго обхожденія съ мастеровыми и возникновенія между ними чувства стыда и благородной гордости, да и самъ онъ, этотъ швальный командиръ, совершенно переродился и, гдѣ только можетъ, проповѣдуетъ любовь и состраданіе къ ближнему, рѣшительно и безусловно отвергая тѣлесныя наказанія.

Время шло незамѣтно. Мы быстро подвигались впередъ. Разговоры смѣнялись разговорами, но все-таки оттѣнокъ дикости и отчужденія между пассажирами, отчасти, былъ замѣтенъ въ достаточной степени.

— Нѣтъ, вотъ насмѣшила меня одна изъ родныхъ моихъ тётушекъ, говорилъ одинъ молодой человѣкъ своей сосѣдкѣ.—Въ памятный для всѣхъ день 5 марта, когда всѣ наши знакомые цаловались другъ съ другомъ и христосовались, поздравляя всѣхъ и каждаго съ освобожденіемъ крестьянъ, я стремглавъ прибѣжалъ къ тёткѣ и ну душить ее въ объятіяхъ отъ всей чистоты переполненнаго радостію сердца.

— Сумасшедшій, постой, сумасшедшій, да что ты, въ-самомъ-дѣлѣ, никакъ въ умѣ рехнулся? кричала она, отпихивая меня отъ себя насколько силъ хватало.

— Тётушка, Христосъ воскресъ! Сейчасъ манифестъ читали. Нѣтъ больше крѣпостныхъ въ Россіи! Свобода подписана!... Ура!

— Да что ты горло-то дерешь?... Экъ онъ орётъ, будто радость какая; а ты разскажи толкомъ.

— Крестьяне освобождены съ этой минуты; ихъ нужно надѣлить землей; дворовые свободны, хоть сію минуту отпустите...

— Тс, тс, сумасшедшій, не ори: и Матрёшка, и Дашка, и Ѳеклуша— всѣ тутъ: неравно услышатъ. Какъ бы Ѳедоръ съ Михѣемъ про манифестъ не пронюхали!

— А что вы скажете, милостивые государи, на мой не анекдотъ, а на истинное происшествіе, говорилъ мужчина во цвѣтѣ лѣтъ, не успѣвшій еще состарѣться, но уже слегка посѣдѣвшій и отъ сидячей жизни потерявшій часть волосъ въ передней части головы. — Надо вамъ напередъ сказать, что ни на мнѣ отроду розги не бывало, ни я не бывалъ никогда причиною чужихъ стоновъ отъ розогъ. Есть у меня имѣніе, въ которомъ живетъ старшій мой братъ, полковникъ старыхъ временъ, но съ молодымъ взглядомъ на міръ, и поэтому страдавшій и пострадавшій за свою гуманность, почитавшуюся когда-то либерализмомъ. Этотъ человѣкъ нетолько никогда не дрался, не ругался и не бранился, но, кажется, всю душу свою онъ былъ готовъ положить на то, чтобъ облегчать, услаждать жизнь тѣхъ людей, которыхъ судьба ввѣрила его попеченію. И что же вы думаете? Чѣмъ эти люди намъ отплатили? Мы имъ безвозмездно подарили ихъ усадьбы; мы облегчили имъ выкупъ надѣла на одну пятую ея цѣнности; каждое тягло на себя запахивало у насъ по десяти десятинъ во всѣхъ

трехъ поляхъ: мы имъ оставили этотъ надѣлъ и на будущее время, а они?... Они не хотятъ барскихъ полей запахать и засѣять; они гурьбой явились на господскій дворъ и, крича, что магазинъ съ запаснымъ хлѣбомъ теперь уже не барскій, а ихъ, крестьянская, собственность, хотѣли его контролировать и весь хлѣбъ разобрать по избамъ. Это такъ огорчило брата, что онъ въ первый разъ въ жизни вышелъ изъ себя и, остановивъ мужиковъ крупнымъ русскимъ словцомъ, тѣмъ только и предотвратилъ готовившееся волненіе. Изъ этого же имѣнія взятъ былъ ко мнѣ въ комнату мальчикъ Петрушка. Я выростилъ этого мальчика, выучилъ его грамотѣ, превратилъ Петрушку въ Петра Корнилыча и сдѣлалъ своимъ камердинеромъ. Жалованья я ему давалъ семь цѣлковыхъ въ мѣсяцъ. Въ день 5 марта я призвалъ его къ себѣ, прочиталъ ему манифестъ отъ начала до конца, прочиталъ положеніе о дворовыхъ людяхъ и, въ-заключеніе, прибавилъ:

— Ну, Петръ Корнилычъ, я свой долгъ исполнилъ, царскую волю объявилъ; мнѣ остается только поблагодарить тебя за вѣрную и честную службу. Я тобой былъ постоянно доволенъ; ты честный, трезвый и умный малый и, нѣтъ сомнѣнія, что ты будешь счастливъ, если будешь вести себя попрежнему.

Мой Петръ разрыдался.

— Любезный другъ, продолжалъ я:—я не хочу связывать твоей доброй воли еще на два года. Хочешь ты у меня оставаться служить— оставайся и служи, а не хочешь — на то твоя добрая воля, только я тебѣ, голубчикъ, жалованья прибавлять не стану, а какъ платилъ семь рублей, такъ эти же семь рублей и впередъ тебѣ стану платить; разумѣется, въ праздники безъ подарковъ не оставлю.

— Батюшка, такой-сякой—заливаясь слезами, говоритъ Петръ:—вы меня вспоили, вскормили, уму-разуму научили и на путь добрый наставили! Что жь бы я былъ за свинья за такая, еслибъ отъ вашей милости отойти вздумалъ. Мнѣ ль у васъ не житье; чай, и въ раю не лучше того.

Ну, поговорили-поговорили, да такъ и оставили, предовольные другъ-другомъ. Только вдругъ, недѣли двѣ тому назадъ, слышу я, что кто-то неровными шагами идетъ ко мнѣ въ кабинетъ черезъ

гостиную. Дверь отворяется—ба! Петръ Корнилычъ... да вѣдь какъ пьянъ-то? мертвецки! А я этого человѣка сроду не видывалъ нетолько хмельнымъ, но даже навеселѣ.

— Петръ Корнилычъ, что съ тобой?

— Да нѣтъ ужь, сударь, какъ вамъ угодно, а моченьки моей ужь не стаётъ.

— Да что̀ ты? что̀ съ тобой?

— Да что̀ со мной? А ничего со мной! А ужь какъ вамъ, сударь, будетъ угодно, а моченьки моей ужь не хватаетъ.

— Чего жь тебѣ, братецъ, надобно?

— Пожалуйте отпускную-съ.

— Такъ ты служить мнѣ ужь не хочешь?

— Моченьки моей ужь не стаётъ.

— Что жь тебѣ трудно?

— Съ чего тутъ трудну быть! не Богъ знаетъ работы сколько!

— Такъ обижаютъ тебя, что̀ ли?

— Кому меня обижать? да и за что̀?

— Да посмотри ты, Петръ, на себя: вѣдь ты еле-еле на ногахъ стоишь.

— Съ горя, сударь-батюшка, съ горя, съ горя, съ горя! нѣтъ моей моченьки больше!

— Да ты скажи толкомъ, чего жь тебѣ надобно?

— Пожалуйте отпускную-съ.

— Да вѣдь я тебѣ давно предоставилъ полную волю; я не держалъ тебя; ты самъ пожелалъ остаться?

— Моченьки моей нѣтъ больше, сударь: пожалуйте отпускную-съ.

— Ну, ступай, проспись; приходи завтра, я тебѣ дамъ бумагу къ посреднику.

На-завтра мой Петръ пьянъ мертвецки, на послѣзавтра тоже пьянъ; на другой день языкъ лыка не вяжетъ, на слѣдующій день Петръ на ногахъ не стоитъ. Что̀ за диво? На всѣ вопросы одни и тѣ же отвѣты: «не могу больше; моченьки нѣтъ; пожалуйте отпускную; уйду на край свѣта!»

Ну, наконецъ, намедни, мы кой-какъ его усовѣстили, образумили, чтобъ пить-то хотя пересталъ. Цѣлый день онъ былъ трезвъ и не вступалъ въ разговоры, а исполнялъ свое дѣло попрежнему. На завтра онъ былъ опять трезвъ, но послѣ обѣдни, когда мы съ женою сидѣли за газетой, онъ вошелъ къ намъ.

— Ну, что̀?

— Я къ вашей милости-съ.

— Что́ скажешь?

Петръ вынулъ изъ кармана платокъ, прижалъ къ глазамъ и зарыдалъ горько-прегорько.

— Растолкуй же ты мнѣ, сдѣлай милость, съ чего ты плачешь?

— Мнѣ жалко, сударь, какъ я теперича весь вѣкъ свой у васъ живучи, съ-измалѣтства вскормленъ, вспоенъ и грамотѣ обученъ... Всю жизнь, какъ есть, вашихъ милостей не забуду! Нѣту моей моченьки больше, а оставаться у васъ мнѣ не рука. Пожалуйте отпускную-съ.

— Да не влюбленъ ли ты, братецъ, въ кого нибудь? скажи, признайся...

— Грѣха того не знаю-съ, а мнѣ тутъ у васъ жить не мѣсто.

— Жалованья мало?

— Всѣмъ мы предовольны.

— Обращеніе тебѣ не нравится?

— Отъ родителей ласки такой не видывали.

— Лакейскую должность, можетъ-быть, править обидно?

— И почище насъ люди, да этимъ только живутъ.

— У меня и руки врозь. Чортъ же съ тобой, думаю: — пожалуй, этакъ съ нимъ всякое терпѣнье потеряешь! Ну, нечего дѣлать, далъ отпускную.

— Экой, въ-самомъ-дѣлѣ, какой вашъ Петрушка, или какъ тамъ его... Петръ Корнилычъ! подхватилъ одинъ изъ сидѣвшихъ тутъ пассажировъ: — захотѣлъ на волю скорѣй и хочетъ разорвать послѣднюю связь съ крѣпостнымъ правомъ, да съ-горя и запилъ, безотчетно понимая, что въ жертву этому стремленію, онъ долженъ навсегда отлучиться отъ людей съ прекраснымъ сердцемъ, неунижавшимъ его человѣческаго достоинства! Что его ждетъ впереди свобод-

ный трудъ— онъ это хорошо понимаетъ, но внутренняя борьба изъ-за принципа, какъ видите, не обошлась ему даромъ.

У Твери вагонъ нашъ на ночь достаточнымъ образомъ опорожнился и мы всѣ превосходнымъ манеромъ расположились на покой. Будили насъ въ Клину напиться какой-то кофейной бурды, исправляющей здѣсь должность кофе, а окончательно проснулись мы всѣ уже въ Москвѣ, въ 8 часовъ утра.

Сейчасъ мнѣ принесли копію съ «грамотки», которую, съ недѣлю тому назадъ, московскіе фабричные изъ бывшихъ крѣпостныхъ людей поднесли здѣсь государю. Помнится, какъ-будто эту грамотку я уже гдѣ-то читалъ (*), но она такъ коротка, такъ хороша и такъ прямо идетъ отъ чистаго сердца, что ее пріятно будетъ и еще разъ перечитать.

«Всемилостивѣйшій государь, *отецъ-освободитель!*

«Благодаримъ тебя, государь, за великія твои милости, за дарованную намъ тобою свободу.

«Денно и нощно молимъ мы за тебя, молятъ наши жены и дѣти и будутъ молить внуки и правнуки.

«Храни тебя милосердый Богъ и дай тебѣ силу и крѣпость все совершить съ любовію, чтобъ всѣ твои вѣрноподданныя дѣти, тебѣ Богомъ данныя, во взаимной любви и согласіи, благословляли твое имя въ роды родовъ, какъ мы благословляемъ имя нашего отца-освободителя».

Здѣсь, въ Москвѣ, я успѣлъ побывать только у изобрѣтателя зерносушильни, бывшей минувшей осенью на сельскохозяйственной выставкѣ, устроенной вольнымъ экономическимъ обществомъ, у В. Я. Максимова, на Арбатѣ. Во время моего посѣщенія, хозяину сдѣлано было нѣсколько визитовъ посторонними лицами. Это были помѣщики, дѣлавшіе заказы именно на эту зерносушильню, которую они, по рисункамъ и его описаніямъ, нашли изобрѣтеніемъ чрезвычайно-остроумнымъ и весьма-полезнымъ.

(*) Дѣйствительно, она была уже напечатана въ газетахъ.

Такъ-какъ разговоры отъ зерносушильни весьма-естественно уклонялись вообще къ повсюдной реформѣ въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ, то результатомъ этихъ свиданій для меня было то, что я узналъ, что большинство и чуть ли не всѣ наши землевладѣльцы сильно встрепенулись отъ дремы и усыпленія, въ которое они были погружены; что пробужденіемъ этимъ Россія обязана манифесту, подписанному государемъ 19 февраля; что теперь, когда со дня на день вездѣ ждутъ установленія волостей и когда, слѣдовательно, патріархальная связь между помѣщикомъ и крестьянами превратится въ правильный, свободный и нравственный союзъ, вольный трудъ долженъ воспріять полное и прочное начало—врядъ ли безъ хорошихъ земледѣльческихъ машинъ и орудій землевладѣльцы могутъ управиться со всѣмъ своимъ хозяйствомъ; что разомъ завести полный комплектъ этихъ машинъ и орудій едва-ли для каждаго хозяина возможно, и что теперь всѣ наши большія дороги ежедневно могутъ представлять наблюдателю наглядныя доказательства того, въ какой степени сознана уже дворянствомъ необходимость пріобрѣтенія улучшенныхъ снарядовъ; и что — важное обстоятельство — всѣ помѣщики стали распродавать свою «охоту», а такъ-какъ на эти покупки мало охотниковъ, то всюду по помѣщичьимъ имѣніямъ открылась сирійская рѣзня разнымъ сворамъ: несчастныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ собакъ, гончихъ и борзыхъ всюду бьютъ, стрѣляютъ и вѣшаютъ цѣлыми дюжинами. Переворотъ въ жизни страшный!

Я, дорогой, составилъ планъ путешествія такого рода, чтобъ, нисколько не заживаясь въ первопрестольной столицѣ, сначала проѣхать на долгихъ въ Подольскъ — пунктъ чрезвычайно-важный, гдѣ я надѣялся на шоссейной заставѣ собрать кое-какія статистическія данныя о движеніи купеческихъ и крестьянскихъ обозовъ къ Москвѣ и отъ Москвы по двумъ большимъ трактамъ, по московско-варшавскому шоссе и по тульско-орловскому; отсюда я полагалъ пробраться до Тулы, изъ Тулы черезъ Веневъ попасть въ Рязань, посѣтить потомъ Коломну и устроить свои разъѣзды такъ, чтобъ въ ивановъ-день быть въ Москвѣ и оттуда, немедля, отправиться по желѣзной дорогѣ домой, въ Петербургъ.

Въ Подольскъ я могъ попасть двумя путями: или обыкновенною шоссейною дорогой, или такъ-называемымъ старокалужскимъ трактомъ. И такъ, и этакъ разстояніе почти одно; но на шоссе все подчищено, все вымыто, все выбрито, все подрумянено, а на заброшенной купеческой дорогѣ я, безъ сомнѣнія, встрѣчу природу безукрашенную.

Я порѣшилъ ѣхать на долгихъ и по старокалужской дорогѣ, и поэтому часа ужь два тому назадъ послалъ въ Замоскворѣчье, въ Солодòвки, на подворье, за лошадьми и за тарантасомъ.

Къ этому, отчасти, завлекаетъ меня еще и то—чтò я почти совершенно случайно вспомнилъ – что гдѣ-то около Подольска, живетъ въ какомъ-то селеніи одна сильно заинтересовавшая меня минувшею зимою личность, съ которою я всего только разъ въ жизни повстрѣчался, но зато въ весьма-близкомъ для меня семействѣ, личность, замѣчательная для меня тѣмъ, что она, вѣроятно, вслѣдствіе особеннаго склада обстоятельствъ, въ одно и то же время и хвалила и бранила русскаго мужика, въ одно и то же время горой стояла за крѣпостное право и желала его уничтожить. Постараюсь, если окажется возможнымъ, погостить денёкъ-другой у этого человѣка.

Четвертокъ, 1 іюня.

Барское село. Еще третій часъ ночи; еще солнышко не взошло; еще пѣтуховъ не слышно, а пастушокъ ужь проигралъ на рожкѣ. Мужики хранятъ во всю ивановскую, а ужь калитки скрипятъ и мимо меня поминутно проходятъ полусонныя бабы, въ сердцахъ хлещущія своихъ коровёнокъ, кто розгой, кто хворостиной, а кто и просто кулакомъ. Голова болитъ ужасно, а лечь на диванъ не хочется: не жалую я насѣкомыхъ, а персидскій порошокъ изъ чемодана достать лѣнь. Да и спать не хочется; да и мухи спать не дадутъ. Онѣ здѣсь, на постояломъ дворѣ, ужасно злы и кусаютъ такъ, какъ меня еще и не кусывали. Ба, ба, ба! чтò я вижу? тесовыя кровли? это для меня новость. Всю дорогу я не видалъ такой приличной усадьбы. Жаль только, что кабакъ здѣсь на самомъ тычкѣ, а это скверное дѣло и

дурная примѣта. Но давишняя деревенька, Копькова, и безъ кабака представилась мнѣ самою безотрадною мѣстностью: полуразрушенныя, напоминающія о хорошемъ быломъ каменныя, кирпичныя избы, прикрыты растрепанными ворохами соломы. При нѣкоторыхъ избахъ я и воротъ не замѣтилъ; а воротъ нѣтъ, стало быть и двора нѣтъ, а нѣтъ двора, нѣтъ стало быть и скотинки, а у крестьянской семьи нѣтъ скотинки—стало быть эта семья—семья нищихъ, разоренная, совсѣмъ обнищалая семья, о которой сложена поговорка, что въ семерыхъ дворахъ всего одинъ топоръ живетъ.

Красная Пахрà была побогаче. Я остановился въ крайней избѣ, у ската къ мосту чрезъ Пахру. Изба раздѣлялась на три отдѣла, на хозяйское жилье, постоялый дворъ и на харчевенку. Я сидѣлъ въ послѣдней. Здѣсь была, для увеселенія публики, съ попорченными дудками шарманка, именно этою испорченностью напомнившая мнѣ другую шарманку. И вѣдь находились же люди, которые и этою чахлою шарманкой восхищались, а на мой слухъ, какъ тутъ дудки ни исправляй, какія подпорки и затычки ни вставляй, никакъ безъ новой механики не обойдешься.

— Вотъ, баринушко, слышишь какъ шарманка-те наигрываетъ? это вотъ наше теперь житье таково: строю мало! замѣтилъ одинъ старенькій мужичокъ, изъ-за окна принимавшій участіе въ нашей бесѣдѣ.— Ты вонъ норовишь, чтобы этакъ, а вонъ толстыя-то дудки горланятъ эвона куда! Рознь и есть! Порченное-то съ непорченнымъ вмѣстѣ и не ладится!

Мужиковъ на селѣ было мало дома. Дворникъ съ дворничихой тоже куда-то уѣхали въ гости. Меня угощала миловидная хозяйская дочь, еще ребенокъ, которая грамотѣ ужь знаетъ и которую я съ четверть часа времени поучилъ на счетахъ. Но ей, кажется, было не до ученья; на улицѣ, подъ окнами, составлялась между молодежью игра, въ родѣ знакомой намъ игры въ жгуты, только на другой ладъ, безъ жгутовъ, а просто съ пятнашками. Подъ оконцемъ очень-красивая, дородная, бѣлогрудая молодая баба кормила ребенка и привѣтливо болтала со мной, повременамъ тяжело вздыхая о засухѣ.. Во всю дорогу, встрѣчные крестьяне жаловались на бездождіе. Но, чтò меня осо-

бенно поражало, отказывались отъ дорогаго, по моему мнѣнію, подарка—отъ печатнаго манифеста, экземпляры котораго я захватилъ съ собой такъ, на всякій случай.

— Вотъ, батюшка, какъ бы положеньице намъ пожаловали—ну, мы бы поблагодарствовали.

— Да вѣдь, голубчики мои, эта царская грамота должна у васъ изъ рода въ родъ переходить: надо, чтобъ у васъ ребята по ней грамотѣ учились.

— Такъ-то оно такъ, сударь, да вишь манифестъ-то этотъ, заправскій ли?

— Съ чего жь ты взялъ, что онъ можетъ быть не заправскій?

— А я такъ мерекаю, что твой точно заправскій. Сказывали намъ, что настоящая то-есть царская грамота на двухъ листахъ написана, а вотъ къ намъ привозили—такъ та на одномъ листочкѣ: ну, и не вѣрится.

Вѣроятно, собесѣдникъ мой говорилъ объ экономныхъ и мелкимъ шрифтомъ напечатанныхъ оттискахъ манифеста изъ губернскихъ вѣдомостей. Я старался растолковать имъ ихъ заблужденіе на этотъ счетъ, и хотя и радушно, но все-таки настойчиво навязывалъ имъ свой подарокъ, но манифеста они не брали.

— Всяко случается, баринъ; оставь его себѣ; мы ужь эту грамоту слыхивали, а ты намъ вотъ положенье зелененькое дай, ну это дѣло подходящее.

Меня порадовали слухи, собранные мною по дорогѣ, о моемъ полузнакомомъ, котораго я намѣревался посѣтить, если удастся. Мнѣ говорили про жалкое положеніе крестьянъ одного имѣнія въ прежнее время, и всѣ единогласно приписывали моему знакомцу честь исправнаго и достаточнаго состоянія крестьянъ въ настоящее время. Въ десять лѣтъ, говорятъ, никто и не слыхивалъ, чтобъ между этимъ господиномъ и управляемыми имъ тысячью душами возникали какія-либо неудовольствія, или жалобы. А это рекомендація хорошая!

Всю дорогу я встрѣчалъ толпы женщинъ, шедшихъ на богомолье въ Москву и къ Троицѣ, или оттуда возвращавшихся. Въ этакую пору года и такая масса гибнущихъ непроизводительно силъ! Какъ-будто нельзя выбрать другаго времени для этихъ путешествій! Хороши и мы, въ Петербургѣ: у насъ здоровенные мужики пряниками по улицамъ торгуютъ. Право, это хивинизмъ непростительный. Какъ же всѣми силами не желать бо̀льшаго развитія въ нашемъ народѣ образованія и бо̀льшаго уваженія къ труду?

Во всѣхъ селеніяхъ, которыя я проѣзжалъ, все занятіе крестьянъ ограничивается или земледѣліемъ или содержаніемъ постоялыхъ дворовъ и харчевень. А эти заведенія здѣсь чуть не на каждомъ шагу, стало-быть, старокалужская дорога—трактъ очень-бойкій На одномъ такомъ заведеніи, я увидѣлъ вывѣску: «Бѣлая харчевня, городъ Россія». Хороши понятія! Грамотный русскій человѣкъ—и не понимаетъ что̀ такое Россія! И гдѣ же?подъ Москвой!

Впрочемъ, самое слово «отечество», извѣстное прежде крестьянамъ лишь въ смыслѣ отчества, только съ недавняго времени начинаетъ быть знакомо мужикамъ въ общепринятомъ у насъ значеніи.

При мнѣ, на постояломъ дворѣ, въ Пахрѣ, остановились мужикъ да баба и потребовали самоварчикъ. Чай, сахаръ и сѣрый ситникъ они вынули изъ своего мѣшка. Засыпавъ и заваривъ чай, они помолились Богу и принялись чайничать. Я потерялъ счетъ выпитыхъ ими чашекъ, хотя до семьнадцати и досчиталъ: просчиталъ, за интереснымъ разговоромъ.

— Что̀ вы, Богу молиться собираетесь? спросилъ я женщину.

— Нѣтъ-съ, мы теперича изъ-подъ Калуги домой пробираемся, въ Москву, отвѣчала она, картинно и безцеремонно отирая грязнымъ полотенцомъ потное лицо, шею и грудь до «елико можаху».

— А у васъ въ Москвѣ домикъ свой?

— Фатеру снимаемъ. Признательно сказать, мы по табачной части торгуемъ, больше все нюхальнымъ, а случатся тесёмки изъ Малоярославца—мы и тесёмки распродаемъ, а то и красный товаръ та̀къ, по мелочи.

— Господскіе бывали?

— Мы изъ экономическихъ.

— А у васъ какой торгъ? обратился я къ крестьянину, совершенно раскисшему отъ чаяванья.

— Мы-съ около земли больше; вотъ сестрицу провожаемъ. Нонче, сказываютъ, государь въ Москвѣ: осчастливить себя лицезрѣніемъ Ихъ Императорскаго Величества желаемъ.

Должно быть, «кулакъ», подумалъ я, сообразивъ, что въ рабочую пору бѣдному земледѣльцу не подъ-силу тащиться на своей лошади въ Москву.

— Ну, и товарцомъ позапасетесь?

— Какъ безъ того быть! тоже вѣдь и у нашихъ мужичковъ надобности свои бываютъ, ну, а въ Москвѣ закупить сходнѣй дѣло.

— Ну, что̀, какъ въ вашихъ мѣстахъ крестьяне?

— Господскіе-то, что̀ ли-съ?

— Да, бывшіе господскіе.

— Чего, сударь! натворили теперь кутерьму!

— Что такъ?

— Да какъ же, помилуйте: они теперь выше насъ, государственныхъ, станутъ.

— Это отчего?

— Да какъ же-съ, сами посудите: первое дѣло—они народъ самый, то-есть, какъ-есть, никуда негодящій; второе же дѣло—теперича ихъ землей надѣляютъ.

— Вы всегда были свободны: не-уже-ли же васъ не радуетъ, что такимъ же христіанамъ православнымъ, каковы и вы, тоже дана теперь свобода?

— Да къ чему имъ это, сударь: жили же вѣдь они и безъ того?

— Да и вы, я думаю, прежде безъ чаю сыты бывали, а теперь, небось, куда безъ чайку-то тошно?

— Экъ вы примѣнили меня. Я на свой карманъ пью.

— А вамъ бы развѣ не хотѣлось, чтобъ и другіе тоже чаекъ распивали на свои трудовыя денежки?

— Мнѣ до другихъ что̀ за дѣло.

— А вотъ кажется же вамъ, что свобода бывшимъ крѣпостнымъ излишняя?

— Совсѣмъ какъ-есть вредное дѣло.

— Да отчего же?

— А вотъ отчего. Какъ мужикъ былъ въ тискахъ, онъ былъ сытъ, а другіе и еще сытѣе; а какъ теперича волю мужику дашь — мужикъ вѣдь глупъ — и выйдетъ дѣло хоть кинь: ни себѣ, ни людямъ. И пойдетъ либо по полатямъ, либо по кабакамъ валяться.

— А я думаю, коли дать мужику свободу, да дать ему землю, да выучить его грамотѣ—онъ и самъ разбогатѣетъ и все царство обогатитъ.

— Громатѣ? э-эхъ, сударь, не напророчьте вы еще и этой бѣды.

— Какъ, бѣда? Да развѣ вольному человѣку можно прожить безъ грамоты?

— Да и теперь-то нашъ братъ крестьянинъ никуда не гожъ, а съ грамотой онъ и совсѣмъ пропадетъ.

— Да отчего же такъ?

— Свихнется, не на ту линію выйдетъ! Ужь какой онъ станетъ пахарь? онъ только норовитъ міру на шею навязаться. Грамота до добра не доводитъ.

— Какъ же онъ вѣру Христову познаетъ безъ грамоты?

— А попы-то на что?

— Поученія читаютъ? проповѣди говорятъ?

— Нѣтъ, это только по городамъ дѣлаютъ; тамъ народъ понимаетъ, а нашъ братъ въ проповѣди не пойметъ ни слова.

— Вотъ этакія назидательныя книжки и сталъ бы крестьянинъ самъ толково читать дома, еслибъ зналъ грамотѣ.

— Есть когда ему читать: доброму мужику часу свободнаго на отдыхъ не останется.

— А записать что̀ случится по домашеству?

— А бирки-то у насъ на что̀: лучше всякой грамоты выходитъ это дѣло.

— А пословица «ученье свѣтъ, неученье тьма»?

— Учить надо нашего брата палкой, вотъ что̀! Умнѣй мужикъ станетъ.

Послѣ такихъ резоновъ, которые я нарочно записываю, чтобъ выставить взглядъ разнаго класса людей на вопросы первостепенной важности, я, конечно, вступилъ съ «кулакомъ» въ серьёзныя слово-

пренія, понимая, что дома, на деревнѣ, онъ, вѣроятно, лицо доволь-но-вліятельное и потому могущее такъ или иначе распространять въ массѣ весь ядъ и всю грязь своего міросозерцанія: но мужикъ мало склонялся на всѣ мои доводы. Я радъ, что онъ согласился наконецъ со мною хоть въ одномъ, что не грамота виной была многихъ печальныхъ явленій, а дурная обстановка и система порядковъ, къ общему благополучію отживающихъ свой вѣкъ.

Слава Богу, дождь былъ великолѣпный; гроза начиналась раза три. Воздухъ освѣжился.

Мой хозяинъ, дворникъ, Аверьянъ Ѳомичъ совѣтуетъ мнѣ переѣхать въ сосѣднее село, гдѣ есть врачъ. Оказывается, что лицо, съ которымъ я зимой познакомился, именно въ томъ-то селѣ и живетъ. Отзывы о немъ прекрасные и это меня радуетъ. Хочу попробовать свернуть съ дороги и съѣздить туда.

На мое счастье, знакомый Аверьяна Ѳомича ѣдетъ сегодня въ Подольскъ. Я наскоро написалъ письмо въ «Сѣверную Пчелу», внеся въ него мелочи жизни, ускользнувшія у меня изъ памяти (*), когда я вписывалъ свои замѣтки въ эту тетрадь. Молодой парень, ѣхавшій въ городъ, отказался отъ наводки, которую я ему предлагалъ. Это что-то новое. Однажды я зимой, сдѣлавъ на прескверномъ извощикѣ коротенькій «конецъ», забылъ выслать ему деньги, по таксѣ пятиалтынный. Засидѣлся я у знакомаго больше часа, часа, быть-можетъ, полтора, но ужь не больше. Выхожу на подъѣздъ, а извощикъ, слава Богу, тутъ, какъ тутъ.

— Эхъ, баринъ, какъ вы меня продержали. Я ужь думалъ, вы насквозь, въ другую улицу ушли.

— Ну, братецъ, извини, вези назадъ домой; я въ долгу не останусь.

Пріѣхалъ я домой и, въ порывѣ щедрости, чтобъ заквитать свою вину, даю извощику цѣлковый.

(*) Напечатано въ № 130 «Сѣв. Пч.»

— Эхъ, баринъ, маловато-съ; хоть бы на чаекъ прибавили.

Вотъ тутъ и извольте отъ чистаго сердца давать вознагражденіе. А вѣдь этакіе случаи нерѣдки. Правда, извощикъ понюхалъ ужь аромата оборотной стороны петербургской жизни.

Аверьянъ Ѳомичъ мужикъ очень-зажиточный. Его бытъ много напоминаетъ мнѣ бытъ сибирскихъ крестьянъ сороковыхъ годовъ. Какъ теперь тамъ — не знаю, и въ той ли мѣрѣ разлито довольство какъ прежде, этого мнѣ выяснить себѣ было не изъ-чего.

У Ѳомича изба добрая. Ночь я провелъ въ черновомъ отдѣленіи. Въ это время хозяинъ съ хозяйкой, отъ духоты избы, спали въ сѣняхъ, на полу, на войлокѣ, укрывшись, кажется, армяками. Ну, такъ неряшливо сибирскіе крестьяне въ мое время не спали. Проснувшись, Ѳомичъ пригласилъ меня въ свое собственное помѣщеніе, проведя черезъ комнату, гораздо почище первой. Въ нынѣшней моей комнатѣ и чисто, и уютно, и опрятно, а все не посибирски: нѣтъ ни скатеретокъ по столамъ, нѣтъ и ковриковъ на полу. Ѳомичъ показался мнѣ очень-разумнымъ человѣкомъ себѣ-на-умѣ. Его слѣдуетъ хорошенько поизучить. Дня черезъ три, какъ поѣду въ дальнѣйшій путь, въ Тулу, Ѳомича не проминую. Обозовъ здѣсь идетъ множество; все больше лѣсъ везутъ.

Пятница, 2 іюня.

Пріѣхалъ вчера въ здѣшнее село и принятъ чрезвычайно-радушно. Мой петербургскій знакомецъ, дѣйствительно, личность весьма-почтенная. Я его буду звать просто «управитель».

Господская усадьба, гдѣ онъ живетъ, простенькая, бѣдненькая. Домикъ новенькій въ три комнатки: контора, гостиная и спальня. Мнѣ уступили гостиную. Но главную, истинно-барскую усадьбу, богатый замокъ съ садами и оранжереями, я проѣхалъ: она саженяхъ во ста отъ Ѳомича, въ томъ же мѣстѣ.

Дворни, слава-Богу мало: мальчикъ-казачокъ; дѣвушка, лѣтъ шестнадцати, горничная; старичокъ низенькій, сѣденькій — конторщикъ; кучеръ и ключникъ; да еще наемные люди—безсрочно-отпускной, мо-

лодой порядочный малый, занимающійся въ конторѣ и изучающій подъ руководствомъ управителя землемѣрное искусство и черченіе, и его жена—кухарка въ домѣ. Въ людской избѣ нѣсколько человѣкъ ребятъ обоего пола.

Еще есть одинъ дворовый, Сергѣй Васильевичъ, врачъ, и жена его, Авдотья Ивановна. Врачъ, какъ мнѣ сказали, каждое утро являющійся къ управителю пить чай, одѣтъ весьма-прилично. Это здоровенный, невысокаго роста блондинъ, что называется крѣпышъ, съ пріятнымъ, открытымъ лицомъ; говоритъ немножко книжно; садиться при «главѣ», при управителѣ, не рѣшается; руки мнѣ протянуть не «осмѣливается» и только послѣ рѣшительныхъ настояній, онъ сунулъ мнѣ въ руку кончики своихъ пальцевъ, но пожать руку было выше его силъ.

Управитель съ сильною просѣдью, хорошаго роста, не тучный и не сухопарый, и съ чрезвычайно-энергическою физіономіей. Замѣчательная черта та, что, по его словамъ, онъ никогда не выпускаетъ воротничковъ изъ-за галстуха. Его супруга, хорошо-сохранившаяся особа, лѣтъ уже за тридцать, съ чертами лица, выражающими особенную доброту сердца, и съ умными карими глазами, но, кажется, нѣсколько болѣзненная. Весь вечеръ провели мы въ радушной бесѣдѣ.

Видъ изъ оконъ пустынный, скучноватый: лужайка, просѣка и, вдали, на равнинѣ, лѣсокъ. Въ комнатахъ двѣ собачки-аристократы, Лисичка и сынокъ ея, Борчукъ, очень-ласковыя и, въ миньятюрѣ, чрезвычайно-похожія на лисицу, съ такими же узенькими мордочками, съ такими же пушистыми хвостами и съ такою же огненно-бурою шерстью. На дворѣ двѣ, другъ другу несимпатизирующія, лягавыя собаки, бѣлая Бушуй, отъ старости уже обеззубѣвшая, и среднихъ лѣтъ чорный пёсъ Арабъ, непользующійся благорасположеніемъ публики.

По лужайкѣ расхаживаютъ изъ-желта-розовый индюкъ съ скромницей индюшкой и дюжиной пыряточковъ, а около сорныхъ кучъ виднѣются два пѣтуха съ своими подвижными гаремами.

Сегодня случайно пріѣхали къ управителю гости: становой приставъ съ своимъ зятемъ, тріестинскимъ гражданиномъ, кой-какъ маракующимъ порусски. Онъ породою сербъ и, какъ житель Тріеста, превосходно говоритъ поитальянски.

Изъ бѣглыхъ разговоровъ управителя съ становымъ, вижу, что я попалъ на чрезвычайно-интересную завязку готовящейся драмы, но сущности дѣла, къ-сожалѣнію, схватить никакъ не могъ. Теперь ночь. Сонъ меня клонитъ, а головныя боли и презлѣйшія мухи, несмотря на банки съ мыльною водою, ежедневно возраждающіяся миріадами, не даютъ покоя.

Меня сегодня познакомили съ здѣшнимъ распредѣленіемъ дня. Въ семь часовъ утра чай; около двѣнадцати часовъ обѣдъ; потомъ сонъ; въ шесть часовъ вечера чай; въ десять часовъ ужинъ; въ одиннадцать—спать. Стало-быть, мнѣ на веденіе журнала остается ночь, а время послѣобѣденнаго сна надо употребить на эксплоатацію и распросы работниковъ; прочее время на прогулки и знакомство съ бытомъ крестьянъ.

Суббота, 3 іюня.

— Э, Боже мой, вы, сударь, все шутите, а мнѣ такъ эти шутки вотъ, сударь, гдѣ сидятъ! (И управитель слегда ударилъ себя кулакомъ по затылку.) Да развѣ я противъ манифеста? Я понимаю, слава Богу, какое это теперь счастье для цѣлаго человѣчества сдѣлано, да вотъ дѣло-то въ чемъ: въ счастьи-то этомъ нашему брату, управителю, ой-ой какъ жутко приходится! Побыли бы вы въ моей шкурѣ хоть недѣлю, хоть одни сутки, послушалъ бы я, какую бы вы тогда пѣсню запѣли?

— Ну, скажите мнѣ пожалуйста по совѣсти, хорошее дѣло была барщина?

— Преподлое-съ, отвѣтилъ онъ, довольно-таки долго и сильно призадумавшись.

— Хорошее дѣло было крѣпостное право?

— Что говорить, сударь, не приведи Господи.

— Желали бы вы его продолженія еще хоть на одинъ годъ, на одинъ мѣсяцъ?... на одинъ часъ?... на минуту?

— Избави меня Боже! Благодарю моего Создателя, что я хоть на старости лѣтъ дожилъ до счастья цѣлыхъ мильйоновъ православнаго

народа, до такого счастья, какого мнѣ никогда и на умъ-то не вспадало, и во снѣ-то никогда не грезилось.

— Такъ какъ же это вы вотъ сейчасъ плакались, зачѣмъ надѣлили свободой?

— Да кто же ихъ зналъ... право, я и не ожидалъ, что такъ скоро покончатъ! Думали, гадали... полагали, что еще когда-то, да когда-то, а на̀-вотъ-тебѣ, и манифестъ объявили!

Я не могъ удержаться отъ невольной улыбки при такомъ наивномъ возраженіи, которое я неоднократно слыхалъ уже и въ Петербургѣ, даже, повидимому, отъ передовыхъ людей, отъ самыхъ либеральныхъ помѣщиковъ.

— Что̀ это за народъ! снова началъ мой собесѣдникъ.

— Да что такъ вы на нихъ очень ужъ сердчаете?

— Да ка̀къ тутъ не сердчать?

— Бунтуютъ, что̀ ли?

— Бунтуютъ!

— Да какъ же это я ѣхалъ и всю дорогу выспрашивалъ встрѣчнаго и поперечнаго о здѣшнихъ порядкахъ. Мнѣ всѣ говорили, что по губерніи всюду, а у васъ особенно, тишина и спокойствіе.

— Тихо-то, что говорить, у насъ, благодаря Бога, и тихо, и смирно.

— Какой же бунтъ-то, коли тихо?

— Да не хотятъ работать.

— Ка̀къ не хотятъ работать? Да пить-ѣсть имъ же вѣдь надобно? Ка̀къ же они не станутъ работать?

— Свою-то работу они работаютъ, да на барскую-то выходить не хотятъ.

— А у васъ барщина?

— Есть и барщина, есть и оброчные.

— Которыхъ больше?

— Больше оброчныхъ; на чистой барщинѣ очень-мало; все больше «обязанные».

— Что̀ значитъ «обязанные»?

— На смѣшанной повинности, значитъ. И оброкъ и барщина вмѣстѣ

— А много ли у вашихъ мужиковъ земли?

— Въ надѣлъ велѣно по $3^1/_4$ казенныя десятины на душу, вмѣстѣ съ усадьбою.

— Нѣтъ; теперь-то велика ль у нихъ запашка?

— Хорошая запашка у нашихъ: народъ исправный.

— А оброкъ великъ?

— Нѣтъ, какое великъ... вѣдь вы знаете, вѣчно плачутъ: народъ ужъ такой.

— Ну, а напримѣръ?

— Да вѣдь здѣсь городъ близехонько, верстъ тридцать и всего; да и Москва подъ бокомъ; да торговый трактъ: не захолустье какое!

— А позвольте васъ спросить, если это не секретъ, ка̀къ великъ полный доходъ съ имѣнія?

— Какой тутъ секретъ. У насъ, сударь, полная гласность! пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, и баръ и мужиковъ, всѣ другъ про дружку всю подноготную знаютъ: я не скажу — другой скажетъ! У насъ тайнъ нѣтъ; гласность по цѣлому уѣзду, по цѣлой губерніи самая обширная!

— И газеты есть?

— Ну, вотъ этого-то въ наличіи не оказывается. Нашъ-то помѣщикъ лѣта̀ здѣсь живалъ, получалъ всякія, и французскія. И другіе помѣщики получаютъ.

— Ну, а вы?

— Когда мнѣ газеты читать?! тысяча душъ! день-то деньской высуня языкъ набѣгаешься, радъ что и старые журналы, что̀ послѣ господина остались, перечитаешь. Да и средствъ нѣтъ выписывать: хорошіе до̀роги, дешевые плохи, а этакъ иной журналъ на взглядъ и приглянется — хвать-по-хвать! денежки-то съ подписчиковъ обобраны! а газета или тамъ журналъ какой, на третьемъ нумерѣ покончились. Ужь я и не разъ, и не два на эти удочки попадался: всю потерялъ вѣру!

— Ну, чай, священники много читаютъ? становые?

— Да что̀ вы, сударь? Христосъ съ вами! Да это у насъ не слыханное дѣло.

— Да̀... такъ доходъ великъ у васъ съ имѣнія?

— Да это всяко бываетъ! годъ на годъ не всегда приходится.

— Исправно платятъ?

— Вотъ по части податей, у насъ оно въ примѣрномъ порядкѣ. А на счетъ оброка—утягиваютъ, канальи, не доносятъ, кто половину, а кто меньше; бездоимочны—какая-нибудь четверть въ вотчинѣ, а не снисходить—нельзя!

— Впередъ оброкъ-то берутъ?

— Впередъ, въ два срока: въ петрову дню и къ рождеству. А что̀ было въ старые-то года̀! Все это было на барщинѣ, доходишки скверные, мужички бѣдняжки въ конецъ разорены, избёнки — страсть посмотрѣть...

— Все это помѣщики?

— Какое-съ! Все больше шельмы-управители! Воришки, сударь, были; все хамы, бурбоны, знаете, этакіе! Сами изъ народа, а народъ тѣснили такъ, что не дай Боже! Ну, опять же и карманъ свой набить льстились... подлый народишко, сударь; совсѣмъ народишко этакой безчестный!

— Да̀, мнѣ, по дорогѣ, много-и-много про васъ хорошаго поразсказали.

— Помогъ Господь Богъ. У меня, сударь, дѣти: кромѣ честнаго имени мнѣ имъ нѐчего больше оставить. За то, за отца краснѣть имъ никогда не прійдется.

— Если вы такъ любите мужиковъ, какъ мнѣ про васъ разсказывали, и если вы успѣли для нихъ сдѣлать столько добраго, что мужики ваши всюду нажили славу очень зажиточныхъ людей, то ка̀къ это у васъ языкъ повертывается говорить, что они бунтуютъ?

— Да ка̀къ же они, шельмы этакіе, не бунтуютъ?

— Да чѣмъ же?

— Да шапокъ совсѣмъ ломать не хотятъ. Я, сударь, тридцать лѣтъ разными хозяйствами правлю и вездѣ себя уважать заставлять умѣю, а эти канальи... бывало, за версту меня завидитъ, картузъ долой снимаетъ, а нынче тогда ужь мнѣ честь отдаетъ, когда развѣ носъ съ носомъ столкнется.

— Что̀ жь, вы этимъ много проигрываете?

— Вы, сударь, нашего мужика не знаете. Не мнѣ его поклонъ нуженъ, а власти, которую я представляю, нужно послушаніе.

— Развѣ крестьяне не исполняютъ вашихъ приказаній?

— Ну, это грѣшно про нихъ сказать.

— Такъ я вѣдь васъ не понимаю.

— Вы все судите по-петербургски, а здѣсь не Петербургъ, а деревня, село. Вотъ, выдумали говорить, что вотчинная полиція принадлежитъ помѣщику, анъ, вотъ вамъ вотчинная полиція: я мужика и высѣчь не смѣю... а безъ грозы трудно, особенно на первыхъ порахъ.

— Ну, а на вторыхъ-то порахъ легче, вы думаете, будетъ? Вѣдь человѣкъ, вездѣ человѣкъ! А гдѣ человѣкъ — тамъ и зло. Пьяницы, буяны, негодяи разныхъ сортовъ, даже разбойники бываютъ въ самыхъ образованныхъ націяхъ—да вѣдь уживаются же люди и безъ палокъ, и безъ паспортовъ.

— Да-съ, скажите... хитеръ нынче человѣкъ сталъ... удивительное дѣло!

— Такъ если хорошенько поразсудить, право, безъ розогъ обойтись можно.

— Никакъ нельзя-съ! Помилуйте-съ, не говоря мнѣ ни полслова, цѣлой ордой ходили на меня жаловаться къ исправнику!

— Въ чемъ же они васъ обвиняютъ?

— Меня-то они, канальи, не обвиняютъ, да жаловаться ходили!

— Да на что̀ же?

— Ну, говорятъ, великъ оброкъ.

— А что̀ имъ сказано на это?

— А прочитали «Положенье», что до уставныхъ грамотъ поборы всѣ уничтожаются, барщина положена трехдневная, съ женщинъ на цѣлый день сбавлена, а оброкъ велѣли платить пока тотъ же. Вѣдь старое грѣхъ вспоминать. Мало ли что̀ бывало? Теперь кончено — больше не будетъ ужь!

— Что жь мужики?

— Разошлись смирно; почесали въ затылкахъ и разошлись, да дня черезъ два ко мнѣ же пришли просить извиненья!

— Ну, гдѣ жь тутъ бунтъ?

— Помимо меня ходили жаловаться.

— Это еще не важное дѣло.

— Нѣтъ, очень важное-съ. Они смекнули, что я, хоть и дѣйствую въ лицѣ помѣщика, но что на меня много-то смотрѣть нечего.

— Да̀, имъ именно указали, что есть вещь повыше произвола управителя, что есть законъ. А у васъ отъ помѣщика полная довѣренность?

— Была совершенно полная, да вотъ, какъ началось крестьянское дѣло, у всѣхъ управителей старыя довѣренности поотобрали, велѣли написать новыя и на̀строго наказали, чтобъ намъ не предоставлять права сдавать въ рекруты безъ зачета, ссылать на поселеніе въ Сибирь, и прочія въ этомъ же родѣ «преимущества».

— Я думаю, мильйоны крестьянъ за это молятъ Бога...

— Да они этого не знали: это у насъ было подъ секретомъ...

За обѣдомъ я завелъ разговоръ опять о доходахъ съ имѣнія и о прочемъ, что̀ меня съ перваго раза интересовало, но управитель отвѣчалъ на всѣ эти вопросы чрезвычайно уклончиво и нетолково.

Ожиданіе мироваго посредника, дѣйствительно, занимаетъ всѣхъ. Утромъ сегодня я погулялъ по селу, сходилъ, гуляючи, въ сосѣднюю деревеньку и удостовѣрился въ этомъ. Наткнулся, кажется, на интереснаго мужика.

Хозяинъ проситъ и докторъ совѣтуетъ погостить здѣсь и дѣлать больше моціона. Меня начинаетъ занимать здѣшняя мѣстность.

Теперь о вчерашнемъ становомъ.

Становыхъ у насъ знаютъ. Отношенія ихъ къ исправникамъ извѣстны. Что въ послѣдніе годы въ исправники стали выбирать уже не такихъ людей, какъ прежде, а дѣйствительно людей съ истинно дворянскою честью и съ уваженіемъ къ своему званію — это вещь тоже извѣстная. Что̀ значитъ для становаго губернское правленіе и правитель губернаторской канцеляріи—это тоже у насъ всѣ знаютъ. Жалованье становаго что̀-то въ родѣ 175 руб. сер. въ годъ.

Становой, котораго я вчера видѣлъ, безъ малаго тридцать-пять лѣтъ состоитъ на службѣ. Нынче имъ жалованье по штату увеличено, но еще до-сихъ-поръ его не выдавали. Вотъ нашъ герой и разсчи-

тываетъ, по окончаніи 35-ти лѣтняго срока службы, получить кругленькую пенсію и за свои гражданскія заслуги, общія всѣмъ друзьямъ человѣчества, каковы, въ массѣ, всѣ становые пристава̀, получить почетный владимірскій крестъ.

Любопытенъ былъ разсказъ его о «дѣланіи статистики». «Дѣлать статистику»—это выраженіе, становыми созданное, ими взлелѣянное, ими пущенное въ ходъ и чрезъ нихъ получившее право гражданства въ быту всѣхъ извѣстнаго разбора чиновниковъ.

О промыслахъ части здѣшняго уѣзда нашъ становой собираетъ статистическія свѣдѣнія никакъ уже десятый годъ. Каковы подобнаго, да признаться сказать, и всякаго рода статистическія свѣдѣнія, извѣстно всѣмъ и каждому. Повторять этого особенной надобности не предвидится. Но вотъ нѣсколько выдержекъ изъ нашей вчерашней бесѣды.

— Статистику мы дѣлаемъ все больше къ осени. Въ это время понакопится къ намъ требованій отовсюду бездна. Больше все мы усердствуемъ для губернаторскихъ отчетовъ. Вотъ и валяемъ во всю ивановскую! Такъ и пичкаемъ цифры въ указанныя графы! Иначе нельзя-съ! На шеѣ обуза: слѣдствія, дознанія, по мѣсяцамъ дома не живемъ, семьи, жены, дѣтей не видимъ! возимся съ крестьянами! Дѣлъ бываетъ по горло, а тутъ велятъ статистику сочинять! А то вотъ, недавно, вотъ нынче, велѣно собрать самыя точныя свѣдѣнія: много ли у меня въ стану безсрочно-отпускныхъ? Да торопятъ, велятъ скорѣй, немедля! А у меня, какъ нарочно, во всѣхъ хвостахъ стана множество слѣдствій... я хотѣлъ сказать дознаній: вѣдь нынче у насъ заведены особые судебные слѣдователи. Какъ же-съ! за тысячу рублей—это именно столько, чтобъ тройку лошадей съ кучеромъ въ годъ содержать, да поисправить повозку—за тысячу рублей будутъ все люди честные, все люди учоные, да проучоные! Такъ вотъ-съ, я и доношу, что у меня, дескать, въ стану безсрочно-отпускныхъ итого — тридцать-шесть человѣкъ. Пошло къ исправнику-съ. Исправникъ-то и вздумай, пишетъ мнѣ: предписываю, говоритъ, доставить мнѣ именной списокъ этихъ тридцати-шести человѣкъ, безсрочныхъ-съ. Я и давай вносить ихъ въ списокъ. Анъ, глядь—у меня въ итогѣ триста-сорокъ

три человѣка-съ! За то вѣрно вышло-съ! Это еще въ первый, почитай, разъ!

Особенно издѣвался становой надъ предписаніями высшаго начальства осмотрѣть въ стану всѣ публичныя зданія, въ томъ числѣ и церкви, переглядѣть живопись, прочесть всѣ надписи на стѣнахъ и на колоколахъ, рѣшить интересъ ихъ въ археологическомъ отношеніи и «о послѣдующемъ донести». Ка̀къ, я думаю, наше благонамѣренное, достойно и честно трудящееся археологическое общество, да и академія-то наукъ тоже, будутъ благодарны за эти археологическія изысканія! Да и кому жъ, кромѣ незнакомыхъ съ наукою становыхъ и ихъ безграмотныхъ письмоводителей, и заниматься подобнаго рода научными изысканіями!

Еще его же анекдотъ.

Какой-то помѣщикъ пожелалъ въ своей усадьбѣ, по усердію, выстроить часовню, чтобъ иногда Богу помолиться, и ему, да и мужичка̀мъ-то тоже. Чтожь тутъ долго думать? Досталъ онъ хорошенькій, артистическій планъ и собственными средствами, не утруждая никого пожертвованіями, покончилъ съ божіею помощію доброе дѣло. Вдругъ узнаѐтъ объ этомъ одно вѣдомство. «Какъ-такъ? Помимо меня? Безъ моего просу? Ломать!!» Ну, ломать, такъ ломать. Пошли отношенія и предписанія за нумерами, по разнымъ инстанціямъ. Дошли они и до становаго. Становой — къ помѣщику; та̀къ и та̀къ, извольте сами убѣдиться и потрудитесь сломать. «Что̀ вы, говоритъ, Христосъ съ вами? Да вѣдь это мнѣ больше тысячи сто̀итъ! Вы посмотрите, какая это прелесть въ архитектурномъ отношеніи!» Не могимъ знать! говоритъ становой — законъ!... Этто недавно на шоссе щебень утрамбовывали. Утрамбовывали да и рогаткуи оставили: не ѣзди, дескать, пока не готово. Ну, наконецъ, покончили. А рогатка стоитъ и ѣхать нельзя, сторожъ не пускаетъ, тоже говоритъ: «законъ»!.. А чего законъ? Просто рогатка! Вотъ этакъ-то и нашъ становой кричитъ помѣщику: «законъ!» Тому ломать, конечно, жаль. Проситъ отсрочить. Становой къ исправнику, исправникъ дальше. Писали-писали, и туда, и сюда, и взадъ, и впередъ, и вверхъ, и внизъ—конецъ концовъ тожь: ломать! Законъ! А помѣщикъ богатый, сулилъ, давалъ... Нельзя: законъ.

Такъ и сломали! Чтожь, вы думаете? На новыхъ выборахъ, помѣщикъ наговорилъ съ-три-короба дворянамъ: они и забаллотировали, и исправника-то, да и становаго-то.... А въ-тѣ-поры и становые-то изъ дворянъ выбирались. Ну, скажите, тѣ-то чѣмъ виноваты?

Еще одинъ анекдотъ, по сегодня послѣдній; пора спать.

Помѣщикъ, кажется, Беклемишевъ, и, кажется, въ Тульской Губерніи, обсудивъ, что значеніе становыхъ до-тѣхъ-поръ не будетъ пользоваться въ народѣ уваженіемъ, пока должность эта не будетъ замѣщаться, по выбору дворянства, честными, воспитанными и образованными людьми, самъ подалъ прошеніе объ опредѣленіи его въ становые. Конечно, это дѣло давно-минувшихъ лѣтъ и преданье старины глубокой, но хорошее дѣло всегда пріятно пересказывать. Г. Беклемишева опредѣлили. Онъ управлялъ своимъ станомъ два года, уничтожилъ оброки съ конокрадовъ, сталъ ихъ ловить и искоренять, не давалъ потачки откупу, не бралъ съ него взятокъ, мирилъ крестьянъ въ спорахъ и привелъ свой станъ въ блистательное положеніе. Мошенники перевелись, пьянства не существуетъ, крестьяне избавлены отъ дёрокъ, отъ напрасной траты времени, отъ хлопотъ, отъ сутяжничества, отъ покупки гербовой бумаги.

Вдругъ наступаетъ ревизія: ѣдетъ самъ Макаръ-Гасильникъ.

— А сколько дѣлъ у васъ?

— Дѣла всѣ кончены-съ.

— А гдѣ архивъ?

— Архива нѣтъ.

— Отчего?

— Нѣтъ дѣлъ; хранить нечего.

— Ка̀къ это можно?

— Я такъ велъ два года всѣ дѣла, чтобъ они кончались мирно и словесно, чтобъ не было переписки и лишней и вредной.

— О, да вы умничаете! Подайте въ отставку, или я васъ безъ прошенія уволю.

Та̀къ г. Беклемишевъ и покончилъ свою карьеру въ качествѣ становаго. Зато благословенія его памяти до-сихъ-поръ еще раздаются въ народѣ.

Воскресенье, 4-го іюня.

При маленькихъ пашняхъ у крестьянъ, впрочемъ, больше того, что̀ назначается въ надѣлъ, при отсутствіи луговъ, любопытно бы узнать, ка̀къ это мужики ухитряются бездоимочно вносить и подати, и ругу, и сорокъ рублей серебромъ и исправлять натуральныя повинности? Постараюсь завтра же начать собирать свѣдѣнія. Здѣсь почти на тысячу человѣкъ три церкви; всего на каждый приходъ 400 человѣкъ, считая и чужихъ крестьянъ, приписанныхъ къ здѣшнимъ приходамъ. Ясно, что причту тяжеловато жить только при этихъ средствахъ. Ну, вѣроятно, они завели народныя школы и этимъ снискиваютъ честный кусокъ хлѣба? Еще ни съ однимъ изъ нихъ я не видался, а къ устройству школъ слѣдовало бы приступить; но мысль объ этомъ, грѣшный человѣкъ, до сегодня, за другими впечатлѣніями, не пришла мнѣ въ голову. Правда, въ Красной-Пахрѣ я растолковывалъ многимъ о комитетѣ грамотности, далъ его адресъ и снабдилъ одного крестьянина книжкою г. Студитскаго, но сегодня меня заставила призадуматься одна печальная сцена, которая, въ ряду другихъ явленій, заманиваетъ меня продолжить свое пребываніе здѣсь еще на денёкъ, на другой. Здѣшняя мѣстность начинаетъ меня сильно заинтересовывать. Сегодня, на озерѣ, я повстрѣчался съ вчерашнимъ мужикомъ, и узналъ отъ него, и про оброкъ, и про ругу, и кое про что иное много любопытнаго. Надо навести на эту нить управителя и развѣдать, правду ли мужикъ толковалъ.

Возвращаясь съ прогулки, я нечаянно заслышалъ въ служительской избѣ плачь, вой и вопли. Остановившись подъ окномъ, я увидѣлъ сцену, дѣйствующія лица которой, замѣтивъ мое присутствіе, старались принять положеніе, сколь-возможно успокоительное. За столомъ сидѣлъ хорошенькій, но худенькій и оборванный ребенокъ, мальчикъ лѣтъ десяти. Слёзы на глазахъ его еще не обсохли и по временамъ продолжали выкатываться крупными каплями. Изба крошечная; духота, страшная; ребенокъ былъ, какъ ракъ, красный; голова вся мокрёшенька, въ испаринѣ; рубашонка, по той же причинѣ, крѣпко прилипла

къ худощавому тѣлу мальчика. Трепещущею рукой, вооруженною указкой, онъ водилъ по страницѣ, испещренной церковными литерами, и скороговоркой, боязливо, весь трясясь отъ страха, безъ всякаго пониманія дѣла, совершенно-безсмысленно и невнятно вторилъ выкрикиванію учителя, уличнаго парня лѣтъ двадцати, раскраснѣвшагося отъ жара и злобнаго отъ неудовольствія на нетолковитость ученика.

— Мыслѐте и̂же—ми, люди онъ—ло, слово есть—се! начальнически и рѣзко произносилъ учитель.

— Мыслете ять мо, вѣди ять ло, слово ять сло!... вторилъ оторопѣлый ребенокъ.

— Арцы добро иже—рди, я же я—я, милосердія! добавилъ видимо-довольный собою учитель.

— Арцы есть тверди, я-я-я-я, милосердія!.. произносилъ мальчикъ, подражая и голосу, и манерамъ учителя, и держа указку на строкѣ, въ которой вовсе этого слова и не было.

Я насилу уговорилъ парня дать мальчику отдохнуть и хоть немножко освѣжиться. Учитель, настаивая на томъ, что мальчикъ этотъ ужасный шалунишка, доказывалъ, что безъ побоевъ съ нимъ ничего не сдѣлаешь. Я предложилъ парню свои услуги, зазвалъ къ себѣ, далъ ему, въ руководство, книжечку г. Студитскаго и̂ показалъ, какъ учатъ грамотѣ у насъ въ воскресныхъ школахъ. Послѣ получасной бесѣды, парень закрылъ книжку и прекратилъ мои толкованія возраженіемъ:

— Что̀ вы это, сударь? да развѣ такъ можно съ этими скотами?

— Какъ со скотами? да ты-то кто, любезный?

— Да я ужь большой-съ; я дворовый, и въ Петербургѣ бывалъ, да и мальчишку-то даромъ учу скоро два года будетъ; сегодня вотъ и праздникъ Господень, а я вотъ съ нимъ мучусь: а ка̀къ они чувствуютъ? Только колотушками на путь истины и наводишь.

На всѣ мои уговариванія учитель отвѣчалъ одно:

— Такъ-то, оно, такъ; да вѣдь и меня учили — били, и я учу — бью, да и всѣ такъ учатъ: только и пользы что поколотишь; безъ угрозы, да безъ страха ничѣмъ съ ними не сдѣлаешься.

Все, чего я здѣсь наслушался, наводитъ меня на мысль о необхо-

димости образовать изъ просвѣщенныхъ священниковъ и монаховъ — общества миссіонеровъ, непремѣнно и всеконечно, съ бо́льшимъ процентомъ свѣтскихъ лицъ, а особенно дамъ.

Вчера, во время вечерней прогулки, я замѣтилъ, что нѣсколько мужиковъ рубили великолѣпныя старинныя березы какъ по дорогѣ, ведущей въ здѣшнее село отъ дворника Ѳомича, такъ и въ другое село, въ противоположную отсюда сторону. Я и третьягодня видѣлъ эти продѣлки, но онѣ какъ-то не обратили на себя моего вниманія.

— Что̀ вы это, братцы, дѣлаете? спросилъ я съ изумленіемъ.

— Деревья, сударь, рѣжемъ, отвѣчали они преспокойно.

— Да развѣ это можно? вѣдь это принадлежность дороги, а дорога дѣло публичное, общее.

— Никакъ нѣтъ, сударь; эта дорога — проселокъ; она идетъ по нашей землѣ, а земля покамѣстъ барская: стало, и деревья эти — барскія.

— Да какъ же это вы барскія-то деревья рубите?

— А купили — такъ и рубимъ.

— Какъ купили?

— Такъ же, купили, значитъ свои деньги барину заплатили.

— Много дали?

— Да что̀ насъ? Насъ шестнадцать селъ и деревень; изъ селенія въ селенье все вонъ этакія же берёзки посажены, должно-быть, еще при дѣдахъ и прадѣдахъ нашихъ. Вотъ мы тысячку серебромъ чистаганомъ и снесли въ контору; значитъ, деревья теперь наши.

Слово-за-слово, и я узналъ, что кромѣ тысячи рублей серебромъ за покупку аллей на срубъ, крестьяне уже заплатили своимъ однодеревенцамъ другую тысячу цѣлковыхъ чистаганомъ за вырубку этихъ деревьевъ и за расколку ихъ на дрова. Стало-быть, двѣ тысячи уже израсходованы и потраченный капиталъ до сей поры не принесъ прежнимъ его владѣльцамъ никакихъ процентовъ. Только еще будущей зимой дрова эти повезутъ въ Москву, но на эту операцію надо еще употребить чистаго капитала не менѣе четырехъ тысячъ рублей: изъ всѣхъ аллей выйдетъ дровъ саженъ съ тысячу, кромѣ вершинокъ. Дрова нельзя везти въ Москву иначе, какъ сухопутьемъ; черезъ По-

дольскъ до Москвы отсюда 55 верстъ, а старокалужскимъ трактомъ крестьяне считаютъ только 35 верстъ; дрова здѣшнія почти вдвое длиннѣе нашихъ; полѣнья прегромадныя, очень-крупныя. За провозъ въ Москву дешевле четырехъ рублей серебромъ съ сажени заплатить рѣшительно невозможно. Вотъ ужь и шесть тысячъ расходу. Въ Москвѣ дрова предполагается распродать прямо въ трактиры рублей по восьми, а можетъ-быть, и по десяти рублей съ сажени—и вотъ только тогда, послѣ огромныхъ хлопотъ, послѣ потери значительныхъ трудовъ и времени, крестьяне, скупившіе аллеи, вмѣсто шести тысячъ потраченнаго капитала, получатъ десять тысячъ рублей, или $66^2/_3$ процентовъ валоваго дохода.

Разговоръ объ аллеяхъ навелъ насъ на новый разговоръ о лѣсахъ. Я узналъ, что во всей здѣшней вотчинѣ луга самые несчастные, самые тощіе. Еще барскіе покосы туда-и-сюда, но крестьянскіе изъ рукъ вонъ плохи. Вотъ это обстоятельство и вынуждало ихъ косить траву въ лѣсахъ, а здѣшніе лѣса изстари знамениты. Имъ и вѣку не чаяли, какъ ни усердно ихъ расчищали. Но съ 1857 года здѣсь пошла такая работа, что ужь теперь лѣсамъ вѣку не вѣковать — нѣтъ, скоро останутся они лишь въ воспоминаніи.

Вотъ въ этихъ-то, съиздавна «подчищаемыхъ», вырубаемыхъ лѣсахъ крестьяне и выискиваютъ себѣ удобныя для покоса мѣстечки. Мужики мнѣ сегодня растолковали, что раздѣлъ покосовъ дѣлался у нихъ міромъ. Крестьяне обмѣряютъ всѣ пригодныя для покоса площадки и ложбинки, потомъ подведутъ имъ общій итогъ, а потомъ расчисляютъ уже количество саженъ по «братамъ», то-есть по тягламъ. Послѣ этого они уже и разверстываются угодьями, тоже міромъ: кому худой участокъ достался, тому прибавляютъ извѣстную, «по глазомѣру», часть въ лучшемъ участкѣ, а кому вся полоска пришлась хорошенькая—отъ того тоже отбираютъ частицу въ пользу другихъ, обдѣленныхъ. Прежде и главнѣе всего въ этомъ дѣлѣ, между дѣльщиками, полагается полюбовное соглашеніе; при этомъ случается, что обдѣленнымъ, вмѣсто прибавки натурой, счастливцы выплачиваютъ, за недостатокъ въ травѣ, деньгами. Въ случаѣ споровъ, кидается жеребій, либо бирками, либо грошами съ какою-нибудь отмѣтиной.

То же бываетъ и при передѣлѣ полей. А передѣлы эти здѣсь бываютъ ежегодно. Всякому, полагаю я, извѣстно, какое вліяніе эти частые передѣлы имѣли на благосостояніе крестьянъ: поэтому-то и не прилагали они вовсе никакого старанія къ сколько-нибудь порядочной обработкѣ своего поля.

— Изъ-за чего я стану себя томить, говорилъ крестьянинъ, кое-какъ унавоживая разбросанные всюду клочки своего поля: — когда знаю навѣрное, что въ будущемъ году участокъ, на который я потратилъ всѣ свои животы, достанется чужому человѣку?

— Дура-акъ! лѣнтя-ай! отвѣчали ему:—твоя-то плохенькая полоска отойдетъ къ богачу, а отъ другаго богача тебѣ, при дѣлежѣ, достанется новая, важная, хорошая полоса.

«Какъ бы не та̀къ!» думаетъ крестьянинъ, почесывая затылокъ: — «знаю я эти порядки! Тутъ хитри, не хитри, а все получше-то земелька достается тѣмъ, кто пошире живетъ, а отъ бѣдняковъ только къ бѣднякамъ тощая-то земля и переходитъ.»

— Вотъ, баринъ, ужо̀ погоди, сказалъ мнѣ сегодня одинъ крестьянинъ:—постой; дай намъ этихъ двухъ годковъ дождаться. Ка̀къ уставныя-то грамоты намъ выдадутъ, да какъ свои-то $3 \frac{1}{4}$ десятины я выкуплю въ вѣчность, да какъ «собственникомъ»-то стану, ка̀къ, значитъ, передѣлки полей нашему брату бояться станетъ ужь нѐчего — такъ я-те въ три года пашню-то въ огородъ удобрю! я-те шесть поль заведу: меньше гулять земля станетъ!

Стало-быть, есть же у этихъ запуганныхъ и страшно-невѣжественныхъ мужиковъ понятіе о возможности устроить свое хозяйство. Стало-быть, есть же у нихъ стремленіе къ лучшему. Какъ же не радоваться при мысли, что препятствія, мѣшавшія развитію сельскаго хозяйства, мѣшавшія свободному развитію личности человѣка, отнынѣ уже уничтожены навсегда? Великое дѣло совершается! Причины, заставлявшія мужика хорошую лошадь продать, а завести плохую клячонку; причины, вынуждавшія мужика нерадѣть о навозѣ и ненавистно смотрѣть на кормилицу-землю, растолкованы мнѣ мужичкомъ, съ которымъ я вчера нечаянно столкнулся: конецъ этому порядку наступилъ — и онъ уже не вернется (Наступитъ, конечно, со времени введенія уставныхъ грамотъ).

Мнѣ помѣшали продолжить интимный разговоръ съ однимъ изъ здѣшнихъ крестьянъ, объяснявшимъ мнѣ, что скупщики лѣсу на срубъ, или, какъ онъ выразился «лѣсогубители», именуются здѣсь рощенниками. Рощенниковъ этихъ здѣсь много. Они торгуютъ дровами, бревнами, досками и углемъ. Все это сбывается въ Москву. Рабочими у нихъ здѣшніе крестьяне, но приходитъ народъ и изъ другихъ губерній. «Рѣзать лѣсъ», какъ здѣсь говорятъ, вмѣсто «лѣсъ рубить», работа очень-тяжкая. Рабочіе крестьяне должны хорошо, сытно ѣсть въ это время. Они и ѣдятъ при работѣ, та̀къ, какъ у себя, въ избѣ, даже въ Христовъ день не нюхивали. Харчи готовитъ имъ самъ рощенникъ, а рабочіе обѣдаютъ и ужинаютъ у него за деньги. Нельзя, при хорошемъ столѣ, иной разъ и винца не выпить! А заработная плата добрая: 65 и 70 копеекъ въ сутки. Да вотъ бѣда: на мужицкій мамонъ заработокъ-то почти весь и уходитъ, а объ женѣ, да объ дѣтяхъ подумать некогда, работы пропасть! Чтобъ бабы не кололи глаза, мужики съ ними строги и суровы, а отсутствіе мужей и страхъ побоевъ, вмѣстѣ съ нуждой и крайностью, и вынуждаетъ несчастныхъ бабъ участвовать во всѣхъ тяжелыхъ работахъ. Срамъ сказать: здѣсь бабы пашутъ!

Нѣтъ; мысль о миссіи кажется мнѣ основательною.

Въ ожиданіи вечерняго чая, пока весь домъ наслаждался еще послѣобѣденнымъ сномъ, я вышелъ посидѣть въ контору. Комнатка эта угловая и очень свѣтлая; окна у нея съ двухъ сторонъ, а съ третьей постоянно открыта дверь на ту лужайку, на которую выходятъ и окна мною занимаемой гостиной. Отсюда видъ веселѣе: сначала идетъ линія только-что посаженныхъ акацій; потомъ, нѣсколько подъ-гору, идутъ барскія поля, а тамъ дальше крестьянское селеніе и, немножко въ сторонѣ, церковь, передъ которою, особою усадьбой, тянется колонія въ нѣсколько домовъ церковнаго причта, то-есть, священника

*

съ семействомъ, дьякона съ семействомъ, дьячка съ семействомъ и проч. и проч. На горизонтѣ опять поля, поля и поля.

Въ контору вошелъ какой-то крестьянинъ въ лаптяхъ. Смотритъ онъ премизерно, такимъ бѣднякомъ, такимъ загнаннымъ, такимъ убитымъ, что я съ участіемъ бросился къ нему и старался разспросить, что̀ ему нужно. Крестьянинъ объявилъ, что ему дѣло есть до управляющаго.

— Управитель спитъ, сказалъ я:—теперь онъ скоро встанетъ; тебѣ что̀ же къ нему?

— Свое дѣло есть! угрюмо и неохотливо отвѣтилъ онъ.

— Въ Подольскъ, что̀ ли, сбираешься? ярлыкъ на шоссе видно нуженъ? спросилъ я снова, зная, что контора выдаетъ крестьянамъ засвидѣтельствованіе, что они изъ такой-то вотчины, ѣдутъ съ своею кладью и, слѣдовательно, сбору шоссейнаго акциза не подлежатъ.

— Я не въ Подольскъ; я къ управляющему.

— Вѣрно ты, голубчикъ, пришелъ попросить чего-нибудь?

— Просить! съ горькой улыбкой сказалъ мужикъ:—просить? ну, нѣтъ: нонѣ не ста̀ра пора.

— А что̀? развѣ прежде лучше было?

— Вѣстимо не то̀, что̀ таперь.

— Чѣмъ же такъ?

— Таперь купи.

— Да чего жь «купи»?

— Мало ль чего? Теперь, гдѣ ржицы-то мужикъ достанетъ? Въ старинну пору пришелъ, поклонился — и дадутъ! и приростъ небольшой брали.

— А у васъ нѣтъ своего запаснаго магазина?

— Да и изъ магазѐи тожь: все приростъ нуженъ.

— А теперь?

— Таперь плати: давай пять рублёвъ, да и то съ ней намаешься: смолоть негдѣ.

— А мельницы?

— А гдѣ ихъ взять? въ Боровскъ молоть возимъ! Вотъ ты и гадай: сорокъ копеекъ за помолъ, да день проѣзду, да пожданья сколько,

да исхарчишься... э-эхъ! И хошь бы везти-то много приходилось, а то и всего-то пригоршню иному.

— Да у васъ, никакъ, тутъ подъ бокомъ барская мельница?

— Гдѣ-ѣ?

— Да вотъ я сюда ѣхалъ: какъ къ Юрьевкѣ подъѣзжаешь, тутъ на полдорогѣ отъ Ѳомича и мельница, славная такая!

— Эхъ ты! насмѣшливо проговорилъ мужикъ: — да развѣ она мелетъ?

— А что̀ жь?

— Да она не мелетъ! Ее, вишь, такъ угораздили поставить высоко, что и вода нейдетъ! такъ дѣло и бросили: никуда не годится. Вотъ этакую же и другую затѣваютъ.

— Гдѣ?

— На старой барской усадьбѣ. Баринъ-то нашъ дворецъ-то свой продалъ, вона-что-гдѣ Ѳомичъ-то живетъ: было село Вороново, а теперь ужь это не село Вороново, а мыза Андреяновка.

— Хорошая мыза!

— Богатѣющее было село! Ну, сорокъ ли, пятьдесятъ ли тысячъ нашъ-отъ взялъ, вишь, съ Лопухина-то! Тамъ и садъ, и ранжиреи, и роща, и барскія поля, и строенія все каменныя, а и деревянныя-то, такъ выбѣлены. Теперь прозвали энтую усадьбу Андреяновкой. Тоже, нѣмецъ прикащикъ мельницу хочетъ строить: ужь и чугунныя колёса куплены.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Да въ томъ, что, кажись, чугунныя-то колёса и шестерни прежде сгніютъ, чѣмъ мельницу состроютъ. Зубцы поломаетъ—кому тутъ чинить? въ Москву, что ль, везти? Намъ-то бы хошь вѣтрянку.

— А вѣтряныхъ мельницъ здѣсь много?

— Какой ты смѣшной: тебѣ то̀ и толкуютъ, что вѣтряныхъ здѣсь вовсе нѣтъ: про нихъ и не слыхивали здѣсь — вотъ что̀! Вотъ и вози въ Боровскъ.

— Такъ ты мучицы или ржицы пришелъ теперь просить?

— Ни мучицы, ни ржицы мнѣ не надобно.

— Такъ чего жь тебѣ отъ управителя нужно?

— Да житья нѣтъ!

— Нынче, братецъ, воля дана: грѣшно жаловаться, что житья нѣтъ.

— Свой братъ мужикъ тѣснитъ!

— Какъ тѣснитъ? да кто же можетъ?

— Такъ и тѣснитъ что тѣснитъ.

— А ты жалуйся.

— Вотъ и пришелъ жаловаться.

— За что̀ же и кто̀ же тебя обижаетъ?

— Бурмистръ обижаетъ, обижаетъ міръ, братъ родной обижаетъ.

— Разскажи, пожалуйста, въ чемъ твое дѣло.

— А въ чемъ мое дѣло? родной братъ меня совсѣмъ со свѣту гонитъ.

— Родной братъ?

— Родной братъ, да еще солдатъ.

— Да что̀ ты, братецъ, какъ это можно?

— Ну, вотъ ты и поди! Брата-то въ солдаты отдали, а я остался. Ну, вотъ женили меня; и робятъ я нажилъ; да вотъ принесло нынче брата. Видитъ онъ, что я не нищій, не изъ шувальныхъ, не «обозженныя оглобли», что̀ вотъ цѣлыми деревнями по-міру таскаются, да собираютъ на погорѣлое—онъ и задумай приписаться къ нашему обшеству̀.

— А онъ въ чистой отставкѣ?

— Кто его знаетъ! никакъ безсрочный. Ну, пришелъ: не гонить же мнѣ роднаго брата? Я и пою его, и кормлю, а онъ мнѣ работу справляетъ, и въ домѣ помогаетъ. Ну, и задумай во хрестьянство! А у него сынишка: кантонисты-то нынѣ, слышь, всѣ на волю отпущены и принужденья на солдатчину имъ нѣту; вотъ онъ парнишку-то, главное, хочетъ во хрестьянство приписать. Вотъ и хочетъ, чтобъ мы раздѣлились, а изба-то у насъ отцовская; а парнишка-то его у меня все время жилъ. Вотъ и пошла у насъ ко̀ндра.

— Чѣмъ же вы промежъ себя порѣшили?

— Вышла ко̀ндра — міромъ и порѣшили.

— Стало-быть, кончили благополучно?

— Кабы благополушно — не пришелъ бы сюда, а то обидѣли!

— Неужто міръ обидѣлъ?

— Обидѣлъ и есть! Самоваръ отняли!

— Какой самоваръ?

— А вотъ что̀ чай пьютъ: двѣнадцать рублёвъ данъ!

— Такъ у васъ мужички чаёкъ попиваютъ? вотъ это слава Богу!

— Когда попиваютъ! На деревнѣ-то, о праздникъ, у двоихъ, у троихъ чай, кто побогаче.

— Ну, вѣдь и ты тоже?

— Я чаю не пью: кабы и поѣсть-то въ волю, такъ и то̀ бы!

— А какъ же самоваръ-то?

— Да что̀ самоваръ? Самоваръ отняли! Пришелъ жаловаться.

Наконецъ, вышелъ управитель.

— Что тебѣ, Пареёнъ?

— Я къ вашей милости, батюшка.

— Что̀ скажешь?

— Міръ забижаетъ, батюшка.

— Чѣмъ тебя міръ обидѣлъ?

— Да вотъ самоваръ отняли.

— Ка̀къ отняли самоваръ?

— Да вотъ, вишь ты, братъ-отъ у меня хомуты пообобралъ, да и колёсъ скатъ цѣлый взялъ, а мнѣ оставилъ самыя пропащія: куда жь мужику безъ колёсъ? телегу на себѣ не понесешь, батюшка: оченно ужь это намъ обидно!

— Кто васъ дѣлилъ?

— Міромъ дѣлились.

— Ну, что̀ жь? коли міръ такъ порѣшилъ, я-то что̀ же тебѣ могу сдѣлать? дѣло конченное!

— Да не побожески дѣлено.

— Міръ, братецъ Пареёнушка, великъ человѣкъ, самъ же ты мнѣ это сказывалъ, какъ въ-ту-пору приходилъ на брата жаловаться. Противъ міра идти нельзя.

— Я противъ міра и нейду. Я только къ вашей милости, батюшка, пришелъ: какъ ты прикажешь.

— Что̀ жь я тебѣ могу приказать, коли ужь міръ порѣшилъ? міра надо слушаться.

— Да ты мнѣ, ваша милость, растолкуй: побожески ли міръ дѣлилъ? Коли скажешь, что побожески и справедливо, я та̀къ, по твоему рѣшенью, и сдѣлаю; а мнѣ сдается, что міръ рѣшилъ не побожески.

— Ну, ладно; я послушаю и скажу тебѣ по душѣ. Братъ требуетъ раздѣла?

— Требуетъ.

— Ты дѣлиться вѣдь тоже самъ захотѣлъ?

— Да житья съ нимъ не было.

— Ну, да вѣдь ты тоже и у меня, и у міра раздѣла требовалъ?

— Оно, точно, что требовалъ.

— Ну, сколько тебѣ долей побожески слѣдовало, и сколько долей брату?

— Да на мою сторону три доли надо быть, четвертый пай брату.

— Такъ ли міръ васъ считалъ?

— Такъ-то та̀къ міръ считалъ, все оно та̀къ, да ужь очепно-обидно!

— Что же тебѣ обидно тутъ?

— Да вотъ хомуты были такіе хорошіе, да и колёса что̀ ни есть лучшія.

— Да вѣдь міръ клалъ ихъ въ цѣну?

— Что̀ говорить, цѣну міръ положилъ настоящую, изъ нихъ три доли мои, а братнинъ пай ему деньгами присудилъ. Опять же я, батюшка, вашей милости доложу—столъ ему отдали: а что̀ я безъ стола стану?

— А во сколько столъ пошелъ?

— Пошолъ въ серебрянный рубль: отдали брату; мнѣ три четвертака.

— Да вѣдь оно вѣрно?

— Вѣрно-то вѣрно, да за что жь они меня стола рѣшили? Опять же сундукъ сталъ дѣвкинъ!

— Какой сундукъ?

— А вотъ что̀ буторишко (пожитки) у ней лежитъ: сундукъ, батюшка, дѣвкинъ былъ.

— Да вѣдь дѣвка-то при тебѣ? ты ее замужъ еще не выдалъ? (дѣвка — дочь, дѣвица).

— Отдамъ по зимѣ.

— Сундукъ, стало, общественный (семейный)?

— Сундукъ общественный. Тоже въ цѣну положили, брату одна доля, да три доли моихъ.

— Ну, видишь — стало, побожески.

— Да нѣтъ, я, батюшка, этимъ недоволенъ.

— Зачѣмъ же ты ко мнѣ пришелъ?

— Да я пришелъ, батюшка, къ твоей милости, какъ вы на это скажете?

— Я говорю: міръ рѣшилъ вправду.

— Да нѣтъ, я этимъ, батюшка, недоволенъ! Опять же самоваръ: я самъ за него двѣнадцать рублёвъ платилъ, а они мнѣ самоваръ-то не оставили! Очепно ужь намъ это обидно.

— Къ чему тебѣ, Пареёнъ, самоваръ?

— Все же стоялъ на оконцѣ: люди видѣли.

— Вѣдь не даромъ же міръ самоваръ у тебя взялъ?

— Міръ рѣшилъ: или я за него отдай брату три рубли и самоваръ оставь, или братъ давай мнѣ девять рублёвъ, а самоваръ бери.

— Ну, вотъ видишь самъ, что дѣло побожески.

— Да нѣтъ, я этимъ недоволенъ; очепно ужь обидно!

— Мало ль чего нѣтъ? ка̀къ міръ присудилъ — такъ ты и дѣлай. Это вѣрно.

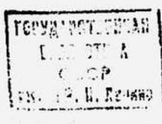
— За что̀ жь насъ такъ обижаютъ, батюшка?

— Тебя не обидѣли; а ты просилъ раздѣла: васъ честно и подѣлили.

— Обидно, очепно намъ обидно такое притѣснепіе.

— Я тебѣ сказалъ послѣднее слово. Больше у тебя ко мнѣ нѣтъ дѣла? Ступай домой, съ Богомъ.

— Какъ вамъ, батюшка, угодно, а мы этимъ недовольны. Самоваръ хорошій, колёса что̀ ни есть лучшія...

— Нечего толковать больше, братецъ ты мой, ступай и дѣлай что̀ велѣно.

— Опять же сундукъ былъ дѣвкинъ! Обидно! А на счетъ, батюшка, самовару—тоже, можетъ статься, захотимъ чаю пить, какъ надѣлъ свой выкупимъ..., а то на̀! и хомуты пообобралъ, и колёса мнѣ плохія оставилъ, да еще самоваръ!... А сундукъ, какъ вашей милости угодно, сундукъ дѣвкинъ! За что̀ насъ обижать такъ! Самоваръ—самъ деньги платилъ!

— А? вы видѣли? вы слышали? проговорилъ управитель, спровадивши Парѳёна во-свояси. — Самъ же пришелъ узнать ка̀къ я думаю, а теперь недоволенъ зачѣмъ я не та̀къ думаю, какъ онъ! И все-то вѣдь съ ними такъ надо биться! А теперь дали еще свободу! Вотъ онъ на свободѣ-то и понесетъ ахинею и такія каверзы подпуститъ, что ахъ-ахъ, а̀нъ нѣтъ, не воротишь!

— И слава Богу, что не воротишь.

— Оно, конечно, слава Богу; дѣло великое! и я не къ тому говорю, а къ тому, что вотъ извольте-ка вы нашему мужику вдолбить, что̀ онъ долженъ дѣлать, чего онъ дѣлать не долженъ, и почему долженъ или недолженъ.

— Э-э, полноте: вы давича, за обѣдомъ, изъ графина квасу наливали, да и тутъ невзначай плеснули немножко, а отъ мужика требуете, чтобъ онъ съ разу усвоилъ себѣ понятіе о долгѣ, когда у него всѣ честныя понятія какъ-будто извращены.

— Да развѣ я противъ этого спорю? Я нисколько не спорю, а только къ тому клоню рѣчь, что со стороны вамъ легко разсуждать, да рѣшать такъ или иначе; а вы вотъ въ нашу-то шкуру засядьте! что̀ бы вы запѣли? А небось своихъ крестьянъ нѣтъ, такъ вы и за нихъ!

— Да и у васъ своихъ крестьянъ нѣтъ! Сами захотѣли въ управители!

— Не бѣжать же теперь. Это бы было подлѣе, чѣмъ генералу съ поля сраженья. Да вотъ и вы: какъ мудреное дѣло тамъ вамъ, у васъ въ канцеляріи, зададутъ, вы не бросите же его?

— Конечно, нѣтъ.

— И стыдно, да и пить да ѣсть надо?

— Конечно, такъ.

— Ну, а наше дѣло поважнѣе, чѣмъ всѣ ваши канцеляріи! Души человѣческія на совѣсти!

— Я въ управители и не шелъ. Еще бы вы захотѣли, чтобъ я сапоги шилъ: во всякомъ дѣлѣ нужна наука.

— Гм! очень нужны ваши науки на службѣ! Ну, скажите мнѣ, ради Бога, вы вотъ были въ университетѣ: пошли ли впрокъ, для вашей службы, и философія, и юридистика тамъ что ли какая, и исторія, и литература, и тамъ разныя разности?

Вопросъ былъ зло и метко поставленъ. Говоря по совѣсти, въ ту минуту, я никакъ не могъ отвѣчать на него иначе, какъ отрицательно, и сознаться, что кромѣ грамоты да подъ-часъ здраваго смысла, да еще развѣ умѣнья пріискать въ Сводѣ подходящую статейку, врядъ ли что̀ иное обыкновенно бываетъ нужно. Оно дико, но, къ-несчастію, вѣрно: при неуживчивомъ характерѣ, при непрактичности въ житейскихъ сдѣлкахъ, наука нерѣдко, вмѣсто блага, только служитъ препоною къ его достиженію. Все зависитъ отъ среды и обстоятельствъ, стало-быть, всѣмъ управляетъ случай.

— Ну, такъ вотъ и наше дѣло таково. У васъ одни хлопоты—къ новому году дѣла очистить и по книгамъ показать ихъ рѣшенными, хоть бы къ справкамъ, и у насъ тѣ же хлопоты, только помудренѣе: собрать оброкъ барину, да продать хлѣбъ повыгоднѣе, да обсѣять его поля на будущее; а во всемъ прочемъ по насъ хоть трава не расти.

— Такъ гдѣ жь, послѣ этого, было и мужику уму-разуму набраться и научиться исполнять свой долгъ честно и правдиво?

— Конечно, что нѐгдѣ: это надо правду сказать. Крестьянинъ, по истинѣ, въ большей части случаевъ, былъ самое несчастное созданье. Но забудемъ старое! Слава Богу, теперь они скоро будутъ полные граждане и, дастъ Богъ, попривыкнутъ управлять и своими дѣлами, и своими страстями. Сразу оно трудно! многіе бросятъ хлѣбопашество; суматохи и безпорядки, конечно, неважные, неизбѣжны; покамѣсть все наладится, пройдетъ не одинъ годъ; но все, дастъ Богъ, перемелется.

дѣлается величайшее благодѣяніе! Эпоха великая! Я чувствую все счастіе, что дожилъ до этого блаженнаго манифеста!

— Ну, вотъ видите, вѣдь вы сами сознаёте, что эпоха великая, а еще обвиняете мужиковъ.

— Да какъ же ихъ не обвинять? Вѣдь они благодарны, что̀ ли, станутъ?

— Да развѣ кому благодарность нужна? Благодѣянія не для этого изливаютъ... Ваши мужики, какъ я посмотрю, преотличный народъ.

— Да еще погодите хвалить; присмотритесь къ нимъ поближе. Я вамъ только то̀ скажу, что наши крестьяне красивый и сильный народъ. Какъ раздѣнется, да какъ встанетъ молодцомъ, такъ вотъ передъ всѣми сосѣдскими въ отличку! Тѣло бѣлое, полное! ростъ и взглядъ славный, бойкій! Жилки, знаете, этакъ какъ пружины натянуты: красавцы, такіе, я вамъ скажу — ну, прелесть, что̀ за народъ. Ну, и бабы хороши: чай, вы видали, гуляючи? А вотъ тѣ, фабричный народъ, или тамъ мастеровые, или простые пахатные, ну, тѣ не тѣмъ ужь и смотрятъ: и тѣлишко дряблое, и руки-ноги сухіе, и самъ поджарый: такъ цѣлое присутствіе и видитъ, что не нашей вотчины.

— Какое присутствіе?

— Да рекрутское.

— Да вѣдь набору давно не было?

— А давно ли война-то покончилась? въ сорокъ-то лѣтъ развѣ мало народу сдано въ солдаты? Теперь, право, самимъ въ чудо, что эстолько лѣтъ нѣтъ наборовъ! Какое это для крестьянъ-то благо!

— Ну, какъ у васъ безсрочные?

— Прежде, я вамъ скажу, бывала съ ними возня такая, что не дай Господи; а теперь стали отпускать въ безсрочные народъ все молодой, выросшій, какъ видно, на другихъ порядкахъ; отличный народъ, народъ работящій, грамотный: ни шуму, ни глупыхъ вѣстей нынче не слыхать; работаютъ, помогаютъ въ домашествѣ, а то и на вольную соработу нанимаются.

— Ну, скажите мнѣ, пожалуйста, ка̀къ у васъ праздновали торжество объявленія манифеста?

— А никакъ не праздновали. Собрали всѣхъ мужиковъ изъ нашей вотчины въ то село, гдѣ, знаете, дворникъ, Ѳомичъ, живетъ, ввели ихъ во дворъ къ становому приставу, и тотъ прочиталъ манифестъ.

— Молебенъ вѣдь былъ же?

— Въ церкви попъ служилъ молебенъ.

— А мужики?

— Мужики выслушали манифестъ.

— Ни радостей, ни попоекъ, ни молебновъ развѣ не было?

— Захотѣли вы отъ нашихъ мужиковъ!

— Да «Положеніе»-то имъ читали?

— Гдѣ читать все «Положеніе», вѣдь толщина одна чего стоитъ? Имъ роздали маленькія книжечки, сокращеніе изъ «Положенія».

— Что жь они?

— Не вѣрятъ этимъ книжечкамъ. Я ужь имъ толковалъ, что это изъ губернаторской канцеляріи—все не вѣрятъ. Что̀ дѣлать? Жаль же вѣдь оставить ихъ въ невѣдѣніи обо всѣхъ подробностяхъ, я имъ, кромѣ казеннаго экземпляра, свой собственный подарилъ.

— Ну, довольны стали?

— Вызубрили лучше инаго обер-секретаря! Наизустъ, цѣлыми статьями, такъ и стрѣляютъ на мою голову.

— Это же отчего? Вѣдь сколько я слышалъ, святѣйшій синодъ предписалъ вездѣ по церквамъ поученья читать, приличныя и сообразныя съ настоящими обстоятельствами: это мѣра мудрая, прекрасная.

— Мудрая и прекрасная, да на бумагѣ только.

— Что̀ вы, Христосъ съ вами?

— Да чего жь вы удивляетесь? Мѣра хорошая, которая повсюду предотвратила бы всѣ недоразумѣнія, да то-то и бѣда, что у насъ по деревнямъ ее не исполняютъ: не умѣютъ, что̀ ли, или ужь та̀къ отъ воскресной службы устаютъ, ужь Богъ ихъ знаетъ!

— А проповѣдь?

— И проповѣдей не бываетъ. Въ нашей вотчинѣ три церкви. Со времени объявленія манифеста и по сіе число ни у насъ, ни въ сосѣдяхъ не произнесено ни одной проповѣди, не сказано ни одного поученья, не объяснено ни одной главы «Положенія». Отъ этого-то въ Покровскомъ и неладица.

Село Покровское принадлежитъ Павлу Матвѣевичу Толстому-Голенищеву-Кутузову. У него управляющій какой-то московскій купецъ, вышедшій изъ крестьянъ этого же самаго села Покровскаго. Г. Толстой желалъ какъ-можно-скорѣе покончить дѣло съ крестьянами и принималъ всевозможныя, самыя гуманныя мѣры, чтобъ порѣшить всякую связь съ своими крестьянами, надѣлить ихъ землей, выдать уставную грамоту и навсегда развязать узелъ, связывавшій его съ мужиками.

Несовсѣмъ удовлетворительная система управленія за прежнее время и страшная ненависть къ прежнему строптивому собрату, теперь почтенному купцу и главѣ цѣлой вотчины, были причиною того, что крестьяне слишкомъ-хладнокровно и даже неблагодарно приняли доброе дѣло, которое оказалъ имъ гуманный помѣщикъ, на первыхъ порахъ, уступившій мужикамъ безвозмездно ихъ крестьянскія усадьбы и тѣмъ, конечно, поставившій себя въ весьма-неловкое положеніе передъ иными дворянами. Мужики упустили время выйти впору на обработку полей землевладѣльца. При предложеніи г. Толстаго заплатить наличныя деньги за вывозку навоза, неблагодарные и разсвирѣпѣлые на управителя мужики потребовали съ своего стараго барина въ одномъ имѣніи 270, а въ другомъ 400 рублей, только за вывозку навоза. Г. Толстой сначала желалъ покончить съ мужиками дѣло на 35 рубляхъ ежегоднаго съ нихъ оброка и обязался уступить имъ безвозмездно, кромѣ усадебъ, и крестьянскія поля. Крестьяне охотно согласились и пошли на работу. На барщинѣ, какъ водится, они трудились по старой системѣ, то-есть ровнёшенько ничего не дѣлали, чесали поясницы, связывали лычки и ремешки у сохъ, поджидая сосѣда-пахаря, пока тотъ сладитъ добраться съ своею лошадёнкой до межи. Конечно, такое поведеніе возмутительно: можно потерять хладнокровіе и выйти изъ терпѣнія; помѣщикъ велѣлъ прогнать мужиковъ съ пашенъ и никогда не пускать къ нему на глаза.

Подобныя распоряженія врядъ ли могли направить дѣло на надлежащій путь. Землевладѣлецъ молчалъ, и крестьяне молчали, но принялись усчитывать московскаго купца-управителя за старые грѣхи. Усчитывать бурмистровъ научили нашихъ мужиковъ въ бывалую пору сами помѣщики. Полагаю, что эта финансовая операція, отзывающаяся

бухарскою логикою и коканскими взглядами, хорошо всѣмъ извѣстна. Вотъ нынче мужики сами за нее принялись. Бурмистры, разумѣется, ревутъ благимъ матомъ и разсчитываются съ міромъ тысячами цѣлкачей, «только, отцы родные, потушите дѣло; во всемъ передъ вами каюсь смиренно».

Впослѣдствіи г. Толстой, говорятъ, придумалъ лучшую систему; въ чемъ она состояла, я не знаю. Черезъ нѣсколько времени, онъ взглянулъ на дѣло съ новой точки зрѣнія и сдѣлалъ крестьянамъ опять новое предложеніе, ограничивъ оброкъ сперва 28, а потомъ 27 рублями, но, кажется, ужь безъ уступки пашенъ и избъ.

Мужики, впрочемъ, жалѣютъ, что напервыхъ порахъ не крѣпко и не дружно взялись за дѣло.

— Намъ бы, дуракамъ, на тридцати-то-пяти рубляхъ покончить, говорили они. — Мы бы и контрактецъ сейчасъ же написали бы: баринъ-то бы въ нашихъ рукахъ былъ! мы бы ему въ одинъ годъ лѣса-то такъ повычистили, благо постройки у насъ изъ рукъ вонъ плохи, что тамъ-себѣ хоть шаромъ покати. Развѣ-развѣ гдѣ за пенёкъ, можетъ, паткнулся-бъ!

Дѣло между землевладѣльцемъ и крестьянами и по сей день все въ томъ же положеніи и ни взадъ, ни впередъ ни насколько не подвигается.

Записалъ, кажется, такъ, какъ дѣло понялъ.

Понедѣльникъ, 5 іюня.

Сегодня я, противъ обыкновенія, заспался; чай пить меня разбудили.

— Започивали-съ, започивали вы сегодня долгонько. Что это, вамъ не поспалось вѣрно? спросили меня хлѣбосольные и добродушные мои хозяева.

— Я долго вчера проработалъ.

— Что жь такое вы изволили работать? Мы замѣтили, что у васъ свѣча долго горѣла и вы все что-то покашливали.

— А я записывалъ про Парѳена, да припоминалъ, что вы разсказывали про Покровскую вотчину.

— Зачѣмъ же бы вамъ это все записывать?

— А я веду свой журналъ съ самой минуты, какъ задумалъ сюда ѣхать.

— На какой же конецъ вы этотъ журналъ ведете?

— А хочу его послѣ напечатать, если будетъ возможно.

— Что̀ вы? почти съ ужасомъ спросилъ управитель.

Супруга его только поглядѣла на меня, но за то наградила такимъ продолжительнымъ и проницательнымъ взглядомъ, что я невольно прочиталъ въ немъ фразу: «ради Бога, насъ-то тутъ вы не впутывайте; мы люди маленькіе, зла никому не желаемъ».

— Да какъ же это? Стало-быть, все, что̀ мы съ вами говоримъ, все это вы послѣ напечатаете?

— Разумѣется, все какъ есть: затѣмъ-то я и журналъ веду.

— Этакъ вы и насъ тутъ упишете?

— Конечно, и васъ первыхъ непремѣнно.

— Полноте надъ старикомъ такъ шутить: за что̀ жь меня-то навыказку?

— Потому-что я васъ считаю очень-оригинальною и честною личностію.

— Если вы все хотите напечатать, стало-быть я имѣю право прочесть?

— Послѣ, когда напечатается.

— А теперь бы я хотѣлъ...

— И это можно, если я позволю.

— Сдѣлайте одолженіе, позвольте.

— Охотно, но съ тѣмъ, чтобъ вы мнѣ исправили, что̀ невѣрно.

— Нѣтъ, ужь я за это не берусь, да и читать всего не стану. Ваше дѣло: пусть оно на вашей совѣсти и остается.

— Извольте, я вамъ прочту, что̀ про васъ писано.

Я прочелъ ему нѣсколько страницъ изъ своего журнала.

— И вы все это, какъ есть, хотите печатать?

— Конечно все, коли дозволятъ обстоятельства...

— За что жь вы мои-то слова цѣликомъ тутъ приводите? Вѣдь я браню мужиковъ, право, не отъ злаго сердца.

— Я это очень-хорошо вижу. Здѣсь я не первый день; по дорогѣ я

тоже собралъ о васъ слухи и, признаюсь вамъ, радёхонекъ, что судьба занесла меня именно къ вамъ, а не къ кому другому.

— Ну, дѣлайте, какъ знаете. А теперь прощайте; я ѣду къ мировому посреднику. Наконецъ, намъ его назначили!

Я поглядѣлъ на управителя и замѣтилъ, что онъ на сегодня какъ-то особенно смотритъ. Онъ былъ въ новомъ сюртукѣ, который зимой привезъ изъ Петербурга, и одѣтъ вообще безукоризненно, съ тактомъ, а все-таки воротничковъ не выпустилъ и поэтому чрезвычайно походилъ на отставнаго служаку, на какого-нибудь севастопольскаго героя.

— Какимъ вы сегодня франтомъ! замѣтилъ я шутливо.

— Нельзя-съ: люди по платью встрѣчаютъ.

— Съ вами стоитъ заговорить, и эта пословица будетъ не у мѣста.

Человѣкъ, десять лѣтъ сряду полновластно распоряжавшійся тысячью душами, выѣхалъ отъ крыльца своей избушки въ простой трясучкѣ-тележонкѣ, въ родѣ нашихъ обыкновенныхъ курьерскихъ. То̀ ли дѣло намеднишній гость! что̀-за тарантасикъ! что̀ за лошадки! какой во всемъ шикъ! или, вотъ давича проѣзжалъ, должно-быть, питейный довѣренный: тоже экипажикъ хоть куда, и лошади славныя, и самъ развалился такой важной особой. И обѣдаетъ нашъ управитель не богъ-знаетъ какъ сладко: пятый день я у него за столомъ вижу все одно и то же: щи кислыя, разварная говядина съ горчицей, да молочная каша, или творогъ со сливками; вмѣсто вина, на столѣ графинъ съ квасомъ. Только вчера, для праздника, было жаркое. Нельзя сказать, чтобъ при тысячѣ душахъ онъ лакомился. Жалованье его шестьсотъ рублей и содержаніе. Бываютъ отъ землевладѣльца подарки. Я на своемъ вѣку видалъ, какъ живутъ, да покушиваютъ люди, управляющіе и казенными и частными душами; видалъ управителей разныхъ вѣдомствъ, разныхъ цвѣтовъ и разныхъ выпушекъ и, кажется, толкъ смыслю. Да и хитрости особенной на это вѣдь не нужно: заглянуть въ семейные покои, денька два-три пообѣдать сряду вмѣстѣ и пооткровеннѣе потолковать, да сообразиться на счетъ жалованья, и вся недолга!

Мы ужь пообѣдали, когда управитель возвратился.

— Ну, что̀ посредникъ? видѣли?

— Видѣлъ: ничего особеннаго. Замѣтно, что дѣлъ пропасть. И переписки у него много, и мужиковъ съ вопросами множество. На видъ ласковый, вѣжливый; ну, самъ помѣщикъ, не приказная строка; сынъ знаменитаго партизана. А должно быть строгъ! Говоритъ этакъ хорошо, но коротко, отрывисто. Говоритъ, «будьте спокойны; мужики дурятъ немножко, но вѣдь это сглупа; дѣло скоро обойдется и какъ нельзя лучше. Около Троицы я хочу у васъ побывать: выборы надо сдѣлать. Я распорядился, чтобъ у васъ собрались всѣ избиратели изъ двадцати-пяти селеній». Троица не за горами: любопытная картина; человѣкъ пятьсотъ одних избирателей; то-то вы насмо̀тритесь...

— Какъ же бы мнѣ это сдѣлать?...

Черезъ нѣсколько времени въ контору пришелъ мужикъ изъ деревни. Я, слѣдомъ за управителемъ, тоже вышелъ въ контору.

— А я, ваше здоровье, къ вашей милости.

— Вижу; что̀ скажешь?

— У насъ на деревнѣ сходка была.

— Ну, что̀ мужички поговариваютъ?

— Извѣстное дѣло, ваше здоровье: кто въ лѣсъ, кто по дрова!

— Ну, этакъ вы немного дѣла надѣлаете.

— А что̀ жь, батюшка, станешь дѣлать?

— Да вѣдь я вамъ наказывалъ: пора, ребятушки, толкомъ намъ сговориться, пора начать дѣло дѣлать! Манифестъ-то когда состоялся? Ужь Троица на носу, а мы все ни съ мѣста.

— Да ты, ваше здоровье, и поговорилъ бы съ ними: кто тебѣ мѣшаетъ?

— Эхъ ты, пёсъ-голова, на отвѣтъ-то ты больно скоръ, да не разуменъ. Вѣдь васъ тысяча душъ!

— Оно, точно, что тысяча, безъ бабъ.

— Ну, какъ же я съ вами, съ каждымъ, развѣ могу перетолковывать?

— Оно, точно, ка̀къ можно со всѣми: всѣхъ-то и не разберешь что̀ говорить станутъ.

— А вѣдь я наказывалъ: выберите мнѣ, ребятушки, съ каждаго селенья довѣренныхъ, ну хошь двухъ съ селенья, чтобы я могъ ладненько съ ними, не дравши горла, разсуждать, ка̀къ быть и чему не быть.

— Оно точно, что твое здоровье наказывало.

— Какъ же вы мой совѣтъ, мой приказъ исполняете?

— Да какъ тутъ, батюшка, ваше здоровье, выберешь: одинъ самъ нейдетъ — промысломъ занятъ; другаго міръ послать не хочетъ — ненадёженъ, не на ту руку гнуть станетъ... да оно и точно что бо̀язно: ты съ нимъ порѣшишь, а, можетъ, оно намъ не на руку?

— Да я порѣшать ничего не стану, на это есть власти, есть помѣщикъ, есть посредникъ мировой: я хотѣлъ только спервоначала условиться, чтобы послѣ намъ чего не напутать.

— То-то вонъ оно и есть! и міръ-отъ боится, чтобъ чего не напутать. И порѣшили: послать къ твоему здоровью изъ охочихъ.

— Ну, а какъ всѣ захотятъ? куда мнѣ со всѣми? и горла не хватитъ!

— Зачѣмъ всѣхъ! мы по жеребью.

— Да развѣ что̀ жеребьевый, что̀ довѣренный выборный одно и то же? Я желаю говорить съ такимъ человѣкомъ, который міру вѣренъ, который ему надеженъ.

— Да что̀ тебѣ, ваше здоровье, торопиться: не уйдетъ еще! Поглядимъ перво на Покровскихъ, ка̀къ-то у нихъ наладится.

— Что̀ намъ на другихъ смотрѣть: развѣ намъ они указъ?

— Оно точно, что не указъ, да и впередъ-то намъ лѣзть что̀ за невидаль.

— Надо же кому-нибудь и зачинъ дѣлать! А у Покровскихъ, помяни мое слово, до зимы все канитель станутъ тянуть: сегодня такъ, а завтра этакъ.

— Оно точно, что Покровскіе-то цѣлый уѣздъ только съ толку сбиваютъ... да нѣтъ ужь, лучше бы мы погодили. Пусть зачнутъ другіе, только бъ не намъ.

*

— Чего жь вы хорошаго дѣла боитесь? Когда-нибудь да надобно же намъ его покончить? Развѣ вамъ самимъ охота цѣлые два года быть словно на привязи?

— Оно точно что такъ! твое здоровье говоришь правду.

— Ну, такъ вотъ видишь ли: и начнемъ! начнемъ хоть завтра. Присылайте довѣренныхъ, а у меня есть чѣмъ съ перваго же слова ихъ порадовать, а тебѣ одному не скажу: самъ хочу вашей радости вмѣстѣ съ вами порадоваться.

— Да на сегодняшней сходкѣ положили ужь послать къ твоему здоровью по жеребью.

— Жеребьевыхъ я не хочу, понимаешь? И кто у васъ сходку затѣялъ?

— Филиппъ Карпычъ пріѣзжалъ.

— Да что̀ ты мнѣ своего Филиппа Карпыча все суешь? Ужь эта бестія вонъ-гдѣ у меня сидитъ! Вѣдь онъ не вашей деревни, онъ чужой! И ка̀къ онъ смѣетъ созывать сходку?

— Да не онъ созывалъ.

— Вѣдь ты же сказалъ, что онъ?

— Оно точно, что я сказалъ, да и я сказалъ незря, а оно, видишь ли, ваше здоровье, какъ было. Филиппъ Карпычъ пріѣхалъ съ краснымъ товаромъ — ну, извѣстно, къ Троицѣ... бабье дѣло.

— Этотъ Филипка, мошенникъ, у меня изъ мастерко̀въ: у него кой-какая фабричонка набивная въ избѣ заведена—вотъ онъ по бабью и шныряетъ, да крестьянъ-то мнѣ и мутитъ и бунтуетъ—пояснилъ, обращаясь ко мнѣ, управитель.—Ну, говори, что̀ дальше.

— Вотъ онъ, знаешь, ваше здоровье, по бабамъ-то ходилъ-ходилъ, да и зашелъ къ Тихону Пантелѣеву въ избу. Стали товаръ разглядывать, а̀нъ пришелъ и батька; тары да бары, пошло угощенье; Филиппъ-то Карпычъ и молвь батькѣ-то: а у насъ, молъ, молодцы поговариваютъ «полно, молъ, имъ теперь пановать — довольно мы имъ поплатились!»

— Та̀къ-таки-такъ и сказалъ Филиппъ Карповъ?

— Сказалъ, какъ есть, такое слово.

— Ну, а батька-то что̀?

— А я, говоритъ, на требы набавлю.

— Ну, вотъ я такъ и зналъ! Заварилъ, мошенникъ, кашу! забунтовалъ опять? Ну, что̀ мнѣ съ этимъ разбойникомъ дѣлать!

— Чѣмъ онъ разбойникъ, ваше здоровье? онъ старикъ хорошій.

— Чѣ-ѣмъ?

— И грамотникъ, и исправный въ домѣ, и въ церкви поетъ, и въ книжку почитать даетъ ему батька.

— Бунтовщикъ онъ, вотъ что̀!

— Онъ за наше за мірское стоитъ, насъ оберегаетъ, «Положенье» намъ разбираетъ, онъ намъ и растолковалъ это дѣло. Да и вправду сказать, ваше здоровье, міръ положилъ дѣльно — не платить руги больше.

— Какъ, ужь и міръ положилъ?

— Да на этомъ у насъ и сходка была.

— Какъ же вы платить-то ее не станете?

— А не станемъ платить, да и шабашъ! И за что̀? Кабы, то-есть, церковную землю мы запахали — нну̀, наша бѣда, наша и деньга, а то, гдѣ она церковная-то земля, развѣ у насъ?

— А то у кого жь?

— Да вѣдь она подъ барской запашкой: Филиппъ Карпычъ говоритъ.

— Опять этотъ злодѣй Филипка! А онъ почемъ знаетъ?

— Ему сказалъ Архипъ...

— Ну знаю, могутовскій, тоже бунтовщикъ не послѣдній. Намедни они ко мнѣ приходили, я имъ планы всѣ развертывалъ, да показывалъ, какъ-бы ихъ лучше надѣлить землей въ одной общей межѣ, а Архипка-то бестія и подглядѣлъ, видно, церковную землю.

— Грѣхъ напрасно говорить, батюшка, ваше здоровье; планты-то они брали отъ поповъ, да сами и обмѣряли землю-то.

— Да чѣмъ же они обмѣривали безъ астролябіи?

— Остролябіи у насъ нѣтъ, а сказываютъ, гдѣ веревкой, гдѣ шагами мѣряли.

— Кто же имъ обмѣривалъ-то?

— Архипъ обмѣривалъ.

— Развѣ онъ знаетъ, какъ мѣряютъ землю?

— Стало-быть знаетъ, коли смѣрялъ, да самъ на планты наклалъ: у него и плантъ въ карманѣ.

— Такъ и порѣшили: не платить руги?

— На томъ и порѣшили; затѣмъ я, пришелъ къ вашему здоровью и сказаться.

— Да чѣмъ же попы виноваты: вѣдь вы теперь ихъ обидѣли; надо же и имъ чѣмъ жить?

— Оно точно, что надо; да и мужики-то, твое здоровье, чѣмъ виноваты, чтобъ имъ попусту деньги бросать: дави бы они землю поповскую забрали!

— Что̀ и говорить; мужики точно правы! Только не слѣдовало вамъ теперь самимъ рѣшать этого дѣла міромъ. Про это дѣло въ «Положеніи» ничего не сказано, а не сказано оттого, что тутъ рѣчь идетъ только о помѣщикахъ, да о крестьянахъ. А теперь, какъ у васъ этакое дѣло затѣялось, стало-быть, затѣется оно и по всѣмъ другимъ вотчинамъ. Высшее начальство, конечно, этакого казуса не упустило и на него намъ скоро рѣшенье пришлетъ, а вамъ бы, погодя да повыждавъ, и оставаться на старыхъ порядкахъ.

— Филиппъ-то Карпычъ толкуетъ, чтобъ мы были тише воды, ниже травы въ помѣщицкомъ дѣлѣ, по-та̀-мѣста, покедова уставныя грамоты намъ въ руки не дадутся; а и напирать станемъ, такъ напирать посреднику, да повыждавши.

— Ну, вотъ и о ругѣ бы такъ же.

— А объ ругѣ Филиппъ Карпычъ говоритъ, что намъ платить се не слѣдъ: кто запахалъ церковную землю, такъ тотъ таперь или землю отдай, или ругу изъ своей мошны плати.

— Ну, ладно, хорошо, ступай: мы еще потолкуемъ объ этомъ, только присылайте довѣренныхъ, міромъ выбранныхъ, а не по жеребью охочихъ.

— Ладно; я поговорю на деревнѣ; ка̀къ другіе...

— А мужики правы? спросилъ я, по уходѣ крестьянина.

— Правы! что̀ говорить, это дѣло чистое! Эхъ-ма, пріидется землю возвратить, а не-то самимъ платить ругу.

— Кому? помѣщикамъ?

— Извѣстно, не мужикамъ: тѣ по ниточкамъ разобрали все дѣло.

— Такъ изъ чего жь вы ихъ браните? ну, и платите.

— Эхъ, вамъ хорошо; а у насъ есть пословица: «чей хлѣбъ ѣшь, тому богу и служишь». Я довѣренное лицо помѣщика — я и долженъ его интересы обстаивать.

— Да̀, это дѣло хорошее, но надо правдиво обстаивать, а не кривить.

— Самъ знаю я это, да пока я ихъ не введу на новое положеніе, куда бы мнѣ не хотѣлось обычные наши доходы убавлять.

— А много это на тягло составитъ?

— Какой-нибудь рубль и всего.

— И сто̀итъ изъ-за этого между крестьянами молву дурную наживать?

— Я ужь это давно прикидывалъ и такъ, и этакъ, да вѣдь бываютъ же обстоятельства, что заставляютъ дорожить всякой копейкой. Что я не хочу прижимать крестьянъ, въ этомъ вы убѣдитесь, когда я вамъ разскажу, какіе у меня въ головѣ планы, а упускать интересы помѣщика и не сберечь ихъ елико возможно — тоже я не долженъ. Мнѣ здѣшній землевладѣлецъ пишетъ частнымъ письмомъ, чтобъ я кончилъ съ крестьянами и дѣлалъ бы всякія уступки, но вѣдь это не значитъ же: отдай имъ все, чего бы они ни потребовали? вѣдь я всетаки подъ отвѣтомъ. Я не набивалъ себѣ кармана, какъ иные, а мнѣ и впередъ надо же подумать о кускѣ хлѣба. А упусти я выгоды помѣщика—репутація и пропала! Неправедно я вовсе и не думаю дѣйствовать противъ крестьянина, а тутъ политика: гдѣ и волчій ротъ, а гдѣ и лисій хвостъ. Я хлопочу, чтобъ и волки-то были сыты, да и овцы-то цѣлы.

Логика совершенно-вѣрная. Теперь поневолѣ убѣдишься, какимъ изворотливымъ служителемъ «и нашимъ, и вашимъ» приходится иногда бывать даже прямодушному и честному человѣку.

Вторникъ, 6-го іюня.

Сижу у Ѳомича и записываю на̀-скоро, что̀ видѣлъ и слышалъ.

Былъ у господина становаго пристава и видѣлъ его житьё-бытьё. Живетъ ничего, кажется. Но что̀ меня поразило, такъ это куча дѣтей, малъ-мала меньше. Мудрено жить этакимъ манеромъ: губернское-то правленіе губернскимъ правленіемъ, а вѣдь и дѣти-то пить-ѣсть захотятъ. И все дѣвочки. Впрочемъ, какія ужъ дѣвочки: одна дочь вдова, эту я не видалъ; другая — замужемъ за гражданиномъ города Тріеста, эта красавица; третья — барышня-невѣста, тоже очень-хорошенькая; остальныя — все крошки. Да̀, иногда поневолѣ приходитъ на память изреченіе «не осуждай, да не осужденъ будеши». Нельзя же вѣдь, впрочемъ, запретить человѣку исправлять всѣ человѣческія нужды; нельзя же сказать: «не женись», а женившись — «не имѣй дѣтей»? А картина семейной жизни, которой я былъ свидѣтелемъ, ставитъ положеніе становыхъ и маленькихъ чиновныхъ людей совершенно въ другомъ свѣтѣ. Мнѣ, холостому человѣку, конечно, легко разсуждать, а тутъ какъ дюжина ртовъ проситъ куска хлѣба, проситъ чаевъ да кофеевъ, проситъ кое-какого обученія и воспитанія... ахъ, Боже мой! да на двадцать-четыре ноги однихъ чулокъ, башмаковъ, да подвязокъ въ годъ не напасешься: поневолѣ у семейнаго человѣка голова пойдетъ кругомъ; всѣ понятія извратятся, сердце очерствѣетъ, умъ изсушится. Не всякому же становому выпадаетъ удача выдать дочь за достаточнаго чужестранца? Ну, выдалъ одну, двухъ, а десятокъ все-таки виситъ на шеѣ.

Свадьба у становаго и у становихи совершилась совершенно-случайно. Въ годъ коронаціи въ Москву пріѣхалъ, въ числѣ другихъ чужеземцевъ, и нашъ гражданинъ города Тріеста. Онъ нечаянно, гдѣ-то, встрѣтился съ своею «суженою», кажется, на станціи; потомъ увидалъ ее, тоже случайно, въ Москвѣ. Она ему понравилась. Онъ узнаетъ, гдѣ ея отецъ; ѣдетъ къ нему, объявляетъ свое состояніе и проситъ руки. Дѣвушкѣ красавецъ-сербинъ тоже понравился. Свадьбой не медлили — и вотъ счастливая парочка пріѣхала нынче погостить къ родителямъ, съ двумя прелестными малютками — дочерьми.

У нашего сербина понятная ненависть къ Австріи; но, при всемъ томъ, ему крайне больно думать, что рано или поздно Венеція должна отойдти къ итальянскому королевству. Какъ согласить эти двѣ противоположности — не знаю; его же собственныя убѣжденія основываются только на рутинѣ, на одной привычкѣ видѣть Венецію рабынею Австріи.

Ѳомичъ, Аверьянъ Ѳомичъ, для меня гораздо-интереснѣе. Изъ его словъ я сію минуту узналъ, что онъ дѣлецъ большой руки, этакой финансистъ въ нѣкоторомъ смыслѣ и, въ-самомъ-дѣлѣ, человѣкъ презамѣчательный. Женившись и выкупившись на волю, онъ, скопивъ кой-какія деньжишки мелкою торговлею, явился наконецъ сюда, вотъ въ это самое село. Здѣсь, въ одномъ порядкѣ крестьянской усадьбы, приглянулась ему избушка, оказавшаяся выморочною, что-ли, или какъ-то этакъ, почему-то опустѣвшая. Подъ дворомъ было большое мѣсто: всего ровнёшенько полдесятины. Ѳомичъ явился къ землевладѣльцу, заявилъ желаніе взять это мѣсто на аренду, условился въ цѣнѣ, заключилъ контрактъ на двѣнадцать лѣтъ (50 р. сер. въ годъ за полдесятины), снесъ долой все старое строеніе, поставилъ новую богатую избу и всѣ надворныя строенія, открылъ постоялый дворъ и теперь живетъ-себѣ паномъ, пользуясь во всемъ околоткѣ доброю, очень-доброю славою. И чего-чего у него въ амбарахъ, про запасъ, да про покупщика, не найдется? Постное масло, свѣжая говядина, селедочки «что ни есть самолучшія», дрей-мадера, отличное «ренское» вино, овесъ, конечно, и сѣно, свѣчи, сахаръ, кофе... да всего и не пересчитаешь. Я нарочно, просто на̀-смѣхъ, спросилъ его:

— А папиросовъ на продажу вы не держите ли?

— Какъ же, помилуйте-съ, есть и папироски, есть и цигарки-съ, только-что неважный сортъ; ужь извините, каковы есть; для нашего брата-крестьянина про-случай покупаемъ.

— Ну, а коли кому понадобится дровецъ или лѣску, напримѣръ, для постройки?

— Ужь этого, конечно, товару у насъ предовольно: мы рощу на срубъ откупили.

— Такъ вы и рощенникъ?

— Рощенникъ... да вы ужь не извольте обо мнѣ безпокоиться, я теперича по купеческой гильдіи капиталъ плачу...

— А мнѣ какое дѣло?

— Да нѣтъ-съ, я думалъ вы, то-есть примѣрно, насчетъ казенной палаты, можетъ, тамъ на службѣ состоять изволите?

Я успокоилъ почтеннаго Ѳомича, что я не слѣдствіе произвожу, а такъ, для собственнаго любопытства, его разспрашиваю, а что главное у меня въ головѣ, такъ это — посовѣтоваться съ нимъ, кàкъ бы устроить школу для крестьянскихъ дѣтей.

— Насчетъ школъ дѣло мудреное-съ, потому-что теперь у нашего брата-крестьянина, временемъ, умъ за разумъ заходитъ. А вотъ насчетъ меня коли коснется, такъ я осмѣлюсь вашей милости доложить, что я еще и сапожнымъ ремесломъ занимаюсь; у меня на задворкѣ большая мастерская; работниковъ человѣкъ тридцать; сапожный товаръ на весь околотокъ заготовляемъ.

Я подивился дѣятельности, и какой еще разнообразной дѣятельности Аверьяна Ѳомича, но за-то и удивился же я, когда онъ объявилъ мнѣ о своемъ горѣ, что грамотѣ не знаетъ. Но про это онъ сказалъ мнѣ послѣ, и это дало мнѣ поводъ завязать новую нить разговора.

Сначала мнѣ почему-то хотѣлось видѣть въ Ѳомичѣ обыкновеннаго кулака-сквалыгу, представителя и олицетвореніе того зла, которое такимъ гнётомъ лежитъ на массѣ обнищалаго крестьянства, и которое въ жолчную, невыносимо-тяжкую минуту жизни заставляетъ иногда невольно вспоминать про историческое изреченіе Прудона. Но при мнѣ пришелъ посыльный отъ священника и потребовалъ фунтъ лучшаго сахара. Потомъ прибѣжалъ какой-то мальчишка и, подавая Ѳомичу деньги, объявилъ, что тятька чаю золотникъ проситъ. Ѳомичъ отвѣсилъ превосходнаго бѣлаго рафинаду фунтъ, *безъ бумаги,* и взялъ за него 30 копеекъ, а на мѣдный пятакъ серебра, принесенный ребенкомъ на чай, далъ двѣ копейки сдачи; конечно, и чай онъ свѣшивалъ на вѣскахъ безъ бумаги же. Такую дешевизну, дай Богъ, иной разъ, и въ петербургской мелочной лавкѣ найдти. Полагая, не я ли причиной такой дешевизны, я замѣтилъ Ѳомичу, что онъ дешево беретъ.

— Никакъ нельзя-съ! на чистыя деньги покупка-съ; вѣрные люди спрашиваютъ.

— Смотрите, чтобъ въ накладѣ не быть!

— Да вѣдь мы ужь съ разсчетомъ-съ! У насъ ужь тутъ двадцать процентовъ наживы есть, а капиталъ-то вѣдь не разъ въ годъ оборотится!

— А кто не на чистыя беретъ?

— Тутъ у насъ другое колѣно-съ. Коли кто въ долгъ беретъ и человѣкъ вѣрный, отдаетъ, хоть нескоро, да безъ обману, съ того мы за сахаръ тридцать-двѣ, а за чай четыре копейки, а наянъ навяжется, чтò вѣры нѣтъ человѣку—съ того пять копеекъ за чай, тридцать-пять за сахаръ. За-то плохаго товару не держимъ.

— Ну, а чего у васъ больше пьютъ мужики, чаю или водки?

— Охъ, сударь, губитъ ихъ это проклятое вино. Ни на чтò не похоже!

— Ну, батюшка, откупà вѣкъ свой доживаютъ! скоро ихъ царство кончится!

— Подай-то Господи, чтобъ оно было правда, а то теперь такіе пьяницы завелись, что всякую нажпвную копейку все въ кабакъ, да въ кабакъ! И вѣдь какъ дорого оно, проклятое, а не хмѣлитъ — только бунтуетъ человѣка; тàкъ вотъ его и тянетъ пить, пить, пить, пока совсѣмъ съ ногъ не свалится. И на какія штуки откупъ поднимается? Знаете, конечно, Сергѣя Васильича, нашей вотчины доктора? Ему для лекарствъ частенько требуется спиртъ, для разныхъ врачебныхъ спецій. Такъ чтò жь вы думаете? Пронюхала контора, что онъ чистый спиртъ все покупаетъ—запретила, вѣдь, его продавать вовсе! боится, вишь, чтобъ не сыропили!

— Ну, а скажите, пожалуйста, кàкъ у васъ на вино цѣны?

— Да тутъ дѣло не столько въ цѣнахъ, сколько въ штучкахъ этакихъ разныхъ. За ведро простаго берутъ безъ полтины пять цѣлковыхъ, а ведро-то у нихъ не въ десять штофовъ, а въ восемь, а водывто столько, что и сказать смѣшно: просто, сударь, гольё-гольёмъ водичка, только что винцомъ припахиваетъ! Продаютъ больше штофами, то-есть десятою долею ведра —это семь гривенъ стòитъ; полуштофа—

35 копеекъ, косушка — $17^1/_2$ копеекъ, а шкаликъ, сотая доля ведра, стоитъ семь копеекъ. Такъ тутъ какъ ни верти, ни повертывай, а ведро-то и выходитъ не въ четыре съ полтиной, а ровно въ семь цѣлковыхъ. Этакъ дешевле ромъ ямайскій покупать; у насъ тутъ есть продавцы — рубль серебромъ добрый ромашка, конечно, фабрикованный, московскій, все же не питейный.

— Ну, а находятъ же минуты и на мужиковъ, что они сознаются, что вино имъ на погибель?

— Ну, еще бы! Какъ вы о крестьянинѣ заключаете! Иной мужикъ совсѣмъ сенаторъ, кабы не лапти: онѣ-то его заѣдаютъ!

— Вотъ въ иныхъ мѣстахъ общества воздержанія завелись: вотъ бы и здѣшнимъ мужичкамъ то же.

— Пытались и наши, да э-эхъ!

— А что же такое?

— Ну, боятся! Да и стращали! А теперича и пора прошла!

— А мнѣ кажется, что она только-что наступила?

— Охъ, нѣту-съ! спомощниковъ нѣту, поддержки не находятъ, а духъ-то въ смятеніи. Вотъ вѣдь у насъ и село, а назидательнаго слова въ пять лѣтъ не услышишь. Поученья нѣтъ.

— Ну, да вѣдь въ вотчинѣ тысяча душъ: какъ бы не завести школу?

— И была школа какая-то, да пѣнью учили.

— Тутъ бы заодно и грамотѣ?

— Да управитель-то, сказываютъ, настаивалъ, ну, да того... видно не пора была! Что̀ станешь дѣлать? Такія времена бывали. Повѣрите, тайкомъ дѣтей учили грамотѣ. Слава Богу, прошло это время.

— Ну, а теперь учатъ же ребятишекъ?

— Какъ не учить? Учатъ по-малу.

— Больше все священники?

— Нѣтъ-съ, дьячкамъ изрѣдка отдаютъ, да тѣ долго возятся, года по три да по четыре, пока до псалтыря доберутся, а намъ нужна гражданская печать да письмо. Теперь же вотъ я, торговый человѣкъ, безъ грамоты совсѣмъ пропасть могу, ну, и выписалъ изъ деревни племянника грамотника, а дочку отдалъ въ пансіонъ.

— Въ пансіонъ? въ Москву?

— Нѣтъ-съ, здѣсь же въ самомъ селѣ, дама одна у насъ учитъ.

— Вѣрно, становиха?

— Охъ, нѣтъ-съ! какъ это можно-съ! Этакое низкое дѣло для такой важной персоны. У насъ свой-братъ мужичокъ, да какая-нибудь мужичья дочка, мастерица прозывается, ребятъ-то учать. Въ иномъ мѣстѣ, вотъ какъ въ Пахрѣ, примѣрно, десять рублей берутъ за выучку, а въ здѣшнихъ мѣстахъ все больше двадцать-пять рублей ассигнаціями цѣна стоитъ.

— Да вѣдь ассигнацій ужь двадцать-два года нѣтъ?

— Это все единственно-съ: разсчитываются на серебро, сколько причтется.

— Какой же это у васъ здѣсь пансіонъ?

— А бывалъ въ старинное время у здѣшнихъ помѣщиковъ конный заводъ свой. Усадьба-то продана новому барину Лопухину, а заводъ въ другое имѣніе сведенъ. При заводѣ-то состояли этакіе конюхи, какъ ихъ зовутъ по господскому балеторы. Одинъ балеторъ возьми да умри, а былъ дворовый и человѣкъ денежный. Вотъ его вдова старушка съ дочерями и учитъ мою Пашеньку... Она теперича еще не пришла, а не полюбопытствуете ли взглянуть какъ она пишетъ; вотъ ужь другой годъ учится. И рукодѣлья разныя тоже.

Ѳомичъ подалъ мнѣ опрятненькую тетрадку, въ которой по разнаго сорта линейкамъ, то широкимъ, то узенькимъ, были написаны не изреченія въ родѣ «Счастіе катается какъ шаръ сегодня», а отрывки изъ дѣльныхъ сочиненій.

— Сколько лѣтъ вашей Пашѣ?

— А вотъ ужь десятый годокъ на исходѣ.

— Это такъ прекрасно для этакихъ лѣтъ писано, и метода ученія такъ основательна, что я попрошу васъ проводить меня къ учительницѣ: я очень желалъ бы съ нею познакомиться.

— Ради Бога, сударь, этого вы не дѣлайте: только стараго человѣка напугаете.

— Какъ-такъ? Со мной есть книжки, бумаги, перья, карандаши, я бы снабдилъ ее чѣмъ могу, да и впослѣдствіи постарался бы быть

ей полезнымъ, еслибъ удостовѣрился самъ во всемъ и убѣдился, что ея заведеніе можетъ-быть расширено.

— Да у ней нѣтъ никакого заведенія-съ! И въ помощи они нисколько не нуждаются, а что съ насъ беретъ въ мѣсяцъ по малости, по рублику-съ, такъ это для-ради единственно нашего удовольствія и удоблетворенія.

— Да вѣдь у ней пансіонъ?

— Пансіонъ-съ.

— И много дѣвицъ учится?

— Одна наша дѣвчоночка, Паша-съ; больше она никого не беретъ да и принимать не станетъ, потому—не нуждается! И сама съ деньгами старушка, да и годы ея не такіе, чтобъ обузу на себя брать.

— Гм! какъ же быть: школы-то заводить надо?

— Да какъ ихъ заведешь? пробовали, сударь, да все оно какъ-то этакъ «пяхъ-ногой», вотъ и не ладилось. Бывали такіе случаи, что вотъ этто въ одно село зашедши былъ одинъ, Богъ его знаетъ изъ какихъ онъ. Малый молодой, и одѣтъ по-господски, и смирный этакой. Вотъ онъ и присталъ, какъ-бы примѣромъ, на постояломъ; ну, обошелъ избы, познакомился, сталъ этакъ по малесеньку поучивать. Видятъ мужики: дѣло идетъ ладно; вотъ одинъ свою избу и уступилъ—пусть, молъ, ребятишки здѣсь собираются. И этакимъ, сударь, манеромъ открылось училище, и мальчиковъ съ дюжину штукъ набралось. Такъ что жь вы думаете? Пришелъ батька: какъ ты-де смѣешь за такое дѣло браться? Это мое дѣло, моя статья! Я тебя вытурю! Гдѣ у тебя бумага? Что прописалъ тебѣ штатный смотритель? А штатныхъ смотрителей у насъ, сударь, шибко боятся! Учитель-то, знаешь, туды-сюды! ну, мальчишекъ въ разгонъ, а малаго такъ-таки вонъ изъ села и вытурили. Такъ вотъ они какъ!

— Вы, Аверьянъ Ѳомичъ, умный человѣкъ и, какъ я вижу, доброхотъ къ хорошему дѣлу: соберите вы міръ, или этакъ какъ-нибудь прскажите, что дескать нынче въ этомъ дѣлѣ никто міру указывать не можетъ. Каждая деревня, каждое село имѣютъ полное право—да это и ихъ обязанность по «Положенію» — устраивать у себя школы грамотности. Да и законъ такой отъ государя есть, и отъ министра приказаніе, что кто только ни захочетъ учреждать школу грамотности—ну, хоть бы вы—всякому въ этомъ добромъ дѣлѣ полная воля и никто не смѣетъ никому въ томъ воспрепятствовать.

— Экіе вы, баринъ, посмотрю я, какіе, право, чудные! Да какъ-таки я—простой человѣкъ, стану говорить на міру такія страшныя рѣчи? Мы ужь такъ поведены, что случись этакое дѣло хоть бы съ вами — извините на примѣрномъ словѣ — такъ и васъ вѣдь сочтутъ бунтовщикомъ и строго судить станутъ. Тамъ, можетъ, дальше-то, вы черезъ десятокъ годковъ и оправдаетесь, коли за правду стоите, а судить-то да привязки десять лѣтъ дѣлать вамъ таки будутъ!

— Полноте, Аверьянъ Ѳомичъ, успокойтесь: эти времена прошли и ужь никогда больше не возворотятся.

— Дай-то, Господи, ка-бы оно такъ. А то вотъ я вамъ разскажу еще какой презанимательный случай. Жилъ, сударь, въ Москвѣ баринъ съ барыней, люди еще молодые. Онъ, знаешь, въ отставкѣ; служилъ прежде по военной части офицеромъ, этто что вотъ съ пушками все ѣздятъ. Водились у него деньжишки — ну, и у хозяйки-то его тоже. Вотъ какъ оженился-то онъ, хозяйка-то молодая, домъ-отъ какъ полная чаша— вотъ онъ, знаете, и сталъ баклуши бить, то на бульвары, то въ театеръ, то катаньи тамъ разные у нихъ пойдутъ, а дѣла не дѣлаетъ! Вотъ онъ и отвыкъ, сударь, отъ работы, совсѣмъ облѣнился. Промаячилъ онъ этакъ годика два-три съ женою: ну, конечно, другія стали нравиться. Онъ за другихъ принялся: ухаживаетъ за мужними женами, да за чужими любвишками, а деньги-то льются! Онъ ужь было и за женину кубышку принялся. Какъ тамъ у нихъ это дѣло шло, коротко я не знаю, только никакъ попался онъ женушкѣ-то своей! да, говорятъ, и не разъ— и подъ хмелькомъ, да и съ прислужницей. Ну, жена-то не будь дура, да и пріими его въ руки! никакъ вонъ даже выгнала! Не унялся нашъ молодецъ; завелъ свою фатеру и новою барыней обзавелся. Долго ли, коротко ли, такую жизнь велъ, я вамъ не умѣю сказать, только, стало-быть, проняло же его горе. А при родной-то женѣ ребята остались: ихъ-то онъ тоже не видитъ. Пошелъ, онъ, сударь, съ горя, по стогнамъ градскимъ, вышелъ изъ града того на распутіе и, аки скитальникъ,

иде во лѣса дремучіе. И ходилъ онъ этакимъ манеромъ, ходилъ долго. Пришелъ въ нѣкую деревню и поселился за пять рублёвъ въ зиму, во крестьянской избѣ, у мужика у простаго. А у мужика сынъ парнишка. И сталъ нашъ скиталъникъ учить парня этого грамотѣ. Самъ остепенился, и вино пить пересталъ, и кается въ своемъ грѣховномъ житіи, и мужикамъ въ трудный часъ про свое горе сказываетъ. Стали ему и другіе давать въ наукъ робятокъ. А все эвтихъ самыхъ денегъ ему на прожитіе не хватило: что жь? рублишко какой-нибудь въ мѣсяцъ перепадетъ — и только! Хозяинъ-то и познакомь его съ другимъ мужикомъ, изъ другой деревни, верстахъ въ восьми оттелѣ была. Вотъ онъ туда, за восемь-то верстъ, и давай каждый день отмахивать, мальчишекъ двухъ учить. А осенью грязь по колѣно, мокреть, холодà; весь человѣкъ оборвался, обносился. А плата ему положена была хорошая, и съ харчами! мужикъ-то былъ этакой исправный, хозяинъ-то... да отстань проклятая! вишь вѣдь привязалась, анаѳема! проговорилъ скороговоркой Аверьянъ Ѳомичъ, отмахиваясь отъ мухи, которая, какъ на зло, навязывалась къ нему и все садилась около глаза.

— Ну, что жь дальше?

— Да ничего. Я къ тому говорю, что вотъ, молъ, судьба какая! И изъ благородныхъ людей, да на низкое дѣло пойдешь, для-ради куска хлѣба.

— Кто вамъ внушилъ это, что учить дѣтей низкое дѣло?

— Какъ же не низкое? хорошій человѣкъ, не нищій бы только, развѣ на такое дѣло пустится?

— А развѣ вашъ офицеръ былъ дурной человѣкъ? Поступокъ его очень благороденъ: онъ не упалъ подъ несчастьемъ, не сгубилъ себя, а честнымъ трудомъ добывалъ копейку. А что былъ грѣшокъ за нимъ, такъ грѣхъ да бѣда на комъ не была?

— Копейка-то эта горька! А вотъ небось какъ человѣкъ-то оправился, такъ бросилъ чужихъ ребятишекъ учить. А почему? потому: низкое дѣло!

— Кто бросилъ?

— Да вотъ этотъ баринъ, чтò я разсказываю. Какъ же-съ! Онъ

на деревнѣ-то промаялся никакъ года два тамъ или три, что ли. Да вдругъ вѣсточку изъ Питера и получилъ. Ужь черезъ кого и какъ про него вѣсти туда прошли, сказать я вамъ этого не умѣю, только выискался тамъ одинъ добрѣющій человѣкъ, старинные, стало-быть, пріятели.

— Ну, и что жь дальше?

— А дальше то и есть, что выписали его въ Питеръ, опять въ офицерство записали: война въ то время была — и онъ, во всей кавалеріи, прогостилъ денёкъ у того мужика, что первый далъ ему пристанище. Да ужь и постарѣлъ же! Горе не молодитъ, конечно, да и времени-то ужь довольно таки прошло. И съ женой сошелся, и стали они жить да поживать, да новыхъ дѣтей наживать. Теперь живутъ барами. Просто вѣдь, сударь, словно сказка.

— Ваша сказка доказываетъ только, что учить дѣтей можно и въ деревнѣ безвозбранно.

— Экіе вы! да та деревня—захолустье! ни города близко, ни батьки, на становаго! Тишкомъ, да тайкомъ, словно какъ по-воровски, какъ иной разъ добраго дѣла не сдѣлать!

— Теперь по-воровски стыдно и думать поступать. Трудитесь открыто и школы безбоязненно заводите, и учителей сажайте, какіе самимъ вамъ полюбятся.

— Школы будутъ! только вотъ учителей-то... того, чтобъ не насылали? А школы будутъ. Ужò пріидетъ осень да зима, волости учредятся — мѣшать будетъ ужь пéкому. А вѣдь захотятъ, сударь, спакостить, такъ вѣдь спакостятъ! Вы думаете, мало теперь охотниковъ сгадить все дѣло?

— Подличать будутъ, конечно, иные, но ужь они будутъ безсильны.

— Э, полноте-съ: лиха бѣда захотѣть! Да вотъ я вамъ скажу про себя. Я здѣсь не новичекъ. Меня знаютъ на десятокъ-другой верстъ кругомъ. Ну, нечего Бога гнѣвить: люди добрые жалуютъ, любятъ. Ну, и здѣшніе крестьяне все ко мнѣ да ко мнѣ, и за ржицей, и за овсецомъ: изъ барскаго-то, то-есть, изъ общественнаго магазина брать считается зазорнымъ дѣломъ. Тоже вѣдь стыдъ беретъ, чтобъ

не осудили свои же, что человѣкъ неисправный и на хлѣбъ семьѣ денегъ не нажилъ. Я ихъ и одолжаю.

— Съ прпростомъ, конечно?

— Ну, еще бы! И разсчету нѣтъ такъ-то, да оно и для мужика дѣло не подходящее!... ну-съ, такъ вотъ, я говорю, знаютъ здѣсь меня всѣ, и любятъ, и я имъ къ тому жь человѣкъ-то нужный! А вѣдь энтіе же самые люди сбираются меня порѣшить.

— Какъ это такъ?

— Да я, видите ли, арендателемъ здѣсь (подробности записаны мною выше):—они и хотятъ меня избы-то моей порѣшить.

— А какъ они это могутъ?

— А мерекаютъ они такъ: крестьянская усадьба вся будетъ наша; мы всю ее выкупимъ. А Аверьяновъ дворъ середь крестьянской усадьбы стоитъ. Коли та будетъ наша, такъ и онъ нашихъ рукъ не минетъ. А не то сноси свое строеніе и живи на воздухѣ. А не хошь—плати! Такъ вотъ какъ они, сударь!

— Давишнимъ разсказомъ знаете какую вы мнѣ мысль подали? Когда станутъ заводить школы, такъ чѣмъ строить для нихъ новыя избы, нельзя ли хоть на первыхъ порахъ такъ дѣло устроить, чтобъ дѣти каждый день поочередно собирались то въ одной избѣ, то въ другой, пока такимъ манеромъ не обойдутъ всего порядка?

— А какъ же учитель?

— Ну, а учитель жилъ бы сутки въ той избѣ, гдѣ на завтра школѣ собраться.

— Неподходящее дѣло. Школѣ не всѣ будутъ рады, а такое положеніе стѣснитъ всѣхъ хозяевъ. Да вѣдь школу-то надо не одну: дѣвочекъ покидать не слѣдуетъ, а вмѣстѣ съ мальчиками учиться имъ не приходится. Безпремѣнно отдѣлить надо; и мастерства завести въ школѣ очень не лишне бы было: дѣвкамъ одно, парнямъ другое, и шитье, и разное рукодѣлье, и огородъ, ну, цвѣточки показать... охъ, только и мудреное жь это будетъ дѣло!

— Никто какъ Богъ! авось Богъ и поможетъ?

— И у васъ «авоси»-то видно, сударь, водятся? Нельзя безъ того! А на счетъ строенія, такъ, повѣрьте, съ міра не много сойдетъ, если

и особыя завести для школъ избы. Первый шагъ—дороговько, а прочіе года не-въ-примѣръ дешевле и легче. А надо школы, надо; жаль дѣвчонокъ: такъ вотъ зря по деревнѣ бѣгаютъ... да вонъ хоть сейчасъ сами взгляните.

Мы оба обернулись къ окну. Въ это время къ намъ приближался длинный обозъ чумаковъ. Оказалось, что это чумаки—курскіе; ѣдутъ въ Москву изъ Калуги; везутъ муку и пшено; взяли по 1 р. 20 коп. съ подводы; горько жалуются на плохіе кормы; иные возчики совсѣмъ проѣлись, до послѣдняго шеляга, и воловъ по дорогѣ распродали.

Нелишне прибавить о Ѳомичѣ вотъ что. Это мужикъ роста пониже средняго; плотный, коренастый. Лицо круглое, румяное; взглядъ не бойкій, но умный; глаза сѣрые, временемъ побѣгивающіе изъ стороны въ сторону; борода небольшая, но густая, опрятная и рыжая. Ходитъ въ плисовыхъ шальварахъ, засунутыхъ въ высокіе, ровными складками напущенные сапоги; на узенькой опояскѣ, окрутившей полненькое чрево, виситъ мѣдный ключъ, должно быть отъ завѣтнаго поставца; другая связка ключей заткнута на ремешкѣ за поясокъ съ другаго бока; поверхъ ситцевой рубахи, то съ чистыми синеневыми клѣтками, то съ красными разводами, надѣтъ долгій суконный жилетъ съ стеклянными пуговками. У Ѳомича въ манерѣ та особенность, что, разговаривая, онъ любитъ придерживаться и прихватываться лѣвой рукой за бороду.

Домой возвратился я къ позднему вечеру. Ужь и чай отпили. И до ужина было недалеко. У насъ гость, Василій Иванычъ, какъ видно, очень рѣдкій и дорогой, для моихъ хлѣбосольныхъ хозяевъ.

Василій Иванычъ—сѣдой какъ лунь, но очень еще не старый человѣкъ, лѣтъ подъ шестьдесятъ, невысокаго роста, крѣпкій, стальной по виду, слегка-полный собою мужчина, съ чрезвычайно-добрымъ и выразительнымъ лицомъ, украшеннымъ молодецкими сѣдыми усами. Не знаю, почему-то, первая съ нимъ встрѣча заставила меня прозвать

его прусскимъ майоромъ—вѣрно это оттого, что онъ сюртукъ обыкновенно застегиваетъ лишь на верхнія пуговицы, руки запускáетъ въ карманы шароваръ, и крупными шагами, при горячемъ разговорѣ, расхаживаетъ изъ-угла-въ-уголъ. Онъ тоже управляетъ, и уже восемьнадцать лѣтъ сряду, у одного и того же помѣщика, тысячью душами въ губерніяхъ Рязанской, Тульской и въ Калужской. Чтò это за люди! Какъ тутъ управителямъ не обворовывать помѣщика, и не грабить мужиковъ съ живаго и съ мертваго, когда при важномъ и почетномъ постѣ, какой они занимаютъ, имъ даютъ, какъ Василью Иванычу, 430 руб. сер. въ годъ жалованья. Конечно, сюда надо присоединить домъ, мёбель, освѣщеніе, отопленіе, прислугу, столъ — однимъ словомъ, полное содержаніе—но 430 рублей, право, не Богъ-знаетъ какія деньги, чтобъ при тѣхъ нравственныхъ основахъ, на которыхъ вскормлено, выросло и взлелѣяно наше поколѣніе, при тѣхъ понятіяхъ, какія въ немъ вдолблены всею окружающею средою, не польститься на чужое и не запустить лапу куда-нибудь поглубже.

Проговорили чуть не до-вторыхъ пѣтуховъ. Наговорено столько, что врядъ-ли успѣю и завтра записать тò, чтò почему-либо меня заняло. Дà, чтобъ не забыть: Василій Иванычъ—для меня еще первый человѣкъ, который «раскусилъ» значеніе мировыхъ посредниковъ и конечное, черезъ нихъ, отрѣшеніе новой эпохи отъ старыхъ порядковъ. Только онъ все еще сбивается.

Среда, 7-го іюня.

Не знаю, какъ сообразить вчерашніе разговоры. Управитель и его супруга принимали въ бесѣдѣ очень дѣятельное участіе, но, героемъ вечера былъ Василій Иванычъ. И говоритъ складно. Надо бы имъ повняться, чтобъ охарактеризовать эту личность; но матеріаловъ изъ его рѣчей, и вчерашнихъ и сегодняшнихъ, накопилось столько, что я и не знаю, кàкъ совладать со всѣмъ, чтò мнѣ кажется стоющимъ внесенія въ эту тетрадку. Сегодня, часу въ девятомъ вечера, онъ уѣхалъ и звалъ меня къ себѣ, подъ Тулу, погостить. Надо будетъ съѣздить. Мужики тоже сегодня приходили: и ихъ пропустить не хотѣлось. Постараюсь, какъ умѣю, припомнить объ чемъ и кàкъ у насъ шла рѣчь.

Не знаю, съ-чего начать. А все-таки не забыть-бы главнаго: получена «бумага», что на этой недѣлѣ, въ субботу, 10 іюня, въ это село пріѣдетъ мировой посредникъ. Здѣшнее село назначено центромъ для волостнаго управленія. Волости съ мѣсяцъ, можетъ-быть, еще не откроются, но въ субботу будутъ происходить выборы на должности старшинъ, выборныхъ и добросовѣстныхъ. Созывъ съ 25 селеній, и здѣшняго землевладѣльца и сосѣднихъ.

Сегодня приходили въ контору мужики. Я, было, тоже туда вышелъ, послушать ихъ рѣчей. Но тутъ мужики, а тамъ Василій Иванычъ; не зналъ, какъ успѣть и тутъ и тамъ переслушать.

Мужики жаловались управителю:

— Не пущаетъ насъ, батюшка, господинъ Кокоревъ на наши покосы.

— Что жь мнѣ, братцы, дѣлать? Вы бы сходили, еще разъ попытали, столковались бы, ну, уладили бы какъ-нибудь дѣло.

— Да ужь мы, батюшка, пытали-пытали, а все толку не добились: хоть-ты чтò—ни складу, ни ладу не выходитъ. А намъ, сами знаете, ваша милость, безъ сѣна совсѣмъ пропадать-стать!

— Чтожь приказчикъ-то?

— Да чтò приказчикъ? Ладитъ одно: ваши, говоритъ, рощенники совсѣмъ самихъ задолѣли: жалобу надо подать!

— Ну, кàкъ онъ подастъ жалобу! въ документѣ указано имъ.

— Да вѣдь, батюшка, тоже вѣдь и имъ обидно: валютъ рощенники лѣсъ-отъ вò какъ!

— Чтò жь, они деньги платили!

— А мы вотъ безъ сѣна совсѣмъ пропадаемъ. Петровки-то на носу! А Кокоревскіе не пущаютъ: самимъ-ста въ сѣнѣ нужда.

Признаться сказать, я ничего не понялъ, хотя рѣчи эти, соображая ихъ съ тѣмъ, чтò у меня прежде проходило мимо ушей, наводили меня на кое-какія мысли; но я ихъ теперь не записываю: можетъ-быть, ошибаюсь.

Такъ-какъ эти переговоры мало меня заинтересовали, то я, подож-

давъ еще немножко и замѣтивъ, что управитель тоже какъ-будто хочетъ отъ этихъ посѣтителей отдѣлаться, потому-что гость сбирался уже ѣхать, отправился потолковать на прощанье съ Васильемъ Иванычемъ.

Приходили и другіе мужики. Управитель растолковывалъ имъ серьёзность значенія предстоящихъ выборовъ, растолковывалъ дѣльно, честно, либерально и совѣтывалъ въ эти три дня, что̀ наступаютъ, хорошенечко обдумать дѣло, посудить о немъ со всѣхъ сторонъ, подружнѣе столковаться міромъ и заранѣе положить, кого въ какія должности выбирать, перебравъ всѣхъ хозяевъ отъ стараго и до малаго, чтобъ и міръ умѣлъ тотъ человѣкъ обстапвать, и довѣрія бы заслуживалъ, и дѣло бы понималъ, да и грамотѣ бы мало-мальски мерекалъ. Говорилъ управитель великолѣпно и вся душа была положена въ этихъ рѣчахъ исключительно въ пользу крестьянства. Слѣдовало бы поподробнѣе изложить эту статью, но мнѣ некогда, да и особенной важности въ этомъ я не вижу.

Обращаюсь къ Василью Ивановичу. Управитель, знакомя съ нимъ меня вчера, по пріѣздѣ отъ Ѳомича, предупредилъ его, что я буду вслушиваться во всѣ его рѣчи, буду ихъ записывать и потомъ все, какъ есть, цѣликомъ, напечатаю.

— А, это дѣло доброе! отвѣчалъ гость: — пишите, пишите-съ сгоряча то, что̀ мы растарабарывать, тоже сгоряча, станемъ: оно и выйдетъ горячѣе, вразумительнѣе и безъ «загогулинъ.» А понять наше дѣло — нужно, а дѣло оно мудрёное, великое-съ!

Начались разговоры, сначала форменные: чьимъ имѣніемъ управляете? давно ли? каково жалованье? а ужь потомъ «что̀ мужики?»

Сначала Василій Иванычъ говорилъ стороннее. По отношеніямъ своимъ къ помѣщику, однимъ изъ лучшихъ друзей котораго былъ покойный Дмитрій Васильевичъ Дашковъ, Василій Иванычъ, по нити разговора, направлявшагося хозяиномъ, разсказалъ нѣсколько анекдотовъ про этого незабвеннаго человѣка, про эту чистую, правдивую личность. Впрочемъ, анекдотовъ этихъ было немного и притомъ, при обстоятельствахъ, изъ которыхъ сложилась жизнь самого разсказчика, они были такъ ничтожны, что ихъ можно бы и вовсе сюда

не записывать. Но такъ-какъ я не желалъ бы, чтобъ это дѣло оставалось на моей совѣсти, то и привожу кое-что.

Дашковъ—лицо историческое. Онъ былъ великій поборникъ правды. Его знаменитое изрѣченіе, одною фразою охарактеризовавшее значеніе только-что появлявшагося тогда въ свѣтъ Свода Законовъ, извѣстно, полагаю я, всѣмъ. Въ частной жизни Дашковъ былъ, какъ говорятъ, чрезвычайно-оригиналенъ: вопервыхъ, онъ цѣлыя сутки вылеживалъ на диванѣ, занимаясь дѣлами и слѣдя за литературой, а вовторыхъ, онъ былъ очень-вспыльчивъ.

— Бывало, повѣрите ли-съ, гоститъ онъ у насъ. Ну, надо съ утра приготовить ему одѣваться. Чортъ знаетъ, ка̀къ тутъ потрафить? Вотъ и выложишь весь гардеробъ, всѣ части туалета, и развѣсишь тутъ же на стульяхъ: самъ выбирай, сѣрые ли, или черные вздумаешь! Не угадаешь—онъ тебѣ такъ ревнетъ, что даже поджилки затрясутся! А не угадаешь—онъ тебѣ такъ ревнетъ, что даже поджилки затрясутся! Ну, оборони Богъ, сгоряча до меня пальцомъ коснется? Вѣдь я погибъ! а вѣдь ужь я не спущу, даромъ что онъ вонъ кто̀! А какъ все выложишь—и молчитъ, только глазомъ моргнетъ въ ту сторону, гдѣ какое платье полюбится, а самъ ни слова! хоть бы пикнулъ! Теперь же галстухъ надѣвать? Самъ ни за что̀! Ты ему и надѣнь, да и бантъ завяжи. Вотъ разъ меня чортъ и дерни! Я передъ нимъ носъ съ носомъ стою, галстухъ-то держу за концы—а галстухи въ-тѣ-поры были не шитые, а платкомъ — я ему горло-то маленечко и подтяни. Сотой доли секунды не прошло, а ужь онъ, какъ тигръ, въ меня впился! Я, будто не мое и дѣло! ту жь минуту горло-то ему освободилъ, ну, и бантъ этакой закрѣпилъ чудесный, да съ дуру-то и бухни: «ниа̀! поди-ка и французъ такъ не съумѣетъ!» Что жь вы думаете! вѣдь ухмыльнулся, даромъ что все звѣремъ смотрѣлъ. А то вотъ разъ, только-что, знаете, изъ вояжа онъ пріѣхалъ, представлялись ему Ж. Степанъ Петровичъ, М. да С. Онъ былъ съ ними ужасно какъ вѣжливъ, такъ вотъ передъ ними и разсыпается! мастеръ былъ на это! А вѣдь какъ говорилъ, кабы вы слышали: Цицеронъ, сударь мой, просто Цицеронъ! Этакихъ ораторовъ поискать только! Вотъ только тѣ трое, знаете, стоятъ, сѣсть-то не смѣютъ, а онъ, наговоривши имъ любезностей, и сталъ ходить молча по комнатѣ. Вижу я, буря собирается.

— Вотъ вы кстати, вдругъ сказалъ онъ, остановившись у стола и взявъ съ него листъ бумаги. Прежде всего онъ обратился къ С.—А отчего это дѣло у васъ такъ долго залежалось?

Тотъ ему пошелъ турусы на колеса, что̀-то такое говорить.

— Ну, это резонъ!... А вы это что за предложенія вздумали давать? спросилъ онъ Ж.

— Позвольте-съ, какое дѣло?

— А по дѣлу... ну тамъ Сидора, что̀ ли, съ Степаномъ — прибавилъ Василій Иванычъ за Дашкова.

— Полагалъ: Сидорова сторона правѣе.

— Правѣе? и вамъ не стыдно? Я васъ выучу понимать, алтынники!! загремѣлъ нашъ бѣшеный на всю залу. Человѣка губить? Кривить правдой? За алтынъ?! Я васъ выучу!! Выучу!!

Бѣдняжка Степанъ Петровичъ затрясся, какъ осиновый листъ.

— А вы чего смотрите? ка̀къ вы допускаете, что дѣло у васъ валяется безъ движенія? обратился онъ къ М.

— На дняхъ будетъ непремѣнно кончено.

— Ка̀къ? Вы смѣете? Мнѣ?! Шесть лѣтъ валялось, а на дняхъ кончу. Да какъ вы осмѣлились? Какъ языкъ повернулся? Кто̀ я? Я, я кто̀? Передъ кѣмъ вы стоите? Какъ же вы смѣли это сказать?

И пошелъ! И пошелъ! И вѣдь какъ же онъ ихъ и гонялъ! У меня вчужѣ душа ушла въ пятки. Ужь и напѣлъ же онъ имъ, Господи, Боже мой! А съ нихъ потъ такъ градомъ съ двоихъ-то и катится. Вдругъ, у него будто въ горлѣ струна оборвалась. На секундочку онъ притихъ, улыбнулся и, протягивая имъ обѣ руки, сказалъ: «Ну, служба службой, а дружба дружбой; откушайте у меня, чѣмъ Богъ послалъ; раздѣлите со мной кусокъ хлѣба.» А тѣмъ, чортъ ихъ возьми, чай, не до обѣда: рады бы сквозь землю провалиться... А Ж. такъ-таки, ей Богу, и сказалъ: «алтынникъ ты; я тебя знаю! я тебя вонъ выгоню!»

Когда рѣчь зашла о крестьянахъ, Василій Иванычъ замѣтилъ, что крестьянское дѣло такъ тѣсно связано съ коренным преобразованіемъ всего, что̀ окружаетъ крестьянина, что почему бы и особенно было

радоваться, еслибъ, благодаря нынѣшнему времени, не было извѣстно о готовящихся новыхъ законодательныхъ трудахъ, о банкахъ, объ уѣздной полиціи, о гласномъ производствѣ, уже начатомъ въ словесныхъ столичныхъ судахъ и положенномъ въ основаніе судовъ волостныхъ и рѣшеній мировыхъ посредниковъ и мировыхъ съѣздовъ; объ измѣненіяхъ въ администраціи, въ паспортной системѣ, въ системѣ рекрутскихъ наборовъ, въ торговыхъ законахъ, и проч. и проч. Говоря о чиновникахъ, объ ихъ содержаніи, о слабостяхъ человѣческихъ, о вынудительныхъ обстоятельствахъ къ тому, что человѣкъ вдругъ свихнется съ прямой дороги, Василій Ивановичъ горой стоялъ за молодёжь, за новое поколѣніе, за университеты, и выставлялъ въ черныхъ краскахъ всю неисправимость такъ-называемыхъ имъ «кутейниковъ», которые, по его словамъ, укрѣпились на всѣхъ видныхъ и вліятельныхъ мѣстахъ, и въ уѣздѣ, и въ губернскихъ учрежденіяхъ, овладѣли дѣлами.

— И мужики-то подражаютъ имъ! Анаѳемы! мало, что съ своего брата, съ мужика же, послѣднюю нитку тянутъ — съ помѣщиковъ-то тоже наровятъ стянуть! Ужь теперь барскихъ полей на треть не обсѣяли! Пойдетъ этакъ же дальше—цѣлыя провинціи безъ хлѣба насидятся: хошь подвози изъ Америки! Ужь и теперь у насъ въ Тулѣ, да и въ Калугѣ тоже, солонина девять копеекъ фунтъ, вѣдь не провѣсная, а прямо изъ боченка! Ну, на что̀ это похоже: сѣно ужь тридцать копеекъ! гречневая крупа полтора цѣлковыхъ мѣрка! Слыханное ли это дѣло? А ка̀къ рабочему безъ каши прокормиться? гдѣ такія деньги ему, несчастному, добыть? Страдальцы; ей-Богу, душа по нихъ болитъ.

— Тяжело, я вамъ доложу — продолжалъ онъ—теперь съ крестьянами. Все наровятъ, чтобъ напротивъ сдѣлать. Хорошо, какъ подвернутся характерному человѣку: онъ ихъ повернетъ на свой ладъ. Вотъ у насъ всѣ, по началу, бросились-было продавать имѣнья, чтобъ съ ними ужь никакихъ дѣлъ не имѣть, потому, знаете, тѣ ужь привыкли, отъ отцовъ и дѣдовъ, безъ особыхъ хлопотъ и заботъ, доходъ получать: а ка̀къ теперь съ мужичьёмъ управишься? Къ воли-то ему попривыкнуть надо, а деньги-то господамъ нужны сію минуту. Вотъ всѣ и кинулись

продавать, кому что̀ попадется: и цѣлыми имѣньями, пока манифестъ не выходилъ, и большими угодьями. Больше все лѣса распродавали, даже за безцѣнокъ знаете, чтобъ не пришлось какъ-нибудь послѣ съ мужиками подѣлиться. Охотниковъ не занимать-было стать. Вотъ этакъ и у насъ, въ Тульской Губерніи, госпожа одна купила имѣнье за сорокъ-пять тысячъ: такъ вѣдь въ три, въ четыре года такъ ихъ довела, что любо! Чище рощенниковъ! А они, вотъ чѣмъ ей за спасибо заплатили. Нынѣшней весной высѣяла она, мужиками, овса на полтораста рублей, а какъ пришлось запахивать—такъ одинъ пришелъ пѣшъ, другой и нагъ и босъ, у третьяго лошадь еле-ноги передвигаетъ, а у четвертаго соха, что̀ шагъ сдѣлаешь, то̀ и развалится. И всѣ-то голодные! Что̀ съ этакимъ народомъ станешь дѣлать? Дали знать исправнику; тотъ ихъ стыдитъ, совѣститъ—ну, нѣтъ уйму на нихъ, да и только! Нечего дѣлать, берегли, берегли, а дали знать предводителю. Тотъ пріѣзжаетъ, а человѣкъ строгій, прямой, царю лично извѣстенъ. Глядитъ, судитъ, да чѣмъ, вы думаете, рѣшаетъ? Онъ же за бунтовщиковъ горой! Экое время настало! Что жь вы думаете? Заставили вѣдь мужиковъ накормить! А накормили — они и пошли на работу, и запахали. А то всѣ бы зерна пропали! Та бѣсится, изъ себя выходитъ, а дворянство радуется, что выбрало себѣ такого предводителя и ее же самоё винитъ. Ну, вотъ подите! И пошло все благополучно, и настала опять тишь, да гладь, да божья благодать. А начальство высшее, да и дворяне — хорошихъ-то людей больше — давно смекнули, что эти новенькіе-то скупщики покупали имѣнья, чтобъ вытянуть съ мужиковъ послѣднее и потомъ, нищихъ, снова перепродать, пока манифестъ не вышелъ. Анъ онъ, вонъ, и тутъ какъ тутъ! Все это заквакало: ай-яй, ай-яй! да нѣтъ: изволь-ка, братъ, дѣло дѣлать, давай надѣлъ, давай уставную грамоту, а что̀ твое, то̀ тебѣ и достается. Въ нашихъ краяхъ, я вамъ скажу, дворянство въ восторгѣ. Этакое дѣло! Да оно въ роды-родовъ пойдетъ! Оно ужь у Господа Бога на скрыжаляхъ суда лучезарнымъ свѣтомъ записано! Ангелы радуются и славословятъ. Лучшіе-то порѣшили покончить скорѣй дѣло переводомъ мужиковъ съ барщины на оброкъ да подавать уставныя грамоты.

— Ну, и у насъ большинство помѣщиковъ рады, сказалъ управитель. Вѣдь Москва! Нашъ-то усадьбы даритъ!

— Теперь бы скорѣе школы! учить дѣтей грамотѣ! замѣтилъ я.

— Это мужикамъ-то-съ? спросилъ Василій Иванычъ. Ну, ка̀къ же-съ! конечно скорѣй всего! А то что̀ и за мужикъ будетъ: ни романа пробѣжать, ни стишковъ прочитать, ни послѣдить за политикой? У людей есть же вѣдь все это? Ну, и намъ давай! А этимъ чертямъ только бы хлѣба натрескаться! нѣтъ; ты для своего блага политикой-то, да тамъ склоненіями да спряженіями, прежде займись! А то еще хлѣба захотѣлъ, болванъ!

— А вы полагаете, что грамота для мужика ужь роскошь?

— Не единымъ хлѣбомъ сытъ бываетъ человѣкъ! проговорилъ нашъ управитель.

— Кто ихъ станетъ неволить стишки да романы читать: слову-то божію поучились бы! Вы себѣ вообразить не можете, какія шаткія у нихъ понятія о религіи: совершенные дикари, присовокупила хозяйка.

— Язычники, совсѣмъ язычники! сказалъ управитель.

— Дѣти природы! замѣтила хозяйка. Конечно, «вѣра твоя спасетъ тя»; довольно чистой душѣ, во всемъ простосердечіи и горячо, прочитать только «помилуй мя, Господи!» и молитва ея будетъ услышана, но чистыя-то души у здѣшнихъ крестьянъ такъ завалены разною грязью, что, безъ истиннаго просвѣщенія, грязь эта только больше-и-больше наростать будетъ!

— Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, конечно, безъ просвѣщенія нельзя-съ! заговорилъ Василій Иванычъ. То̀ ли дѣло народъ образованный! Въ чужихъ краяхъ, говорятъ, баба или тамъ дѣвка, что̀ ли, какая, на работу идетъ — сама разодѣнется: какія ботинки! чулочки бѣленькіе пребѣленькіе! тальица стянута корсетикомъ чуть не въ рюмочку! на зализанной головкѣ корневая шляпка, въ одной рукѣ парасольчикъ, въ другой томикъ Шиллера. Машина тутъ ей сѣно коситъ, а къ этой же машинѣ, тутъ въ сторонкѣ, приклажены фортопьяны; устанетъ книжку читать—музыкой потѣшится!

— Къ-несчастію, до этакихъ усовершенствованій, до конечнаго облегченія физическаго труда наука еще не дошла!

— А дойдетъ-съ? насмѣшливо спросилъ Василій Иванычъ.

— Надо надѣяться, стараться достигать помаленьку...

— Мы-то какіе же безбожники и темные люди, подумаешь! Баба-то у насъ лапти носитъ, и тò на работѣ только, а то все босикомъ бѣгаетъ. Дикарь, баба, совсѣмъ дикарь! Ни юпочекъ, ни корсетиковъ и въ заводѣ нѣтъ. Есть, правда, кринолины вонъ у Гàвричихи, да у Александры Петровны, вотъ чтò рядомъ съ Ѳомичемъ избы-то: ну, да вѣдь-тò на торговомъ трактѣ, и хлѣбъ-то онѣ не тѣмъ достаютъ! А право, я, хоть бы для пробы, разодѣлъ нашихъ бабъ въ нѣмецкіе наряды, да и пустилъ бы ихъ на работу: тò-то бы, чай, проку сколько вышло! Особенно коли всѣхъ ихъ, пощучьему велѣнью, по моему прошенью, заставить накупить себѣ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ машинъ, да орудій!

— Вы полагаете, что машины для крестьянъ тоже зло?

— Ну, какъ же не благо-съ? Ну, хоть бы вотъ молотилки? У насъ, въ Тульской Губерніи, крестьяне сами дѣлаютъ молотильныя машины. Цѣны имъ, этакъ, рубликовъ сто, сто десять, сто двадцать, да за хорошій сыромятный ремень для привода, широкій, длинный, аршинъ девятнадцать, надо дать двадцать цѣлковичковъ; ну, за доставку на мѣсто надо же чтò-нибудь прикинуть. Вотъ молотилка-то и обойдется всего рублей въ полтораста. Вѣдь дѣлаютъ, и много дѣлаютъ, а вѣдь сами молотилками не работаютъ: распродаютъ все помѣщикамъ!

— А между-тѣмъ понимаютъ, что работа молотилками идетъ гораздо быстрѣй, обходится гораздо дешевле?

— Понимаютъ!

— Такъ чѣмъ же бы это объяснить?

— Да, видно, тѣмъ, что глупъ народъ, не дозрѣлъ! А вѣдь ихъ, послушать — какъ будто-бы и правы, чортъ ихъ возьми! «Что, батюшка: мнѣ двѣ десятины-то спустя рукава убрать можно, духомъ семьей вымолотимъ, а сто-то рублевъ за эту штуку платить намъ не подъ-силу. Это тому хорошо, у кого полей много, а намъ не склавши же руки сидѣть!» Ну, вотъ и подите съ ними!

— А развѣ артелями, міромъ, цѣлой деревней нельзя обзавестись машиной на общую потребу?

— Гдѣ міръ сговоритъ! И въ семействахъ-то все несогласія! А изъ чего больше выходитъ? Все больше изъ самыхъ пустяковъ! Привезъ мужикъ бабѣ своей платокъ красный съ базару, а другая хозяйка и начнетъ своего-то мужа корить, что вотъ, дескать, ты мнѣ гостинцевъ не возишь. А этотъ на брата дуется: не утянулъ ли онъ, по малости, отъ цѣны, да не обижаетъ ли семью. Можетъ продалъ по шести гривенъ, а сказываетъ по полтинѣ? вотъ на воровское-то и купилъ, дескать, женѣ платокъ. И пошли сомнѣнія, раздоры, дѣлежи! А то живутъ два брата дружно семьями. Пообзаведутся ребятишками. Вотъ иной разъ Матюхинъ Гараська и ущипнетъ, играючи, Ерёмину Марѳутку. А Марѳутка Гараську звизнетъ—оба и разревутся! Ну, матери и взбѣленятся! И пойдутъ одна другую корить да тыкать въ глаза разными грѣшками. Иной разъ и въ косы вцѣпятся, а тамъ, исподтишка, и жалуются мужьямъ другъ на дружку. Мужья молчатъ, долго ли, коротко ли. Ну ужь какъ имъ напилятъ уши-то разными сплетнями, вотъ Ерёма и начнетъ Матюхѣ пенять: —Унялъ бы ты, братъ, свою хозяйку: все-то она къ моей бабѣ лезетъ да придиреется! —«Свою-то ты укроти — твоя-то, вонъ, моего парнишку опомнясь всего исцарапала.» —Да вѣдь этто твоя начала̀. — «Почтò моя? моя тихоня, а вотъ твоя-то, злющая, все пакоститъ тутъ, да на тебѣ верхомъ ѣздитъ, а ты-то ей поддаешься: пà, молъ, матушка, поѣзди еще на мужѣ!» Слово-за-слово, пойдетъ споръ, шумъ, кутерьма, дрáка, свалка цѣлой семьей — житья и не станетъ! Одинъ конецъ — прекратить анаѳемскую жизнь, раздѣлиться братьямъ!... Э!... а вы захотѣли тутъ еще артели заводить!

— Ну, да вѣдь мірское-то дѣло не семейная ссора: они, я полагаю, пользы свои понять могутъ и ни отъ какой складчины не отступятся?

— Отъ складчины-то? Какъ отступиться, особенно коли до кабака дойдетъ дѣло! Бываютъ складчины и другаго сорта!... Такъ вотъ вы съ какой точки на этотъ народъ смотрите: статья любопытная! Да вотъ я вамъ скажу. У насъ по сосѣдству, еще задолго до манифеста, одинъ баринъ, и надо сказать не глупый, и не злой, собралъ мужичковъ и объявляетъ имъ: я вамъ, дескать, дамъ столько-то зем-

ли въ надѣлъ, да дамъ того да другаго, а вы вотъ мнѣ обяжитесь то̀ и то̀ дѣлать.

— Манифестъ, говоритъ, можетъ не скоро еще выйдетъ, такъ я васъ заранѣе желалъ бы поустроить.

— Къ-чему, ваша милость, торопиться! Ты нашъ отецъ, мы твои дѣти! Намъ и безъ того съ тобой хорошо! Не хотимъ мы и воли!

— Нельзя, братцы, этого: душа душой не владѣетъ. Царская воля такая, чтобъ вамъ дать свободу и надѣлить землею.

— Покорнѣйше благодаримъ, батюшка, за ваши за такія милости!

— Ну, такъ вотъ вы на мое предложеніе и соглашайтесь.

— Да зачѣмъ, батюшка, торопиться? Ждали жь мы не много, не мало; вотъ и еще подождемъ, до указа.

— Да, можетъ, тогда я передумаю? Я вамъ теперь даю вотъ столько земли, а какъ манифестъ-то выйдетъ, то захочу въ надѣлъ вамъ дать по «Положенію», а по «Положенію», я знаю, вамъ тогда меньше въ надѣлъ прійдется, чѣмъ сколько теперь я даю.

— Да ужь какъ бы оно тамъ, батюшка, ни выходило, а мы лишняго не хотимъ! Зачѣмъ же? Намъ что̀ царь пожалуетъ!

— Царь подпишетъ меньше.

— Зато царь! Царское, значитъ, рѣшенье! Значитъ, такой законъ!

— Такъ вотъ вы теперь и раскусите эту задачу: каковъ нашъ мужичокъ. О, хитрый народъ! Повѣрите ли, вотъ я тридцать лѣтъ правлю хозяйствами, восьмнадцать лѣтъ сижу главноуправляющимъ, и всё-таки ни разу не могъ въ толкъ себѣ взять: ка̀къ эти канальи—вѣдь, голь! оборвышъ народъ! сами хлѣбъ да воду ѣдятъ!—какимъ они манеромъ въ старые года̀ таскали этто во дворъ разные прежніе поборы, да еще при барщинѣ? Вѣдь по полусотнѣ яицъ съ семьи, да по полудюжинѣ куръ, да по столько-то грибовъ, гороху, ягодъ, полотенецъ, новинъ, та̀лекъ, а гдѣ есть—такъ и восчины, и сотовъ съ медомъ, а главное, ка̀къ они, ни уха ни рыла не зная толку въ ветчинѣ, покупали, на деньги покупали! преотличную ветчину и свинину и несли во дворъ вмѣстѣ съ домашними баранами. Въ нашихъ мѣстахъ,

барановъ давали по головѣ съ дому: такимъ-образомъ три брата изъ семьи тащили во дворъ трехъ барановъ. Но прикащикъ или, тамъ, управитель, прежде чѣмъ брать барановъ, приказывалъ ихъ свѣсить. Если который баранъ тяжеле положеннаго, принятаго въ обычай, вѣса — такъ это ничего, барана принимали, а чуть маленечко, бывало, не довѣситъ который — его назадъ, давай другаго, въ перемѣну! О, плутъ народъ! вѣдь это и теперь мнѣ задача неразрѣшимая! И что̀ это за великое дѣло, что нынче всѣ эти поборы да приносы разомъ навсегда порѣшены! Вотъ-то вздохнетъ мужичокъ, вотъ Бога-то помолитъ!

— Вотъ эта-то штука, что мужикъ прямо оправится, да что его собственникомъ сдѣлаютъ, да свобода гражданская дана, да и посредники-то другаго духа люди, да становымъ-то ручки связаны, да въ карманъ-то мужику теперь имъ мудрено заѣхать, да эта новая стать во всѣхъ распорядкахъ, да это гоненіе на разныя старыя гадости — да все-то это разомъ — вотъ у мужика-то голова и пошла кругомъ. Никакъ нельзя, чтобъ не дать ему холодненькой водицы испить: не-то совсѣмъ вскружитъ голову. Воля-то ему дѣло новое, безъ привычки-то оно куда какъ трудно, покамѣсть, то-есть, все это наладится и пойдетъ по новой механикѣ. Ну, спервоначалу-то и дурятъ! Шапокъ ломать не хотятъ! Въ разговорахъ со мной ужь и не церемонятся, а точно какъ ровня какая разсуждаютъ!

— Однако вы, какъ я вижу, и добрый человѣкъ, а вооружены сильно противъ крестьянъ: какъ будто и не рады, что ихъ свобода подписана.

— Мнѣ-то, особенно, велика радость чрезъ это! Какъ чиновниковъ всѣхъ за штатомъ оставятъ: куда эти тысячи дѣнутся? А вотъ теперь очередь пока за нами: насъ со свѣту сживаютъ.

— Это какимъ манеромъ?

— Да вѣдь теперь мужики скоро отрѣзанный ломоть? И мы, выходитъ, лишніе! Помѣщики распродаютъ свои усадьбы и лѣса...

— Кто же нибудь да ихъ покупаетъ?

— Покупаетъ тотъ, кто за своимъ глазомъ держать хозяйство хочетъ... Земли крестьянамъ отойдутъ. Остальное раздастся въ аренду

въ чужія руки. У крестьянъ свои сборщики будутъ выбраны. Зачѣмъ тогда нашъ братъ помѣщикамъ будетъ нуженъ?

— А деньги получать хоть отъ сборщика придется же?

— Придумаютъ пересылать по почтѣ.

— Отстаивать интересы землевладѣльца и вести тяжбы и хлопоты по землѣ тоже вѣдь надо же будетъ и послѣ, какъ и теперь?

— За умъ возьмутся — дружнѣе жить станутъ, да, говорятъ, и судъ будетъ скоръ и праведенъ, коли публичный будетъ.

— Сами на аренду землю себѣ возьмите: паномъ заживете.

— Капиталу нѣтъ, обзавестись нечѣмъ. Я, сглупа-то, не набивалъ кармана съ молоду, а старику воровать не приходится.

— Найдете по себѣ земельку.

— Она меня не прокормитъ. Да вѣдь впередъ ужь нельзя старыми порядками управляться. Безъ плодосмѣнной системы, да безъ травосѣянія сгибнешь!

— Заводите ихъ.

— Жизнь свою прожилъ на прадѣдовскихъ привычкахъ, науки никогда не зналъ, къ умной-то системѣ и приступиться не умѣю. А въ шестьдесятъ-то лѣтъ хотѣлось бы и на покой: помаялся, потрудился, да только не въ свою пользу. Бѣда, я вамъ скажу, совсѣмъ бѣда намъ приходитъ! Не знаешь, право, иной часъ, на которую ногу и ступить-то. И противъ крестьянъ-то грѣшно идти, да и помѣщику-то угоди, его соблюди, да весь оброкъ ему собери. Мужикъ-плутъ знаетъ, что безъ денегъ помѣщику жить нельзя, онъ и жмется. Какія ему, именемъ помѣщика, уступки ни дѣлаешь, онъ вѣдь тебѣ ни на грошъ не вѣритъ: «врешь, говоритъ, не съ доброй воли даешь, даешь по неволѣ (*); понаперетъ на тебя, еще поприкинешь!» Ну, а какъ комплотъ сдѣлаютъ, да не дадутъ ни копейки оброку?

— Да развѣ это возможная вещь?

— Э, да еще какъ возможно-то! Вѣдь они впередъ деньги взносятъ: за старое-то время ужь заплатили; теперь надо за слѣдующее полугодіе.

(*) Подобныя явленія замѣчены и въ другихъ губерніяхъ и заявлены въ № 157 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

— Да, Василій Иванычъ, нашъ-то мужикъ отъ своихъ обязанностей не отопрется!

— Ктò вамъ говоритъ, что онъ отопрется? Онъ только кавычку поставитъ, онъ вотъ этакой приказный крючекъ тутъ загнетъ! Вѣдь онъ, плутъ-мужикъ, всю въ насъ вѣру потерялъ, тàкъ это мы ихъ довели, хоть, ей-богу, я вамъ скажу, прижимокъ имъ отъ меня никакихъ не было. Извѣрились, а вотъ теперь и самихъ насъ надуютъ!

— Какую же они хитрость могутъ придумать?

— А скажутъ: «идемъ на барщину!» Да всѣ и пойдутъ на барщину.

— Что жь изъ этого?

— Чтò-о? А деньги-то на оброкъ гдѣ? Улыбнулись!

— Зато въ вашихъ рукахъ ихъ трудъ.

— А куда я его приложу?

— Барскія пашни пашите.

— Пашень-то мало, рукъ дѣвать некуда, а у иныхъ почитай-всѣ барскія поля ужь пораспроданы.

— Ну, въ лѣсъ, дрова рубить?

— Лѣса туда же пошли.

— Поднимать нови какія-нибудь.

— Хватиться нечѣмъ: навозу нѣтъ.

— Ну, въ садъ ихъ поставьте.

— Сады ухнули!

— Разводите огороды, ну, тамъ ягоды, что ли, или капусту садите...

— Копейки въ конторѣ нѣтъ: вѣдь кое-чего и закупить прійдется.

— Да вѣдь оборотный-то капиталъ у васъ есть?

— Помѣщичьи конторы у всѣхъ вѣчно въ долгу, а на улучшеніе имѣнья не смѣй и ста рублей въ годъ истратить. У насъ одни доходы, а расходныхъ статей на поля никто никогда не зналъ. Страшно, я вамъ скажу вымолвить, въ какихъ нынче мы затрудненіяхъ! Надо быть такимъ изворотливымъ умомъ, какъ напримѣръ, теперича, Наполеонъ третій, чтобъ выпутаться изъ этихъ сѣтей, которыя мы сами себѣ разставили, да такъ-таки всѣми членами и запутались! Денегъ наличныхъ нѣтъ, барщину дѣвать некуда, а имѣніе-то заложено; а на носу срокъ платежа въ опекунскій совѣтъ; а мужиковъ

обидѣть не хочется; а помѣщику-то помочь надобно — вотъ и юлишь какъ юла, совсѣмъ потеряешь голову! А мужикъ-то это ужь пронюхалъ! Только-что задумаешь маленечко этакъ подвести ему дурманцу, а онъ тебя тутъ и ловитъ. Наровишь стречка сдѣлать всторону, и тамъ его этакъ понадуть — онъ и тамъ тебя ловитъ, чортъ бы его побралъ! Довѣрія-то слѣпаго и нѣту! А вѣдь онъ все себѣ на умѣ: какъ бы отъ барина-то захватить побольше; а ты уступи ему хоть на эстолько, а онъ эвано сколько захочетъ. Вотъ и юли!

Такъ, или почти такъ, почти въ этихъ самыхъ выраженіяхъ, толковалъ вчера и сегодня Василій Иванычъ, и я полагаю, что его слова довольно характеристично обрисовываютъ всю натянутость нынѣшнихъ отношеній земледѣльцевъ къ землевладѣльцамъ. Жалѣю объ одномъ, что я никакъ не могу уловить тѣхъ тонкостей въ его отзывахъ о новомъ элементѣ нашей администраціи, о мировыхъ посредникахъ, въ которыхъ весьма-ясно высказывалась та его мысль, что теперь-то старымъ порядкамъ послѣдній насталъ конецъ и что съ мировыми посредниками начинается совершенно новая эра существованія для всего нашего сельскаго населенія.

Четвергъ, 8-го іюня.

Ну, наконецъ-то я узрѣлъ Филиппа Карпыча! «Ножъ, бестія, ножъ!» зоветъ его управитель.

Мужики, сколько я здѣсь успѣлъ замѣтить, какъ-будто бы не совсѣмъ-то долюбливаютъ Филиппа Карпыча; обступаютъ, защищаютъ его передъ управителемъ многіе, но мой знакомый мужичокъ, съ которымъ я повстрѣчался на озерѣ, недаромъ же прозвалъ мнѣ его «ножомъ на деревнѣ».

Впрочемъ, Филиппу Карпычу мѣсто впереди. Надо еще покончить съ Васильемъ Ивановичемъ. Вотъ результатъ остальной части его бесѣды.

Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ мало-мальски между обѣими сторонами издавна существовало довѣріе и добрыя отношенія, всѣ крестьяне ходили на барщину и исполняли всѣ приказанія и распоряженія, безъ напоминаній и не въ примѣръ лучше прежнихъ годовъ.

При возникающихъ недоразумѣніяхъ, многіе управители фразу «Положенія», что «вотчинная полиція остается въ рукахъ землевладѣльца» понимаютъ такъ, что при малѣйшихъ колебаніяхъ крестьянъ, имъ власти тотчасъ же пришлютъ въ подмогу казаковъ и жандармовъ. Василій Иванычъ рисовалъ забавную картину, какъ разогорчатся эти господа, если удостоятъ вспомнить, что назначеніе мировыхъ посредниковъ въ томъ и заключается, чтобъ разрѣшать возникающія между обѣими сторонами недоразумѣнія именно безъ казаковъ и жандармовъ, силою убѣжденія и непремѣнно «мирно».

Барщина доселѣ въ разныхъ мѣстахъ велась такъ, что или день твой, день мой; или три дня твои, три дня мои; или три дня работаетъ одна половина тяголъ, а три дни другая. Про злоупотребленія и уклоненія отъ этого я ужь здѣсь не говорю. Нынче — извѣстно всѣмъ—порядокъ другой установленъ, раціональный, основанный на совершенно-новыхъ, правдивыхъ началахъ. Но и на этотъ-то порядокъ та и другая сторона хотятъ наложить руку: крестьяне задумываютъ, какъ бы понадуть помѣщиковъ и хлопочутъ, по избамъ, какъ бы ввести праздники въ господскіе барщинные дни и, слѣдовательно, какъ бы ихъ спустить съ плечъ. Съ другой стороны, нѣкоторые помѣщики изъявляютъ сожалѣніе, что въ «Положеніи» введена статья о томъ, что господскіе барщинные дни нельзя, безъ согласія крестьянъ, переводить съ одной недѣли на другую.

Въ Московской, Тульской, Калужской и Рязанской Губерніяхъ, въ большинствѣ бывшихъ помѣщичьихъ имѣній, мужики о баняхъ дома понятія не имѣютъ: они парятся въ печахъ.

Въ Московской Губерніи бабы пашутъ; въ Тульской это только бываетъ въ одномъ Ефремовскомъ Уѣздѣ, гдѣ крестьяне тоже уходятъ на заработки. Бабы тамъ, точно, пашутъ, а все-таки мужики помогаютъ имъ управиться съ сохой, при разныхъ случаяхъ исправленія и поломки. Бабы жнутъ вездѣ; имъ помогаютъ и дѣвки лѣтъ 14 и 13, рѣдко моложе.

Въ Московской Губерніи передѣлы полей бывали ежегодные; на «по-

лоски» ее дѣлили міромъ; а въ Тульской этого нѣтъ: тамъ земля однажды навсегда, десятинами и полудесятинами, отводилась тягламъ и передѣловъ уже не бывало. Отъ этого, съ увеличеніемъ народонаселенія, увеличивалось и число затягольныхъ. Они-то и отправлялись въ отхожіе промыслы и отдавались въ науку по разнымъ мастерствамъ. Ихъ выручка за свой личный трудъ шла въ пользу ихъ семействъ. Вотъ эти-то именно обстоятельства, по объясненію Василья Иваныча, и были причиною того, что въ Тульской Губерніи вошли въ обычай и повсемѣстно укоренились такъ-называемые «сгоны» и всегдашняя поголовщина, ведшая годами и наконецъ, дѣйствительно, приведшая крестьянъ къ совершенному разоренію. Работа на господина опредѣлена была повсемѣстно по шести дней въ недѣлю. Но такъ-какъ этого количества во всѣ времена года дѣвать было некуда; крестьяне, хоть съ мѣшкотой, а все же убирались съ работами скорѣе, а отъ обязательнаго труда въ опредѣленные дни ихъ все-таки не снимали и отдыху никакого не давали: то вотъ и причина полнѣйшаго разврата въ крестьянской работѣ. Крестьянинъ видѣлъ, что скоро ли, тихо ли, усердно ли, или плохо онъ отбывалъ барщину— результатъ былъ все тотъ же. Онъ и дѣйствовалъ «спустя рукава», на «авось» и всегда «какъ-нибудь», въ-увѣренности, что все «сойдетъ». Достаточно назвать работу барщинскою, чтобъ ужь этимъ сказать, что она такая негодная, такъ скверна, что сквернѣе и быть уже не можетъ. Несмотря на всю лѣнь, такимъ-образомъ вкорененную и развитую въ крестьянахъ, все-таки, съ шестью днями въ недѣлю барщины, некуда было дѣваться. Вотъ управители, какъ народоправители, вмѣсто того, чтобъ дать мужику вздохнуть и на себя поработать, управиться съ своимъ хозяйствомъ хоть одинъ денёкъ, гоняли ихъ цѣлымъ сгономъ либо въ садъ, посыпать дорожки песочкомъ, либо на дорогу и во дворъ, перекладывать съ-мѣста-на-мѣсто камни или дрова, и тому подобное. Василій Иванычъ божется-клянется, что это не клевета, а дѣлалось для того, чтобъ мужика не баловать.

Отзывъ Василья Иваныча о новомъ «Положеніи» подтверждаетъ вполнѣ тѣ мысли, которыхъ я успѣлъ набраться, наводя другихъ на откровенную бесѣду объ этомъ предметѣ. Новое «Положеніе» мудро и

честно поняло и предусмотрѣло всѣ управительскія плутни и продѣлки съ крестьянами, начиная отъ сдачи въ солдаты, поголовщины и такъ далѣе до малѣйшихъ мелочей, хранившихся въ тайнѣ и подъ тяжелымъ спудомъ. Новое «Положеніе» почти во всемъ охраняетъ теперь крестьянъ на будущее время. «Положеніе» написано съ удивительнымъ знаніемъ дѣла. Оно превосходно. Оно все, повидимому, въ пользу крестьянъ: но замѣчательно и важно то, что именно оно непомѣрно, нежданно возвышаетъ и моральное положеніе, и матеріальныя выгоды, и денежные доходы помѣщиковъ, можетъ-быть съ ничтожными исключеніями, если не принимать въ разсчетъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. Стоитъ взять грифель и доску и по четыремъ первымъ правиламъ ариѳметики, даже просто по пальцамъ, доказать, что тотъ, кто говоритъ, что «Положеніе» разоряетъ дворянство, явно клевещетъ. Оброкъ, узаконяемый «Положеніемъ«, въ совокупности съ отдачею земель въ аренду, и съ собственными запашками землевладѣльца, сильно возвыситъ помѣщичьи доходы, а выкупъ надѣла разомъ дастъ имъ въ руки такую массу гарантированныхъ цѣнностей, какихъ они никогда не могли бы прежде пріобрѣсти, безъ одновременнаго и всецѣлаго отчужденія всѣхъ своихъ угодій. Въ моральномъ же отношеніи землевладѣльцевъ подниметъ, или уронитъ, та манера сношеній и отношеній, въ которыя они сами, добровольно, пожелаютъ себя поставить къ крестьянству, и то вліяніе, которое они, вслѣдствіе того, на него пріобрѣтутъ. Тяжеловато, при теперешнемъ броженіи умовъ съ той и съ другой стороны, при теперешнихъ столкновеніяхъ ихъ обоюдныхъ интересовъ, трудновато будетъ достигнуть такъ-сказать популярности въ массахъ, но безъ труда, извѣстно всякому, ничего и не дается: не посѣешь—не пожнешь!

Одно время, въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ шли оживленные разговоры о томъ, что надо бы выписать изъ-за границы, на общественный счетъ, самопрялки и разослать ихъ по деревнямъ, въ подарокъ, въ цѣляхъ распространенія между крестьянками этого полезнаго орудія, будто-бы мало у насъ въ Россіи знакомаго. Изъ нынѣшнихъ разговоровъ съ Васильемъ Иванычемъ открывается, что самопрялки очень-хорошо всѣмъ знакомы въ губерніяхъ Московской, Ря-

занской, Тульской и Калужской; что только однѣ старухи не разстаются съ завѣтными веретенами; что послѣдняя баба очень-хорошо понимаетъ, что съ самопрялкою въ одинъ вечеръ сдѣлаешь то̀, чего прежде и въ недѣлю, съ веретеномъ, дѣлать не успѣвали, и что въ Тульской Губерніи торговая цѣна на самопрялки рубль серебромъ, а дубовыя, хорошо-слаженныя, продаются рубля по полтора и по два. Кромѣ выдѣлки холстовъ про себя, полотенецъ и издѣлія панёвъ, прочія бабьи рукодѣлья здѣсь очень-рѣдки.

Ранехонько утромъ шлютъ посыльнаго въ Подольскъ. Написалъ по этому случаю письмо въ «Сѣверную Пчелу» и включилъ въ него объявленіе управителемъ крестьянамъ о безвозмездной уступкѣ помѣщикомъ въ ихъ пользу усадебъ (*) и о томъ, что̀ еще припомнилъ о барщинныхъ работахъ. Стало-быть, повторять здѣсь это — было бы напрасно.

Пятница, 9 іюня.

Вчера утромъ явились въ контору четыре мужика. Одинъ средняго роста, бѣлокурый, голубоглазый, съ широкою лысиною, съ умнымъ выраженіемъ лица, моложавый еще мужчина. Другой черный, широколицый, съ окладистою бородой, пожилой человѣкъ, съ большими карими, малоговорящими глазами. Третій еще постарше его мужичокъ, съ сильною просѣдью и съ физіономіею... ка̀къ бы сказать повѣрнѣе?.. съ богобоязненною физіономіею. Наконецъ, еще мужикъ, но такой мужикъ, о которомъ можно сказать только, что это — мужикъ въ лаптяхъ: такъ онъ былъ незамѣтенъ и стушевывался въ присутствіи троихъ своихъ товарищей. Вглядѣвшись въ него пристально, я увидѣлъ маленькое, сморчковатое лицо, лохматую бороденку, безцвѣтные глаза, безжизненный взглядъ... дырявую шапку... тулупишко нагольный (было холодно; холода доходили до + 7° Р.)... такъ-себѣ мужичонокъ, представитель какъ-будто-бы потерявшагося, собственною мыслію неживущаго «сѣраго люда». Трое остальныхъ были одѣты очень-чисто, въ хорошихъ армякахъ и кафтанахъ, въ сапогахъ, съ шляпами, похожими на гречневикъ.

(*) Напечатано въ № 136 «Сѣв. Пч.»

Который же изъ нихъ Филиппъ Карповъ? А мнѣ ужь сказали, что Филиппъ Карповъ здѣсь. Поглядѣлъ я еще на сѣраго мужика — нѣтъ, это не онъ, да и на мастерка̀, на мелкаго фабриканта, вовсе ничѣмъ не похожъ. О бѣлокуромъ парнѣ нѐчего и говорить — это не онъ. Взглянулъ я еще на чернаго брюнета попристальнѣе — видно: мужикъ изъ богачей, но глаза, взглядъ, лобъ, ухватка, черты лица — нѣтъ, это какой-то барабанъ, а не трибунъ Филиппъ Карпычъ. Не-уже-ли этотъ богобоязненный, сѣдовласый старецъ? Но онъ стоитъ такъ кротко, на шагъ сзади другихъ, руки сложивши, глаза опустивши долу, голову склонивши нѣсколько на-бокъ, что я, право, подумалъ, что, быть-можетъ, или Филиппъ Карповъ еще не успѣлъ въ контору войдти, или кого-нибудь другаго за него приняли.

— Что̀, братцы, къ управителю, что̀ ли?

— Господина главноуправляющаго желали бы мы, ваше высокоблагородіе, видѣть.

Это, пискливымъ тономъ, отвѣтилъ богобоязливый старецъ, вздохнувъ слегка и быстро, какъ-то бочкомъ, кинувъ въ меня взглядъ.

— Посидите маленько; онъ сейчасъ выйдетъ.

— Ка̀къ это, ваше высокоблагородіе, возможно намъ посидѣть? мы и такъ постоять можемъ, отвѣчалъ плаксиво онъ же, опять вздохнувъ, но уже не взглянувъ на меня.

— Ну, это ваша воля, какъ хотите. А что̀, братцы, вѣрно вы пришли на-счетъ субботы потолковать?

— То-есть ка̀къ это на-счетъ субботы, смѣю спросить?

— Да вѣдь послѣ-завтра большой сходъ: властей станутъ выбирать... а тамъ, послѣ, волости учредятъ, и ужь вы тогда сами-собою управляться въ своихъ дѣлахъ станете. Экое счастье вамъ Богъ послалъ! Ни одинъ еще царь на землѣ не дѣлалъ такого великаго дѣла, какое нашъ государь теперь устроилъ.

— Оно, таперича, точно, ваше высокоблагородіе, Государь Императоръ великія намъ милости изліять изволилъ.

— Такъ вотъ, братцы, коли вы понимаете, что это милости великія, такъ вамъ надо умѣть ихъ и цѣнить.

— Слушаемъ, ваше высокоблагородіе.

— Вѣдь вы скоро полноправные граждане будете.

— То-есть ка̀къ же это, ваше высокоблагородіе-съ?

— А такъ, что, напримѣръ, какъ всѣ порядки, указанные «Положеніемъ», исполнятся, такъ между вотъ тобой, напримѣръ, и мною никакой разницы ужь и не будетъ.

— Слушаемъ-съ.

— Вотъ, видишь, ты крестьянинъ, а я не крестьянинъ, я теперь выше тебя стою.

— Слушаемъ-съ.

— А отчего я выше тебя стою? Оттого, что я грамотѣ обученъ, а узнавши грамоту, узналъ всякую науку, а науку-то знавши, мнѣ полная воля: и землю пахать, только было бы на что̀ купить ее, и идти въ солдаты, коль охота есть, и торгомъ заняться, коли съумѣю вести это дѣло, и въ подряды вступать, коли случится — ни въ чемъ мнѣ нѣту запрету. А и тебѣ тоже можно будетъ, а все-таки ты меня выше себя поставишь.

— Слушаемъ-съ.

— Я могу купить тысячу десятинъ, и ты можешь купить тысячу— стало, опять все единственно? Меня безъ суда нельзя за какое ни есть дѣло казнить, а теперь и тебя безъ суда никто пальцемъ не смѣетъ тронуть. Мы опять выходимъ равны, а все-таки ты самъ пониже меня сядешь.

— Слушаемъ-съ.

— Такъ стало-быть вся-то разница межъ мужикомъ и бариномъ въ чемъ должна выходить? Не въ платьѣ — платье покупное дѣло; не въ богатствѣ, потому-что иной мужикъ, самъ ты знаешь, богаче бываетъ иного барина; въ чемъ же тутъ штука?

— Слушаемъ-съ! проговорилъ богобоязливый старецъ, опять вздохнувъ и на мгновеніе приподнявъ на меня глаза, а потомъ покосивъ

ими на другихъ товарищей, упорно хранившихъ молчаніе. Я видѣлъ, что дѣло мое проиграно; нечего дѣлать — надо было кончить.

— Вся штука и выходитъ въ ученіи, въ наукѣ. Давно сказано: ученье свѣтъ, а неученье тьма. Такъ вотъ, братцы, можно, стало-быть, быть и богатымъ человѣкомъ, да дурнымъ мужикомъ, дурнымъ бариномъ, дурнымъ купцомъ, дурнымъ солдатомъ: а отъ всякаго дурна спасаетъ человѣка святое евангеліе, которое вамъ учить надобно пристальнѣе, да добрыя ученія; нужна, стало-быть, наука.

— Слушаемъ-съ, ваше высокоблагородіе.

— А ни того, ни другаго вы не достигнете безъ грамоты, а грамотѣ надо учить не пяхъ-ногой, а толково, чтобъ человѣкъ каждую рѣчь понималъ, зачѣмъ она сказана, куда она гнетъ и на что̀ она метитъ.

— Слушаемъ-съ, ваше высокоблагородіе.

— Такъ вотъ, ребятушки, о школахъ-то вы задумывайте. Заводите вы школы, учителей добрыхъ подъискивайте. Нѣтъ надобности, чтобъ онъ непремѣнно городской баринъ былъ, да всякую науку произошелъ, а вы изъ своей братьи подъищите толковитаго, да кроткаго, не драчливаго человѣка, чтобъ умѣлъ какъ съ ребенкомъ обойтись, да втолковать ему умное слово, чтобъ смыслъ въ немъ и понятливость не хирѣли. Вѣдь ребенокъ, что̀ барскій, что̀ крестьянскій—все тотъ же цвѣточикъ? Одинъ, конечно, словно полевая фіалка, или тамъ хоть ландышъ, положимъ, а другой, ка̀къ бы сказать, розанъ махровый; а вѣдь и передъ Богомъ и передъ людьми все это единственно.

— Слушаемъ-съ, ваше высокоблагородіе.

— Да что̀ слушаемъ! Вы-то меня слушаете, да я-то бы васъ хотѣлъ послушать: вы что̀ скажете?

— Слушаемъ-съ, ваше высокоблагородіе.

Самолюбіе мое сильно было уязвлено. Недовѣріе самое полное было явно. Тратить слова дальше было не для-чего. Я коротенько познакомилъ ихъ съ учрежденіемъ комитета грамотности и далъ имъ его адресъ. Дальнѣйшій разговоръ, къ моему удовольствію, былъ прерванъ появленіемъ управителя.

— А! Филиппъ Карповъ! наконецъ ты и ко мнѣ явился? сказалъ управитель, повидимому, не глядя ни на кого, а всѣмъ одинаково поклонившись.

— По вашему повелѣнью, батюшка-сударь: сами приказывать изволили, чтобъ съ деревень по-двое приходило, отвѣтилъ старикъ, угостившій меня своимъ «слушаю-съ».

— По-двое выборныхъ!

— Такъ точно-съ, батюшка-сударь, отъ міру присланъ.

При этихъ двухъ отвѣтахъ, въ движеніяхъ Филиппа Карпыча сказались какъ-будто кошечьи ухватки, а въ тонѣ голоса слышалось что̀-то несовсѣмъ ладное. Филиппъ Карповъ не глядѣлъ въ глаза тому, съ кѣмъ разговаривалъ, а это примѣта прескверная; да и кромѣ того, въ его движеніяхъ, въ тонѣ рѣчей, чувствовалось что̀-то такое, что̀ наводило на сомнѣніе, нѣтъ ли чего между нимъ и управителемъ. Вчера за ужиномъ управитель къ слову проговорился, что дѣйствительно, лѣтъ десять назадъ, Филиппъ Карповъ попался въ какой-то гадости. Чтобъ не заводить исторіи и поберечь человѣка, управитель потаскалъ его собственноручно, слегка и безъ свидѣтелей. А вина была не маленькая. Мужикъ выждалъ самого землевладѣльца, явился къ нему и принесъ жалобу. Помѣщикъ потребовалъ управителя къ отвѣту. Тотъ объяснилъ, въ чемъ дѣло; Филиппъ Карповъ не отперся, а помѣщикъ, разобравъ случай и оправдавъ управителя, наказалъ Филиппа Карпыча.

Подошли крестьяне и изъ другихъ деревень. Контора наполнилась немножко; всего было человѣкъ восемь. Филиппъ Карповъ занялъ второй планъ, и тутъ произошла сцена объявленія объ уступкѣ усадебъ, о чемъ ужь писано въ «Пчелу».

Изъ трехъ остальныхъ крестьянъ, вошедшихъ въ контору вмѣстѣ съ Филиппомъ Карпычемъ, черный, широколицый, дѣйствительно оказался барабаномъ; управитель описалъ мнѣ его зажиточнымъ, но глуповатымъ человѣкомъ, откликающимся на общественные вопросы только тогда, и то глухо, когда ужь его раззадорятъ, и то такъ откликающимся, какъ его захотятъ другіе направить. Мужикъ въ лаптяхъ былъ просто телятина, вовсе ничѣмъ и никогда не обратившій на себя ничьего вниманія. Румяный и лысый блондинъ Ѳеодоръ былъ, какъ видно, человѣкъ любознательный и любимъ обѣими сторонами.

Когда у управителя съ крестьянами пошелъ разговоръ, что съ петрова дня хорошо бы всю вотчину перевесть на новое положенье, то на сцену выступилъ опять вопросъ о ругѣ. Рѣшили, что нужно попамъ возвратить тѣ именно земли, которыя приписаны къ церквамъ еще по планамъ генеральнаго межеванія, а денежныя выдачи по тягламъ не за требы, а за землю, уничтожить.

— А часть ихъ земли, вѣдь, сударь, подъ нашей пашней была, заговорилъ одинъ мужичокъ.

— Ну, что̀ жь, что была? А теперь не будетъ! отвѣтилъ управитель.

— Такъ намъ-то за нее пойдетъ, что ль, что̀ въ прирѣзъ?

— Да я вамъ, тамъ, въ лѣву руку, что̀ теперь къ дорожкѣ пошло, пожалуй прирѣжу. Надо та̀къ, чтобъ ваши земли въ одной общей межѣ были. А коли случится хоть бы и лѣску прирѣзать, такъ я вамъ и за него не постою!

— Намъ бы, кажется, было бы получше, кабы въ праву-то руку взять.

— Да куда въ праву руку?

— Коли лѣскомъ обидѣть не захотите, такъ вотъ бы туда, къ лѣсочку, что̀ на пригорочкѣ.

— Эка ты чего захотѣлъ! Вѣдь то̀ барское.

— Да и все оно, батюшка, барское.

— Да вѣдь тутъ господскіе луга; а вамъ землю на пашню дать хотятъ. Вишь у тебя руки-то длинны! Ужь не отдать ли тебѣ и этотъ лужокъ, что̀ вонъ передъ конторой?

— Да вѣдь оно, все это мѣсто, батюшка-сударь, недавно наша же пашня была! кротко и плаксиво ввернулъ словцо Филиппъ Карпычъ.

— Ты на чужое не зарься, Филиппъ! Говори, да одумавшись.

— Конечно, батюшка-сударь, истинно оно такъ, что этакое великое дѣло одумавшись надо сказать, оченно надо одумавшись! А вѣдь мы-то, отецъ ты нашъ родной, сами знаете-съ, мы народъ сѣрый, на-

родъ неабнаковенный, мы вотъ, поди, въ двѣсти-то лѣтъ совсѣмъ думать да разсуждать отучились. Вы за насъ, батюшка, думали! А какъ самимъ-то намъ пришлось таперича думать да гадать, вотъ мы, сглупа-то, и чудимъ; не ладно и выходитъ! Оттого рознь да несогласье и живутъ. Уладится, сударь, все уладится, все пойдетъ съизнова! Жизть-то, вишь, нынѣ, какой и не бывывало! А пригорочекъ съ лѣсочкомъ куда-бъ какъ міру надо!

— Ну, что ты мнѣ лясы да балясы точишь? Міру надо, міру! Вѣдь ты изъ Мачихиной? а развѣ пригорокъ можетъ отойти къ Мачихиной? Пятнадцать верстъ! Коли бывать ему за кѣмъ, такъ развѣ за Бутырками, а нѣтъ такъ за Шубиной. Коли кому надо—бери въ аренду.

— Арендателямъ какъ не найдтись? Міру надо — возьмутъ арендатели; а въ вѣчность-то все-бъ оно лучше.

— И въ вѣчность можно. Сговоритесь въ цѣнѣ и купите. А вотъ постой, пригорокъ-то прежде обмѣрять нужно.

— Я бы обмѣрялъ-съ, да вонъ не справиться мнѣ съ «хвостами»-то-съ, ввязался въ разговоръ голубоглазый лысунъ Ѳедоръ.

— Съ какими хвостами?

— А вотъ-что углы-то на плантѣ выходятъ. А гдѣ коли есть какія «продолжительности», то-есть этакъ прямо, да и этакъ прямо, безъ хвостовъ-съ, такъ это мы обмѣрять смекнемъ-съ, да и на плантъ положимъ. Вотъ-съ у меня, въ кармашкѣ, намечены планты нашей деревнѣ.

Ѳедоръ вынулъ изъ кафтана чистенькую, незасаленную бумагу и развернулъ предъ управителемъ свое рукодѣлье.

— Дà, это такъ, это почти-вѣрно, замѣтилъ управитель, вглядѣвшись въ чертежъ: — только вотъ тебѣ не-въ-домёкъ пришло, что за пригоркомъ-то вправо лѣсокъ-то этотъ выклинился... видишь, вотъ взгляни сюда... видишь, какой уголъ? градусовъ тридцать будетъ, продолжалъ онъ, развернувъ предъ Ѳедоромъ генеральный планъ какой-то деревни.

— Этого, вотъ, что градузы-то, этого вотъ мы и не смекаемъ-съ.

— А хочешь узнать? Дѣло не мудреное.

— Не мудреное-то, можетъ, не мудреное-съ, да для тѣхъ, кто эв-

такое дѣло знаетъ; можетъ оно по астролябіи и тàкъ, а съ астролябію намъ обращенія не случалось имѣть. Вотъ, гдѣ «продолжительности»-то этакія, какъ таперича сказать, вдоль и поперегъ прямой махъ, линія прямая—это-то я съумѣю, а какъ выйдетъ «хвостъ», такъ прикидываешь-прикидываешь листочкомъ-то — и не угадаешь!

— Да ты какъ это прикидываешь?

— А вотъ таперича, извольте видѣть-съ... Вѣдь по первоначалу-то было бòязно, все это подъ тишòкъ мы дѣлали; ну, а какъ потомъ пообдумали, такъ гадаемъ такъ: отчего бы, дескать, и вашей милости про это не сказать? то-есть, что мы дачи-то всѣ по-своему обмѣриваемъ, то-есть знаете-съ, чтобъ этакъ міру какого сумлѣвательства не было-съ.

— Это дѣло хорошее. Хочешь, я тебя и по астролябіи высчитывать выучу? Добрая воля да охота есть? Приходи, милости просимъ. Да вотъ я послѣ Троицы обмѣръ самъ вездѣ буду дѣлать. Нужно же кому цѣпь тащить да вѣшки ставить? Васъ я потребую человѣкъ этакъ съ пять, а ты, и тамъ кто еще хочетъ, за мной слѣдомъ ходите—я вамъ все какъ есть и растолкую, кàкъ и чтò... Такъ кàкъ же ты безъ цѣпи и безъ астролябіи-то размѣръ дѣлалъ?

— А вотъ, позвольте-съ, признательно вамъ сказать, какъ просто «продолжительность» прійдется, то-есть, примѣромъ, полоса ль чья-или барскій двойникъ, только чтобъ безъ хвостовъ, значитъ, не клиномъ: вотъ я, таперича, въ одну руку пройду, да шаги отсчитаю, шаги ровные, мѣрянные, махъ, значитъ, одинъ порѣшу—я этакъ его чертой, по разсчету, на бумажкѣ карандашикомъ и проведу. Хоть примѣрно вышло сто шаговъ, стало, что двадцать-пять саженъ: я это въ двадцать-пять саженъ черту и выведу, а ужь у меня положенье-то есть, какую черточку за саженъ считать.

— Это значитъ мàштабъ.

— Не знаю-съ, по нашему выходитъ счетная черта. Вотъ такъ я и въ другой махъ пройду. Такъ мы, таперича, примѣрились, что остальные два маха хоть не обходи, а просто своди черты рамкой.

— Да ты говоришь про четыреугольники, про параллелограмы?

— Не знаю-съ; по нашему такъ, то-есть, сказать продолженство-съ:

полоса-то долгая-съ, я это и полагаю «продолжительность». А вотъ какъ съ которой стороны хвостъ вышелъ, я къ нему со стороны этакъ и приглядываюсь: прицѣлюся этакъ бумажкой, да и загибаю ее-съ... на сколько тамъ оно подходяще будетъ, какъ-бы въ-ровень съ-угодьемъ.

— Ну, братъ, эту штуку я тебя простѣй дѣлать научу! Время беречь надо, а для этого ты, коль хочешь, у меня поучись.

— Много вашей милости благодарны за это станемъ! Вѣдь это, таперича, съ помѣщикомъ раздѣлишься, а вѣдь послѣ-то намъ землей надо будетъ другъ отъ друга отрѣзаться, семьей отъ семьи, чтобъ каждый былъ самъ у себя хозяиномъ.

Это вотъ ужь другой образчикъ—прежде я слыхалъ про какого-то Архипку—образчикъ того, какъ крестьяне торопятся на лету нахвататься насущныхъ для нихъ знаній. Вѣрно, много есть и другихъ примѣровъ. Выводы отсюда важные.

Я не утерпѣлъ, завязалъ съ Ѳедоромъ разговоръ про астролябію, далъ ему понятіе о магнитной стрѣлкѣ. Другіе тоже стали слушать. Меня поразило, что никто изъ нихъ не зналъ названій ни сѣвера, ни юга, а востокъ и западъ и знали, да перемѣшивали. Прихватилъ кое-что объ электричествѣ, о грозѣ, о телеграфахъ, о свѣтѣ. Нѣкоторые впились глазами и слушали разиня рты, даромъ-что стояли на солнышкѣ. На лицахъ другихъ написано было полное недовѣріе, но они слушали; изрѣдка ухмылялись; «вотъ-то морочитъ народъ!», непремѣнно думали они, и одинъ по одному расходились въ путь. Сегодня, впрочемъ, это не первая попытка. А вещь возможная по зимамъ читать въ деревняхъ публичныя лекціи. Эта статья требуетъ обсужденія.

Нѣтъ, миссіонеровъ, миссіонеровъ сюда надо. Я на своемъ вѣку довольно поѣздилъ по Россіи. Ангара, Саянскія Горы, вершины и устья Тобола, почти весь Уралъ, вся Волга и Кама — вотъ границы края, къ которому я имѣлъ случай по-своему присмотрѣться. Но что

за дичь, какой низкій уровень гражданскаго, человѣческаго развитія я здѣсь встрѣчаю — едва ли и повѣрить можно. А топографическія условія самыя счастливыя: подъ-носомъ Москва, по бокамъ два важные торговые тракта. Я не смѣлъ думать, чтобъ этакая запущенность во всемъ возможна была гдѣ-нибудь, кромѣ развѣ тундръ и лѣсовъ остяцкихъ.

Цѣль сегодняшней прогулки была та, чтобъ попасть, въ сосѣдней деревнѣ, на подготовительную сходку, подготовительную для завтрашнихъ выборовъ, но не попалъ туда. Видѣлся съ однимъ священникомъ изъ сосѣдняго села; разговорился о томъ, о семъ; пустился-было толковать о школахъ... куда! Надежды съ этой стороны совершенно оказываются неумѣстными, таковъ субъектецъ попался! Не въ счастливый часъ вышелъ я, видно, изъ дому. Или, просто, потому-что я, дѣйствительно, «непрактическій человѣкъ», въ чемъ и каюсь смиренно, только все дѣло дрянь выходитъ.

Отецъ-священникъ преназидательно втолковалъ мнѣ, что здѣсь не говорится проповѣдей, не читается поученій и наставленій и не объясняется смыслъ и духъ «Положенія» 19 февраля, оттого, что по воскресеньямъ въ Москвѣ базаръ: мужикамъ въ церковь ходить некогда; охоты, будто-бы, къ тому у нихъ мало; коли и ходятъ, и церковь полна бываетъ, такъ только бабами да ребятами.

Сокративъ время свиданія съ этой особой, натолкнулся я въ прогулкѣ на мужиковъ, разговаривавшихъ о чемъ-то съ бурмистромъ. Изъ бесѣды этой тотъ результатъ, что сегодня въ каждой деревнѣ уже состоялись выборы. Завтра предъ посредникомъ будетъ только проформа: объявятся рѣшительные результаты сегодняшнихъ рѣшеній. Слуховъ про Филиппа Карпыча не собралъ: онъ изъ дальней деревни. Мужики сказывали, впрочемъ, что онъ шибко лисилъ будто-бы передъ однодеревенцами, угощалъ ихъ, дешевилъ для нихъ товаръ и заявлялъ желаніе быть старостой. Какъ ни чтутъ его многіе, а многимъ онъ не любъ: какъ бы его не провели!

Очень-прискорбно, что понятія у мужиковъ страшно извращены. Сами мужики какъ-будто и дѣло толкуютъ, что теперь хозяева бѣдные, неисправные, или, какъ ихъ называютъ здѣшніе крестьяне,

«измигýльники», часто и пустоголовые, и дурные въ душѣ люди метятъ себя въ общественныя должности, «хоша бы въ добросовѣстные», полагая, что пустѣе и ничтожнѣе этой должности и быть ничего не можетъ. Конечно, это скверно; но возмутительнѣе всего тò, тò прискорбно и больно, что и на эти-то, повидимому неважныя, но въ существѣ весьма-почетныя должности, они, не краснѣя, не стыдясь, громко вотъ-какъ разсчитываютъ: «исправные ужь понажились прежде; давай-ка и намъ пора, при новыхъ-то порядкахъ, понажиться да поуправиться! Съ міру по ниткѣ—голому рубаха!» Хороши же понятія о новыхъ порядкахъ!

Разумѣется, это вовлекло насъ въ дальнѣйшіе разговоры. Послѣ разныхъ толковъ, одинъ изъ мужиковъ, прямо и дерзко сказалъ мнѣ:

— Эхъ, батюшка, ваша милость, есть у насъ пѣсенка «Уговаривалъ Ваня Дуняшу»... ну, тамъ и дальше этакое разное. Такъ та, батюшка, пѣсня, даромъ чтò того... а пѣсня умная. Въ ней вотъ что поется:

Когда серьги пронимаютъ,
Завсегда больно бываетъ:
А оботрется, обомнется —
Все по старому пойдетъ!

— Такъ-то оно, батюшка, и это: все пойдетъ по старому! вѣрьте слову! Вы, батюшка, оглядитесь — гдѣ этакую машинищу съ мѣста сдвинуть?

Такихъ пессимистовъ ничѣмъ не урезонишь!

Убѣдился я сегодня, что вчера, въ письмѣ въ Петербургъ, попалъ я въ сильный просакъ, сказавъ, основываясь на словахъ управителя и Василья Иваныча, будто-бы нынче образованные помѣщики и нѣкоторые управляющіе не высылаютъ уже на работы беременныхъ бабъ. Я пересолилъ, потому-что не такъ понялъ дѣло. Люди—всегда и вездѣ люди. Дѣйствительно, время дѣлаетъ свое (эту фразу я здѣсь слышалъ даже отъ мужиковъ—обстоятельство, чрезвычайно-важное и презамѣчательное): и точно, образованные, съ добрымъ сердцемъ хозяева никогда не выгоняли на работу бабъ «на послѣднихъ сносахъ». Сегодня мужики напомнили мнѣ то, чтò я и самъ зналъ, да не разсчелъ, потому, вѣрно, что я человѣкъ холостой; они мнѣ объяснили, что лѣтомъ, повсюдно, больше половины бабъ «не просты» ходятъ. По крестьянскимъ убѣжденіямъ, бѣды большой нѣтъ, если только-что обеременѣвшая баба тяжелую работу станетъ править. «Ну, вотъ напослѣдяхъ, какъ къ-концу дѣло, да денька три послѣ родовъ, бабу, пожалуй-что и пожалѣть можно:—отчего ей не дать вздохнуть?» прибавилъ одинъ отецъ семейства въ заключеніе, въ видѣ нѣкоторой уступки.

— Да вѣдь жена, голубчикъ, не лошадь: надо же съ ней по-человѣчески?

— Эхъ баринъ-баринъ! по вашему-то оно, можетъ, и такъ, а по нашему, по крестьянскому, оно и не приходится. Не лошадь! да какъ-можно лошадь! И сравненья нѣтъ! Баба свалится, такъ ты только корми ее; ну, а какъ лошадка, батюшка, заболѣетъ — такъ тутъ вся семья безъ хлѣба проголодаетъ — вонъ оно чтò! А то, выдумалъ, бабу примѣнить!

Знакомя сегодняшнихъ моихъ собесѣдниковъ съ комитетомъ грамотности и именемъ комитета обнадеживая ихъ сообразными съ обстоятельствами обѣщаніями и поддержкой, я разговорился объ евангеліи и о великой милости правительства, пустившаго нынѣ экземпляры его по доступной, кажется, для послѣдняго бѣдняка цѣнѣ.

— Если будетъ надо, если вы въ скорости устроите школу, мы вамъ на первый разъ пятьдесятъ евангелій сюда пришлемъ, сказалъ я бурмистру.

— Да куда намъ, батюшка, съ ними дѣваться?

— Какъ куда? по семьямъ роздать, гдѣ есть грамотники.

— Что жь они съ нимъ станутъ дѣлать?

— Читать станутъ.

— Да вѣдь его въ церкви батька читаетъ?

— Тò въ церкви, а тутъ можно всякій день дома читать понемногу.

— Не поймешь! грустно замѣтилъ бурмистръ.

— Какъ не поймешь? гражданской печати книга, простымъ языкомъ, понятно написана.

— А развѣ не такая, что̀ въ церкви, у батьки? этакая большущая?

— Нѣтъ, та же самая, только въ маломъ видѣ. Ты видалъ, когда попъ съ молебномъ ходитъ да воду святитъ?—вѣдь у него евангеліе поменьше?

— Оно поменьше.

— А вѣдь то же евангеліе?

— Вѣстимо, что то же.

— Ну, вотъ и это то же! Царь приказалъ и святѣйшій синодъ издалъ, бѣдному человѣку въ облегченье, евангеліе гражданской печати, на разговорномъ языкѣ, а не на мудреномъ церковномъ, чтобъ каждый недорого тратился души во спасенье, сердцу въ утѣшенье.

— И всякій можетъ достать?

— Конечно, всякій. Вѣдь это божье слово—всякому надо. Для того-то и продаютъ его чуть не даромъ — за двугривенный.

— Что̀ ты, что̀ ты, полно, окстись! Богъ съ-тобой съ этакимъ евангеліемъ! И бурмистръ замахалъ руками. Другіе молча прислушивались.

— Что̀ это тебя такъ пугаетъ? Святѣйшій синодъ благословилъ!

— Нѣтъ, намъ эвтакихъ не надо.

— Развѣ ты въ него не увѣруешь?

— Да кто его знаетъ ка̀къ ему вѣрить? Вѣстимо, что вѣрить не станемъ; да и читать не станемъ; да и въ руки-то не возьмемъ... А большая то же книга? спросилъ онъ, немного подумавъ.

— Да вѣдь я ужь тебѣ сказалъ: въ маломъ видѣ.

— Поди ты, баринъ, Богъ съ-тобой! Нѣтъ, ужь ты не трудись; не надо намъ... Еще какъ бы такая, что̀ въ церкви: тамъ и образъ есть.

Всѣ мои доводы и убѣжденія пошли на вѣтеръ. И это еще бурмистръ! Но иныхъ мои слова, видимо, сильно заняли. Слава-Богу, если я успѣлъ вселить въ нихъ хоть даже только лучъ надежды, что и гражданское евангеліе — то же слово божіе.

Мысль закинута: она пойдетъ!

Одинъ изъ собесѣдниковъ, не знаю его по имени, новое лицо, какъ и остальные, очень умную мысль высказалъ, что хорошо бы и пользительно было, еслибъ апостола и евангеліе, да и часы-то въ

церкви читали явственно, «какъ мы говоримъ.» Для мужика, и въ ровень съ дикостію бурмистра, эта мысль замѣчательна.

Такъ-какъ до сегодня все было тихо, о принудительныхъ мѣрахъ и въ помипѣ ни у кого не было и, повидимому, отношенія конторы къ міру самыя благопріятныя, то въ послѣдніе дни управитель, чтобъ сдѣлать удовольствіе крестьянамъ и выяснить имъ права ихъ на земельный надѣлъ, роздалъ имъ листочки, сколько на какую деревню приходится отрѣзать земли. Одну такую роспись я попросилъ у него и для себя.

Въ здѣшней вотчинѣ въ послѣднее время всей земли было тысячъ шестнадцать десятинъ. Изъ этого общаго итога господину Кокореву продано лѣсу десять съ половиною тысячъ десятинъ, да помѣщику Лопухину, подъ фермой Андреяновкой, сто ли, двѣсти ли десятинъ, узнать я не могъ, потому-что разсказали мнѣ про это посторонния лица; управитель же отъ нѣкоторыхъ разговоровъ видимо уклонялся и потому нѣкоторые вопросы остались для меня неразъясненными.

Названіе селъ и деревень.	Число душъ.	Всей земли.	Въ надѣлъ надо.	Остается помѣщичьей и церковной.
		Десятины.		
с. Вороново.	79			
д. Косовка.	94			
д. Семенкова (*).	63			
д. Львова (**).	44			
	280	$1,441\frac{1}{2}$	910	$531\frac{1}{2}$
с. Свитино.	54			
д. Юрьевка.	64			
д. Троица.	58			
д. Логинова.	34			
	210	$1,142\frac{1}{2}$	$682\frac{1}{2}$	460

(*) Деревню Семенкову крестьяне зовутъ Веневкой, такъ-какъ жители ея переселены изъ Веневскаго Уѣзда.

(**) Львова—барское названіе; ея крестьянское и старинное имя Крутой-Врагъ.

Названіе селъ и деревень.	Число душъ.	Всей земли.	Въ надѣлъ надо.	Остается помѣщичьей и церковной.
		Десятины.		
д. Старосвитина.	45			
д. Шубина.	42			
д. Бутырки.	21			
	108	$552\frac{1}{2}$	351	$201\frac{1}{2}$
д. Зенаевка.	61	$322\frac{1}{2}$	$198\frac{1}{4}$	$124\frac{1}{4}$
с. Могутово.	88			
д. Красные-Пруды.	9			
д. Савелкова.	27			
д. Мачихина.	155			
	279	1,677	$906\frac{3}{4}$	$770\frac{1}{4}$
Итогъ	938	5,136	$3,048\frac{1}{2}$	$2,087\frac{1}{2}$

Жаль, не высчитано сколько земли подъ дорогами, подъ озерами, сколько подъ теперешними, какими именно и чьими запашками и лугами... Что касается до земли подъ крестьянскими усадьбами, то, и по образцу Аверьяна Ѳомича, и по разсказамъ управителя, здѣсь надо положить по полдесятинѣ на тягло; всего, стало быть, десятинъ двѣсти: они въ надѣлъ включаются; не должны входить въ него только неудобныя земли.

Суббота, 10 іюня.

Десятый часъ на исходѣ, а посредника нѣтъ. Сію минуту мы только-что объ этомъ говорили. Народу собралось множество; иные прибыли сюда еще къ ночи; съ ранней зари все было на ногахъ.

Сегодня суббота—рабочій день, завтра воскресенье—день отдыха. Но для здѣшняго мѣста, суббота—мало того, что рабочій день: это день торга въ Подольскѣ, а воскресенье не день отдыха, а горячій

базаръ въ Москвѣ. Чтобъ поспѣть туда и сюда, мужику надо съ пятницы исключительно подготовляться къ этой поѣздкѣ съ товаромъ на торги, а Подольскъ и Москва даютъ мужику чистаго барыша рубля два на тягло: свезетъ на своей телегѣ лѣску—вотъ и деньги. На этой недѣлѣ эти двое сутокъ для крестьянъ—пропащіе дни, а если посредникъ сегодня не будетъ, а отложитъ до другаго раза — такъ надо вдвое будетъ считать потрату. Мало того. Идя сюда, кто по близости, а многіе и издалека, иные верстъ изъ-за пятнадцати, мужички пообтопались да прохарчились бѣдно-бѣдно по полтинѣ на брата; кто и поголодалъ, кто лишнее пообносился: на мірское дѣло идти—нельзя кое-какъ одѣться; надо чистенько явиться: вѣдь цѣлый «міръ», вся волость будетъ, будетъ и начальство; надо завѣтный кафтанъ напялить, шапочку поновѣе захватить, сапоги посвѣтлѣе смазать. А водка-то? тоже лишцій шкаликъ пропустить необходимо, чтобъ смѣлѣй говорить. Вѣдь, можетъ, рѣчи держать придется! Мнѣ разсказывали про одного дроворуба-оратора: у него только и заботы, чтобы какъ-нибудь показистѣе да поцвѣтистѣе выразиться. А сегодня міру набралось здѣсь больше четырехсотъ человѣкъ. Въ тысячѣ душахъ одной здѣшней вотчины четыреста хозяевъ, да пришли мужики и изъ чужихъ деревень, которыя тоже войдутъ въ составъ здѣшней волости. Положимъ, не всѣ хозяева явились, а все-таки здѣсь что-то очень людно. Для меня зрѣлище непривычное, да и управитель говоритъ, что ему никогда не доводилось видѣть такого людпаго схода. Это еще впервые.

Я только-что покончилъ маленькую рекогносцировку. Кое-что и изъ оконъ видно, но тамъ, въ сторонкѣ, сцены и шушуканья интереснѣе.

Погода прелестная. Солнышко свѣтитъ радостно. Передъ окнами, въ небольшомъ отдаленіи, около просѣки, въ тѣневой сторонѣ, виднѣются нѣсколько крестьянскихъ группъ. Иныя представляютъ кружокъ людей, стоя разговаривающихъ. Рядомъ другая куча мужиковъ: они всѣ до одного лежатъ на брюхѣ и, кажется, спятъ, соскучившись ждать. Тутъ, около рощицы, пять человѣкъ спинами прислонились къ дереву и, вынувъ изъ-за пазухи хлѣбушка, закусываютъ. Возлѣ нихъ

цѣлая дюжина моложавыхъ парней, полулежа, прислушиваются къ рѣчамъ пожилаго оратора. По лужайкѣ, почти подъ самыми окнами, три рослые мужика, заломивъ шапки, обнявшись и, кажется, маленечко выпивши, разгуливаютъ взадъ и впередъ, вовсе не думая, что эта лужайка холенная, завѣтная, что по ней управитель даже любимымъ своимъ собачкамъ, Лисичкѣ и Борчуку, бѣгать запрещаетъ. Лужайка обрыта кругомъ канавкой; трава здѣсь такая блестящая, изумрудная— и эти три увальня такъ безсовѣстно сапожищами своими ее вытаптываютъ!

Когда я вышелъ изъ дому, эти три мужика пріостановились и посмотрѣли на меня.

— Какой такой? громко и непріязненно спросилъ одинъ другаго, кивнувъ на меня бородой.

— Стало, по землемѣрской части.

Когда пришлось проходить чрезъ просѣку, мужики кто лѣниво, кто бодро приподнимались съ мѣстъ и почти всѣ кланялись, снявъ шапки и охотно отвѣчая на мои поклоны. Вышедши на зады, я увидѣлъ новыя массы мужиковъ и новыя разнородныя группы, раскинувшіяся тамъ и сямъ на довольно далекомъ разстояніи. Народу много, очень много. Всматриваясь въ физіономіи, полагая найдти знакомыхъ и перекинуть съ ними слова два-три, я не могъ не замѣтить какой-то сдержанности, озабоченности, даже, пожалуй, суровости, написанной на лицахъ многихъ крестьянъ. Невдалекѣ какая-то фигура шмыгала то къ одной группѣ, то къ другой. Нѣкоторые, при приближеніи этой фигуры, привскакивали и озабоченно вслушивались въ ея рѣчи. Ба, да это Филиппъ Карпычъ! Я къ нему. Заслышавъ мои шаги и увидѣвъ меня, Филиппъ Карпычъ шмыгнулъ къ третьей группѣ и, какъ ни въ чемъ не бывало, подсѣлъ къ сѣдому какъ лунь старику.

— Охъ, Филипушка, Филипушка! ой, ты мнѣ парней-то не подмывай; дай ты, Филипушка, времю пройдти! убѣждающимъ тономъ говорилъ старикъ въ ту минуту, какъ я здѣсь проходилъ...

Суматоха передъ окномъ. Мужики всѣ съ мѣстъ приподнимаются. Звонъ колокольчика. Ѣдетъ! Ѣдетъ! Бьетъ одиннадцать часовъ.

Еще припишу. Вошелъ торопливо управитель:

— А вы пишете-съ?... Посредникъ ѣдетъ. До ужова отложили бы-съ!

И онъ скорыми шагами пошелъ на крыльцо встрѣчать должностную особу.

Мы только-что разошлись послѣ ужина. За столомъ почти никто ничего не ѣлъ: всѣ были заняты событіями дня.

Я мысленно перебираю въ памяти всѣ сцены, которыми сопровождались болѣе или менѣе громкіе, болѣе или менѣе горячіе и пылкіе давишніе колебанія и переговоры, и внутренно радуюсь, что сегодняшній кризисъ окончился такъ мирно, безъ всякихъ потрясеній, безъ употребленія въ дѣло матеріальной силы, принудительныхъ мѣръ. Дѣло кончилось совершенно-мирно, хотя и нельзя сказать, чтобъ въ совершенной тишинѣ: сотни голосовъ говорили; они горланили, но горланили, въ большей части случаевъ, обстаивая свое, родное, и опираясь на свою логику, хотя, конечно, при этомъ обстаиваньи, волею или неволею, впадали въ крайности, въ ошибки, или, нѣтъ, не такъ, въ недоразумѣнія, которыя, рано или поздно, и сами они въ толкъ возьмутъ, когда попристальнѣе обдумаютъ дѣло, и когда обстоятельнѣе выяснятся имъ, при дальнѣйшемъ развитіи, нѣкоторыя теперешнія неясности «Положенія». Вся суть, вся важность дѣла, его направленія— въ посредникѣ. Но управитель былъ, кажется, не того мнѣнія.

— Ну, что̀, сударь, скажете? каковы мужички наши, а? А вы еще ихъ защищаете!

— Вѣдь все кончилось мирно?

— А Филипка-то, бестія, каковъ? Что̀, не бунтовщикъ онъ, скажете?

— Да вы мнѣ растолкуйте, что̀ вы зовете бунтомъ? А прежде всего скажите мнѣ поправдѣ: еслибъ вы были крестьяниномъ и крѣпостнымъ человѣкомъ, да до васъ бы коснулось дѣло освобожденія, не стали ли бы вы тоже обстаивать мірское дѣло?

— Еслибъ такъ обстаивалъ, какъ Филипка, я былъ бы бунтовщикъ, по той причинѣ, что Филипка не право обстаивалъ. Этотъ каналья забралъ себѣ въ голову...

Но, чѣмъ повторять эти слова, разскажу лучше, что̀ и какъ сегодня происходило.

Мировой посредникъ пріѣхалъ въ село усталый, вдоволь ужь дома наработавшись. Не теряя ни минуты времени, онъ вышелъ на лужайку и собралъ около себя весь народъ. Густая толпа, человѣкъ болѣе четырехсотъ, обступила его кругомъ; лишь узенькій проулочекъ образовался между ними по направленію къ крылечку, ведшему въ контору, откуда вынесли на открытый воздухъ письменный приборъ, столъ и нѣсколько стульевъ.

Утро было превосходное. Солнышко сіяло какъ-то особенно живительно. Но черезъ нѣсколько времени начали то съ той, то съ другой стороны надвигаться тучки.

Посредникъ началъ толки съ мужиками и держалъ въ рукахъ экземпляръ «Положенія». Словъ его ко мнѣ въ комнату было не слышно; виднѣлась только его военная фуражка съ чорнымъ бархатнымъ околышемъ и съ красною выпушкой. «А, артиллерія?» подумалъ я: «это рекомендація хорошая! Вѣрно не подъячій, не сутяга, не врагъ своихъ русскихъ братій!»

Я тоже вышелъ на лужайку. Письмоводитель посредника, молодой человѣкъ съ приличными пріемами, сидѣлъ за столомъ и готовился къ дѣлу. Я сѣлъ на стулъ въ сторонѣ. Управитель, недавно полновластный хозяинъ тысячи душъ, садиться не рѣшился — вещь замѣчательная! Надо вникнуть поглубже въ значеніе этого факта и еще въ то̀, что онъ не рѣшался посредника называть по имени и по отчеству, а постоянно титуловалъ его «ваше высокоблагородіе»; точно такъ же никто изъ этихъ господъ никогда не смѣлъ звать и исправника и другихъ сильныхъ міра сего иначе какъ по титулу. Только становые составляютъ исключеніе: эти всегда съ управителями на дружеской ногѣ. И такъ эта система самоуниженія и пресмыкательства впилась въ нравы, что въѣлась во всѣ слои общества. И даже въ этомъ самомъ селѣ, здѣшній врачъ, Сергѣй Васильевичъ, тоже не осмѣливается протянуть и управителю, и мнѣ руки! А не осмѣливается потому, что ему, какъ дворовому человѣку, не было отъ сильныхъ міра сего иначе

имени, какъ просто «Серёжка!» и только, быть-можетъ, въ добрыя минуты взывали къ нему, прежде присвиснувъ: «эй, Сергѣй»!

Я помѣстился на лужайкѣ такъ, что посредникъ, толкуя о чемъ-то съ крестьянами очень серьёзно, стоялъ ко мнѣ спиною. Я прислушался къ его рѣчамъ и, признаюсь, искренно полюбовался и порадовался той честной гуманной манерѣ, толковитости, и тому бойкому, вразумительному языку, какимъ онъ, читая текстъ, объяснялъ, съ неподражаемымъ терпѣніемъ, крестьянамъ значеніе и права̀ міра, значеніе и обязанности тѣхъ лицъ, которыхъ они должны были сегодня выбрать на мірскія должности. Дай Богъ, чтобъ такъ же эти вещи растолковывались и всюду, какъ это здѣсь было, по-крайней-мѣрѣ сегодня.

Прошло довольно времени, пока посредникъ, передвинувшись съ мѣста, замѣтилъ мое присутствіе. Мы обмѣнялись поклонами. Немного погодя, улучивъ случай, я подошелъ къ нему, и мы познакомились.

— Надѣюсь, здѣсь нѣтъ канцелярской тайны? спросилъ я его прежде всего.

— Слава Богу, наконецъ-то она у насъ выводится! отвѣтилъ онъ.— Да притомъ же «мірская» сходка! больше четырехсотъ однихъ домохозяевъ!

Предварительное объясненіе и разъясненіе правъ и обязанностей продолжалось довольно долго. Наконецъ посредникъ пригласилъ міръ выбрать сначала въ каждой деревнѣ старосту, его помощника, или кандидата, выборныхъ и добросовѣстныхъ. Другихъ властей на этотъ разъ не выбирали. Это будетъ послѣ, при учрежденіи волости: тогда выберутъ и старшину, и судей.

Такъ-какъ задолго до моего пріѣзда, въ иныхъ волостяхъ крестьяне посмѣняли уже назначенныхъ конторою бурмистровъ и старостъ или десятскихъ по селеніямъ; въ томъ же имѣніи, гдѣ я теперь, бурмистръ выбранъ тоже новый самимъ управителемъ, по согласію съ крестьянами, да и десятскіе по деревнямъ поставлены точно тѣмъ же порядкомъ, то посредникъ, въ предотвращеніе недоразумѣній, предоставилъ міру, на полную его волю: или выбрать новыхъ въ каждой деревнѣ старостъ, или утвердить въ нихъ старостами тѣхъ крестьянъ,

которые недавно назначены управителемъ съ согласія міра и которые названы десятскими (Въ здѣшней вотчинѣ два старосты, или помощника бурмистра. По ходу дѣла, они имѣютъ значеніе только для управителя и до учрежденія волости).

Начались выборы, или, лучше сказать, заявленіе посреднику именъ тѣхъ крестьянъ, которые уже заранѣе были выбраны селеніями на предварительныхъ сходахъ. Оказалось, что изъ двадцати-пяти селеній, почти вездѣ крестьяне утвердили старостами назначенныхъ конторою десятскихъ.

Въ промежутокъ этихъ выборовъ я замѣтилъ, что мой знакомецъ Филиппъ Карповъ подмигнулъ какому-то молодому парню, который, какъ послѣ оказалось, прозывался Архипомъ Терентьевымъ, или, по кличкѣ управителя, Архипка; это—самоучка землемѣръ. Архипъ, уловивъ взглядъ Филиппа, юркнулъ въ сторону и собралъ около себя, у амбарнаго навѣса, небольшую толпу мужиковъ. Я случился тутъ же близко и слышалъ весь ихъ разговоръ.

— Что жь это, православные, вы тутъ путаете? спросилъ ихъ Архипъ.

— А чѣмъ, парень, такое? возразилъ крестьянинъ съ козлиною бородкой.

— Да какъ же? Вѣдь омомнясь рѣчь была, да и міромъ на томъ рѣшили, чтобъ старостой у васъ Филиппа Карпыча?

— Ну, рѣшили.

— А теперь же что? старыхъ десятскихъ оставляете! Не ладно, православные, вы дѣлаете! За свое—стой! Пожалуй еще, міръ отшлепаетъ, али пеню наложитъ.

— Не отшлепаетъ!... Вы, ужо, молчите, православные, заговорила козлиная бородка, обращаясь къ товарищамъ, которые, видимо, хотѣли-было поддержать предложеніе Архипа. — Помолчите, православные, шуму чтобъ не было: вотъ мы вдвоемъ съ нимъ столкуемся!. За что отшлепасть? снова обратился онъ къ Архипу, подступивъ къ нему грудь грудью.

— Отъ міру отстаете, вотъ и отшлепаетъ!

— Не отшлепаетъ, я те говорю! Горло-то пялить намъ теперь

нечего. Любъ ли, не любъ ли Филиппъ Карпычъ православнымъ въ старосты, а какъ всѣ шышнадцать деревень закрѣпили прежнихъ десятскихъ, такъ, стало, тому и быть. Неровенъ часъ: пожалуй, еще ославишься!

— Такъ вѣдь вы этакъ Филиппа Карпыча изобидите. Оченно ужъ онъ надёженъ, что православнымъ въ угоду будетъ.

— И будетъ въ угоду!

— Да и міру не однимъ ведромъ поклонится! Православнымъ-то угощеніе, кажись, было.

— Было-то было, да вѣдь вишь, голова: шышнатцать селъ десятскихъ оставили!

— Таперича Филиппъ Карпычъ на завтра, на троицу, православнымъ бы почесть сдѣлалъ! не пожалѣлъ бы! мошну-то бы порастрясъ!

— Да понимаешь, пусть погодитъ только до осени: хлѣбъ уберемъ —и долой старыхъ десятскихъ; предоставимъ Филиппу Карпычу.

— Эхъ, чтобы-те, право!... проговорилъ мужичокъ изъ толпы и махнулъ рукой: — ну, пускай его завтра ведро выставитъ: мы его въ добросовѣстные!

— Да чего тутъ въ добросовѣстные? Вотъ коли бъ въ старосты...

— Ты еще потолкуй: мало, что ли, чести? Пойдемъ, ребята; Филиппъ Филиппомъ, а свое дѣло, знай, дѣлай!

Толпа разошлась. Видно, Филиппъ Карпычъ любъ былъ не всѣмъ: недаромъ мужичокъ на озерѣ сказалъ мнѣ про него, что это—«ножъ на деревнѣ». А впрочемъ и то, можетъ-быть, что мужикъ тотъ былъ себѣ на умѣ и, зная, что я гощу у управителя, старался подслужиться на этомъ пунктѣ.

Выборы продолжались. По лицу управителя я видѣлъ, что онъ нѣкоторыми назначеніями не очень-то доволенъ. Я вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

— Да вѣдь кого выбираютъ, бараны они этакіе! Вотъ хоть бы Антипка: вѣдь это пьянюшка! Фроловъ Андрей — глупъ что сивый меринъ! Стенка — кровный воръ! Тихонъ Ивановъ — выжига и взяточникъ: міръ обворуетъ! А эти бестіи, Сенька да Мишка Баскаковы, про нихъ ужь и говорить нечего!

— Такъ вы протестуйте.

— Богъ съ ними: сами очнутся—сгонютъ; другихъ выберутъ. Время впереди.

Волненіе въ толпѣ заставило меня ближе подойдти къ посреднику.

— Нѣтъ, я батюшка, ваша милость, не могу-съ! говорилъ въ эту минуту посреднику молодцоватый, видный собою и рослый крестьянинъ, чистенько одѣтый, выступивъ изъ толпы впередъ на нѣсколько шаговъ.

— Тебя ужь записали! отвѣчалъ посредникъ.

— Мало что записали, ваша милость: а мнѣ старостой не сидѣть.

— Нельзя; міръ велитъ.

— Пущай велитъ. Спасибо на чести, а я не могу-съ!

— Да ты не имѣешь права отказываться, коли міръ выбираетъ.

— Православные, не ладно дѣлаете! заговорилъ въ волненіи крестьянинъ, обращаясь къ толпѣ.

— Ты не долженъ ослушиваться міра, говорилъ посредникъ.

Толпа загудѣла.

— Помилуйте, ваша милость, ваше сіятельство, хоша міръ меня и уважилъ, да я-то этого не стою. Ненадеженъ я, вотъ что.

Мужикъ говорилъ, и самъ блѣднѣлъ и трясся.

— Чѣмъ ты ненадеженъ?

— А ужь такъ! Есть этакое колѣнцо... стыдъ сказать.

— Ты говори толкомъ. Здѣсь міръ. Объяви законную причину.

— Временемъ зашибаю, вотъ что. Шибко зашибаю! Куда мнѣ старостой!

Высокій мужикъ закрылъ лицо руками.

— А что? есть это за нимъ, водится? спросилъ посредникъ избирателей.

— Есть, батюшка, тотъ грѣхъ; что говорить! Этакое горе! а мужикъ-то какой! заговорила толпа въ одинъ голосъ.

Посредникъ началъ дѣлать міру замѣчаніе, что если кто ненадеженъ, то не слѣдовало имъ и выбирать такого...

Вдругъ прыснулъ дождь нежданно, окатилъ все сборище и заставилъ всѣхъ искать спасенья, гдѣ только возможно. Сцена перемѣнилась. Небо все было обложено тучами. Письменный приборъ перенесли въ сѣнцы, на крылечко. Подъ дождемъ мокли только избиратели тѣхъ деревень, которыя еще не покончили дѣла. Остальные, и кончившіе, и ожидающіе своей очереди, размѣстились, точно галки стаями, кто вдоль строеній, подъ навѣсами кровель, кто подъ густыми деревьями, а кто и просто накинулъ на голову армякъ и весь въ него завернулся.

Прекратить свои занятія посредникъ не рѣшался; въ комнату не шелъ; отъ хлѣба-соли отказывался и увѣрялъ, что онъ не можетъ жертвовать ни минутой: такъ много дѣла и теперь, и вчера, и намедни, и всякій день снова возникаетъ. Холодъ и дождь загнали меня въ комнату, и я преспокойно пообѣдалъ.

Новое волненіе вызвало меня на крылечко. Я говорю «волненіе», хотя мнѣ самому совѣстно, что перо мое написало это слово. Вышло вотъ какого рода недоразумѣніе, которое интересовало многихъ крестьянъ и которое, слѣдовательно, требовало и обсужденія, и разговоровъ. Каковъ же долженъ быть и гулъ и шумъ отъ разговоровъ, когда разомъ заговорятъ четыреста человѣкъ? Съ непривычки и со стороны, оно, дѣйствительно, покажется иному, съ извѣстными взглядами человѣку, «волненіемъ», «криками», «бунтомъ». Дѣлаю эту замѣтку вотъ почему. Я прилежно всякій день записываю почти все, что слышу и вижу, и считаю интереснымъ. Не можетъ же быть, чтобъ эти замѣтки, дѣлаемыя на мѣстѣ, не имѣли своей доли важности. Я серьёзно задумываю всѣ эти сгоряча, безъ малѣйшей подготовки, вылившіяся строки, тиснуть потомъ въ одномъ изъ нашихъ большихъ журналовъ. Настоящая замѣтка необходима для читателя, въ благосклонности котораго я болѣе всего нуждаюсь. Быть-можетъ, я, въ-самомъ-дѣлѣ, гдѣ-нибудь, по опрометчивости, опишусь и какъ-нибудь невзначай опять поставлю слово «волненіе» или «бунтъ», или что-нибудь въ этомъ родѣ. Но, сколько я теперь успѣлъ къ здѣшнему народу приглядѣться, слова эти вовсе къ нему нейдутъ. Русскій человѣкъ смиренъ и кротокъ, умѣй только разсказывать ему дѣло толково, не поступай съ нимъ безсовѣстно и не обманывай его. Говори ему, какъ онъ самъ выражается, «правду, по-божески», говори хоть

горькую правду, но правду—онъ только почешетъ въ затылкѣ, но передъ силой обстоятельствъ преклонится кротко и со смиренiемъ, если увѣрусть, что такъ должно быть «по правдѣ по божеской и по закону.»

При выборѣ двоихъ выборныхъ одной деревни сосѣдняго помѣщика, крестьяне сегодня назвали посреднику два имени своихъ избранныхъ. У помѣщика этого есть другая деревенька рядомъ; сюда выборными мiръ назначилъ тѣхъ же двухъ мужиковъ.

— Да кàкъ же это? одни и тѣ же люди? спросилъ посредникъ.

— Одни и тѣ же, батюшка, отвѣтили избиратели.

— Нельзя этого: надобно другихъ!

— Да кàкъ же, батюшка, нельзя? отчего нельзя?

— Да оттого, что такъ законъ велитъ.

— Да вѣдь, батюшка, оба селенья одного помѣщика?

— Выборныхъ надо изъ каждой по два.

— Да вѣдь имъ, батюшка, дѣла не Богъ знаетъ сколько; можно, чай, и на двѣ деревни тѣхъ же выборныхъ.

— Нельзя, голубчикъ, этого: пойми ты меня! Да и самъ же ты говоришь, что имъ дѣла будетъ немного? Отчего жь не выбрать какъ слѣдуетъ? Жалованья вамъ за то, стало, имъ не платить, да и имъ легче будетъ нести мiрское дѣло.

— Да вѣдь, батюшка, ваша милость, деревеньки наши маленькiя, рядкòмъ стоятъ, полуверсты межь ними не будетъ...

Конечно, такое недоразумѣнiе было крестьянамъ извинительно; всякому хотѣлось допытаться, «отчего бы это такъ?» Посредникъ дружески растолковывалъ имъ основательность и букву параграфа «Положенiя»; крестьяне почтительно выясняли свой взглядъ на это; но здѣсь столько было шуму и гаму, но шуму и гаму дружескаго, мирнаго, вѣжливаго, отчасти забавнаго немножко, но все-таки шуму и гаму, какого мнѣ никогда не случалось и вѣрно не случится слышать и на майскомъ парадѣ, гдѣ собирается, говорятъ, сорокъ тысячъ войска, но въ строю и подъ ружьемъ. На парадѣ, въ ожиданiи команды, услышишь, пожалуй, какъ мухи летаютъ; но требовать того же, при общихъ разговорахъ, отъ толпы болѣе чѣмъ въ четыреста человѣкъ,

конечно, будетъ смѣшно. Поставьте же здѣсь, вмѣсто того посредника, какой сегодня былъ, другаго человѣка, съ извѣстнымъ взглядомъ на вещи, съ извѣстнымъ направленiемъ: да онъ бы кашу заварилъ, катавасiю надѣлалъ бы! Умный и честный человѣкъ умно и честно растолковалъ нехитрымъ крестьянскимъ умамъ, для чего все, и какъ, и почему что̀ дѣлается, и всѣ убѣдились въ необходимости выбора «выборныхъ» отдѣльно отъ каждой деревни, и обѣ стороны остались совершенно собою довольны. Вотъ такихъ-то посредниковъ нужно бы и вездѣ!

Въ одномъ изъ шестнадцати селенiй здѣшней вотчины, крестьяне, въ числѣ добросовѣстныхъ, поименовали посреднику какого-то Ивана Николаева. Иванъ Николаевъ выступилъ впередъ. Мужикъ рослый, брюнетъ, но физiономiя преплутовская. Въ это время управитель, должно-быть, ужь не вытерпѣвъ, что̀-то подшепнулъ посреднику.

— А? такъ этотъ? спросилъ посредникъ, должно-быть ужь знакомый съ фактомъ, который сообщенъ ему теперь управителемъ.

— Онъ самый точно, ваше высокоблагородiе! отвѣтилъ управитель.

— Такъ вы, братцы, выбираете Ивана Николаева? спросилъ посредникъ у его избирателей.

— Точно, батюшка, Ивана Николаева да Никанора Зубова выбрали.

— И стòитъ Иванъ Николаевъ этой почести?

— Мiръ облюбилъ, батюшка.

— Да стòитъ онъ, я спрашиваю, этой почести?

— Стòитъ, батюшка, стòитъ. Истинно, что стòитъ!

— Поймите вы то̀, что вѣдь это добросовѣстный, что это долженъ быть человѣкъ съ доброю совѣстью, честный, примѣрнаго поведенiя?

— Какъ же, батюшка, какъ намъ этого не понять. Знаемъ мы, понимаемъ это.

— А что̀ жь это, я про кого-то, тамъ, слышалъ какiя-то гадости? Иванъ Николаевъ немножко встрепенулся.

— Ключи, тамъ, какiе-то фальшивые... продолжалъ посредникъ, обращаясь къ избирателямъ: — въ амбаръ кто-то залѣзъ...

— Ничего этого не было, ваше высокоблагородiе! рѣзко проговорилъ Иванъ Николаевъ.

— Не было, батюшка, ничего! ничего такого не знаемъ! заголосили мужики.

— Я и не говорю, братцы, чтобъ это именно было! Ну, коли ничего дурнаго не было, такъ и слава-Богу!

— Весь міръ про меня спросить извольте! снова заговорилъ Иванъ Николаевъ.

— Вѣдь ничего, братцы, за Иваномъ Николаевымъ дурнаго нѣтъ?

— Ничего нѣтъ за нимъ дурнаго! Ничего нѣтъ! заговорили нѣкоторые, но не всѣ.

— И замковъ фальшивымъ ключомъ онъ не отпиралъ? и мірскаго хлѣба не кралъ?

— Въ насёрдку, ваше высокоблагородіе!... закричалъ Иванъ Николаевъ. — Ничего этого не было!

— Не было! не было! заголосили, и громко заголосили нѣсколько мужичковъ.

— Евсей Петровъ, грѣшно! не замай! Дѣло наружу! проговорилъ приземистый старикашка, останавливая крикуновъ. — Я те говорилъ: не ладно будетъ? вотъ не ладно и вышло! Экой срамъ-то какой, ты говори! заключилъ онъ, ударивъ руками о бедра и закачавъ головой.

Все присмирѣло и смолкло. Иванъ Николаевъ и блѣднѣлъ, и краснѣлъ, въ перемежку.

— Ну, такъ какъ вы, братцы, на счетъ Ивана-то Николаева?

— Что̀, батюшка, виноваты! заговорилъ тотъ же старикъ.—Былъ съ нимъ тотъ грѣхъ, да и не разъ. Быть бы ему теперь гдѣ вонъ? Далече, чай, какъ бы вотъ да не господинъ главно-нашъ-управляющій! не пожалѣлъ бы онъ жены да дѣтей Иванкиныхъ-то!

— Такъ что̀ жь вы всѣ молчите? Было съ нимъ это?

— Виноваты, батюшка, ваше сіятельство, ваше благородіе, было оно, точно-что было!

— Можетъ онъ быть добросовѣстнымъ?

— Нѣтъ, батюшка; куда ему въ этакое дѣло!

— Такъ какъ же это вы не постыдились такимъ выборомъ, на первыхъ еще порахъ, себя марать? Смотрите, стыдитесь, ка̀znитесь, да чтобъ впередъ у васъ этакого сраму не было!

Выбрали другаго. Иванъ Николаевъ, красный какъ ракъ, тихо отошелъ на зады, но послѣ опять явился на видное мѣсто и хоть съ позбитой спѣсью, но фигюрировалъ-таки наряду съ немногими другими и оралъ громче прочихъ.

— Вотъ на ведерко-то винца и напрасно, Иванушка, раскошеливался! замѣтилъ-было ему какой-то сѣдой-пресѣдой старичокъ.

— Эхъ, дѣдко, не замай! Еще бъ кабы одно ведро, а то... да эхъ! ну ихъ!...

Долго еще длились выборы, но наконецъ они кончились. Стали составлять письменные мірскіе приговоры. Юный письмоводитель съ конторщиками ихъ уже подготовили. Пошли прочеты ихъ и прикладыванья рукъ. И это все благополучно кончилось.

— Ну, братцы, заговорилъ посредникъ:—завтра мнѣ такое же дѣло въ Васютинѣ; будутъ выборы для другой половины здѣшней волости. А тамъ вамъ работать надо; нѣтъ ли у васъ до меня какого дѣла?

— Есть, батюшка! Есть!... Есть!... Батюшка, не оставьте! заслышались вопли въ разныхъ концахъ.

— Ну, вотъ и будемте толковать. Только дайте мнѣ немножко очнуться. Я бы чаю теперь выпилъ; горло пересохло! Я только четверть часа отдохну.

— Поди, родимый, вздохни! Умаялся, голубчикъ, шутка ли! Испей чайку-то, въ-самомъ-дѣлѣ! привѣтливо сказали ему самые старые старики, сидѣвшіе на нижней ступенькѣ крылечка.

Было около половины пятаго пополудни.

Пока ставили самоваръ и приготовляли чай, я перекинулся съ посредникомъ нѣсколькими словами. Результатъ бесѣды нашей тотъ, что и посредникъ всю силу мирнаго и благополучнаго разрѣшенія дѣлъ видитъ и признаетъ только въ личности самихъ посредниковъ и членовъ губернскихъ присутствій. «Положеніе», какъ и всякое дѣло рукъ человѣческихъ, конечно, не вполнѣ совершенно и можетъ возродить множество недоразумѣній при приложеніи его къ дѣлу. Но сила вещей, могучая сила, которая все великое дѣло можетъ направить такъ или иначе, вся заключается въ лицахъ, образующихъ мировой съѣздъ и его верхнюю инстанцію; только взгляды этихъ людей, ихъ точка

воззрѣнія на предметы, только они и могутъ дать такой или иной исходъ теченію обстоятельствъ.

Я вспоминаю при этомъ про нѣкоторыхъ становыхъ, про нѣкоторыхъ исправниковъ, и про нѣкоторыхъ членовъ губернскихъ правленій, про людей, которыхъ я рѣшительно и въ глаза не знаю, но о которыхъ вдоволь наслушался въ послѣднее время и въ Петербургѣ, и въ дорогѣ, и здѣсь. Эти люди давно поняли, что учрежденіе волостей будетъ событіемъ, которое послужитъ раздѣльной чертой прежнихъ, и извѣстныхъ всѣмъ, отношеній землевладѣльцевъ къ крестьянамъ отъ новыхъ порядковъ. Но каковы-то будутъ эти новые порядки не въ далекомъ будущемъ, а въ ближайшій къ намъ періодъ времени? Вотъ вопросъ. При добросовѣстности и гуманности, при честности и безусловной правдивости посредниковъ, можно и должно бы ожидать всего лучшаго. Но выше-названные мною представители нашей бюрократіи заранѣе ужъ пугаютъ народъ, то-есть, не пугаютъ народъ, а похваляются, говорятъ, передъ другими сословіями завязать съ освобождаемымъ крестьянствомъ не совсѣмъ-то мирныя отношенія.

— Постой вы, мошенники! поговариваютъ, будто-бы, они въ интимныхъ разговорахъ съ людьми, къ которымъ надѣются приложить пословицу: рыбакъ-рыбака видитъ издалека. — Постой вы, мошенники! Бражничайте, важничайте, поднимайте носъ-то выше! Вотъ ужо волости-то учредятъ, нашихъ рукъ тогда не минуете! Мы вамъ волю-то покажемъ! Будете у насъ кулакомъ-то слезы вытирать, да ужь поздно! не воротишь! Узнàете насъ! Постой!

А становые и кой-какіе иные господа, дѣйствительно, разогорчены дарованіемъ крестьянамъ свободы и, главное, тѣмъ, что у нихъ-то, у этихъ господъ, связаны теперь крылышки самовластно раздѣлываться съ мужикомъ по собственному усмотрѣнію и по стачкѣ съ управителями.

Разговорившись поэтому о становыхъ, посредникъ, между прочими анекдотами, передалъ мнѣ одинъ фактъ такого рода, что гдѣ-то становой приставъ, начавшій царскую службу въ ободранныхъ штанишкахъ, въ засаленномъ фрачишкѣ, безъ шинелишки, и въ сапогахъ,

сильно просившихъ каши, недавно выдалъ замужъ дочь и далъ за нею пятнадцать тысячъ цѣлковенькихъ въ приданое. Посредникъ прибавилъ, что, при извѣстной обстановкѣ жизни, явленіе это вовсе не выходитъ изъ обыкновеннаго порядка вещей. А чтобъ пятнадцать тысячъ дать за дочерью, надо прежде порядочный кушъ отложить на черный день, и ужь лѣтъ десять успѣть прожить въ свое удовольствіе, а это составитъ, вѣроятно, не дважды, а трижды или четырежды пятнадцать тысячъ: надо же ихъ нажить? и какъ нажить? и чѣмъ еще нажить? и съ кого нажить?!

Посредникъ разсказалъ мнѣ, что года два тому назадъ, на выборахъ, онъ сдѣлалъ дворянству предложеніе: положить приличную ежегодную премію становымъ и исправникамъ въ томъ случаѣ, когда служебное ихъ поведеніе будетъ одобрено общественнымъ мнѣніемъ всего уѣзднаго дворянства. Въ этихъ цѣляхъ, предлагалъ онъ учредить ежегодный сборъ съ помѣщичьихъ имѣній по нѣскольку копеекъ съ десятины и капиталъ, такимъ-образомъ собранный, раздавать, по истеченіи года, тѣмъ становымъ и исправникамъ, противъ которыхъ никому и никакихъ извѣстнаго рода жалобъ приносимо не было. Въ собраніи этомъ участвовали двадцать-четыре человѣка, что̀ называется цвѣтъ мѣстнаго уѣзднаго дворянства. Предложеніе вотировано и принято большинствомъ девятнадцати противу пятерыхъ. Но на оратора возложили, предварительно окончательнаго рѣшенія дѣла, собрать справки о количествѣ усадебъ, удобныхъ земель, мѣрѣ вознагражденія чиновниковъ и нормѣ сбора съ земли.

Нынѣшній здѣшній посредникъ ѣздилъ, хлопоталъ, трудился, работалъ, собиралъ статистическія данныя, выводилъ результаты и успѣлъ во̀время предложить господамъ-дворянству, что, по его выводамъ, ежегодная почетная премія исправника будетъ составлять 2,400 руб., а праздничная прибавка къ жалкому жалованью становыхъ будетъ по 1,200 рублей въ годъ; сборъ же съ десятины будетъ вотъ такой-то, по копейкѣ ли, или по копейкѣ съ дробью, я запамятовалъ. Дворянство единодушно и съ восторгомъ одобрило предложеніе; но когда пошли собирать голоса, то бѣлыхъ шаровъ насчитали только шесть, а остальные восьмнадцать—все черняки! Это совершенно въ нашемъ

духѣ: разумѣется, не всюду, а оно какъ-то идетъ по матушкѣ Россіи извѣстными полосами: видно, земля такова, господине!

Письмоводителя посредникова я снабдилъ руководствами г. Студитскаго и далъ понятіе о комитетѣ грамотности. Письмоводитель, молодой человѣкъ, учился гдѣ-то въ гимназіи, служилъ чѣмъ-то при губернскомъ кадетскомъ корпусѣ, недолго потерся въ палатѣ имуществъ и, повидимому, не успѣлъ еще упиться всѣми палатскими радостями и наслажденіями и пропитаться извѣстнымъ духомъ. Въ немъ видно горячее желаніе принести крестьянству пользу и нести на себѣ бремя учительства.

Еще разсказалъ мнѣ посредникъ анекдотъ:

При одномъ недавнемъ случаѣ бесѣды его съ мужиками, по поводу какого-то разбирательства ихъ съ конторою, одинъ крестьянинъ-депутатъ, рисуя невыгодность положенія своихъ однодеревенцевъ и разные крючки и грошевыя, но безпрестанныя и недостойныя прижимки и притязанія какого-то управителя, приказчика, или бурмистра, не помню, выразился такъ:

— Что̀, батюшка, житья вовсе нѣтъ! Ждемъ мы въ радости мирно волю свою получить, а тутъ насъ, словно какъ нарочно, раззадориваютъ! Да вѣдь и жмутъ: тутъ крючокъ, тамъ закорючка, а тутъ на̀голо ужъ у насъ наше же отнимаютъ! Мы, батюшка, міромъ рѣшили: отстаивать мірское дѣло—хоть голову клади! Семья, дѣти, животы, домъ — все гибни, все пропадай, а за мірское дѣло—стой! Гдѣ одинъ голову за мірское дѣло сложитъ, тамъ и другой ложись, клади свою голову!

— Это, братецъ, ты честно такъ разсуждаешь! отвѣтилъ ему на это посредникъ. — Такъ и надо мірское, да земское, да государское дѣло обстаивать!

— Костьми ляжемъ, батюшка! Го̀ловы сложимъ!

— Дѣльно, братецъ, дѣльно. Такъ и надо! Только смотри, чтобъ тебѣ за голову-то да чѣмъ другимъ не пришлось поплатиться, если неправое будешь отстаивать!

Крестьянина словно холодной водой всего обдало. Онъ призадумался, почесалъ въ затылкѣ, почесалъ поясницу, почесалъ брюхо и бока и промолвилъ:

— Да, оно... того! Конечно, батюшка, власть ваша... ну, а коли его поразсудить, такъ зачѣмъ неправое обстаивать? За то и посѣки, пожалуй! Отчего не посѣчь мужика, коли, то-есть того... коли посѣчь надо!

Иной бы затѣялъ изъ этого цѣлую гнусную исторію, а честный человѣкъ, умѣющій съ мужикомъ обращаться, далъ вспышкѣ иное направленіе и умиротворилъ недовольныхъ.

Бесѣда наша длилась съ полчаса. Дождь прошелъ. Вѣтромъ обвѣяло сырость. Мужики огромной толпой, человѣкъ триста, если не больше, снова собрались на лужайкѣ. Мы вышли къ нимъ. Посредникъ былъ ближе къ крылечку дома; я обошелъ кругъ и сталъ къ сторонкѣ. Толпа раздѣлилась на двѣ группы. Тамъ, гдѣ я стоялъ, отъ толпы отдѣлился лысый здоровенный Лука Брякновъ и заговорилъ, нѣсколько конфузясь, какъ-будто заучилъ наизустъ урокъ, надъ которымъ онъ долго ломалъ голову:

— Ваша графская свѣтлость! ваше княжеское благородіе! Какъ мы таперича, то-есть, будучи въ крестьянствѣ, и этакое намъ отъ государя ампиратора вышло благополучіе, и мы первое дѣло хвалу Господу, честь и поклоненіе и слезную нашу благодарственность ему, батюшкѣ, царю нашему ампираторскому преподносимъ. За себя благодаримъ слезно, за нашихъ женъ, за дѣтей, за внуковъ и правнуковъ, и за тѣхъ праправнуковъ, что̀ отъ правнучатъ-то нашихъ на свѣтъ произойдутъ!

Но за рѣчами другихъ мужиковъ, бывшихъ гораздо ближе къ посреднику и ведшихъ съ нимъ разговоры, риторское искусство лысаго Луки осталось безъ ожидаемыхъ имъ послѣдствій.

— Его царскому высочеству Костянкину Микуланчу дай-Богъ много лѣтъ здравствовать! Онъ, сказываютъ, много добра намъ подѣлалъ! заслышался чей-то тоненькій голосокъ, гдѣ-то тутъ же, около.

Но и этотъ голосъ, непоражавшій своею ревучестью, пропалъ задаромъ... Я опять обошелъ толпу и сталъ ближе къ посреднику.

— Помните же вы... продолжалъ посредникъ, первыхъ словъ кото-

раго я не слыхалъ: — помните, умѣйте это чувствовать, умѣйте цѣнить, умѣйте вести себя честно. Тò и свобода, что вамъ теперь предоставлено жить своимъ умомъ, и своею охотой да доброю волей честно жить да поживать, честно добра наживать.

— Много милости, батюшка! вѣчно будемъ Бога молить.

— Исполняйте честно свои послѣднія обязанности къ помѣщику! Немного ужь остается! Кончите дружно и по правдѣ, продолжалъ посредникъ.

— Да мы на оброкѣ; насъ бы теперича порѣшить, заговорили немногіе. . . . .

Между-тѣмъ, лысый Лука, обошедшій также толпу, придвинулся теперь къ посреднику.

— Вотъ мы таперича, то-есть, ваше милостивое благородіе, можетъ, сглупа, тàкъ промежъ себя думаемъ. Нужны мы царю, выходитъ, подати платить, войску содержать, торги заводить и за все-про-все отвѣты держать. И его царская государская ампиратерская милость, спознавши, что мужикъ безъ земли какой ужь мужикъ, и отдалъ намъ нашу мужицкую землю, чтò мы кровавымъ потомъ, горючьми слезми пополивали...

— Вамъ предоставленъ «надѣлъ». Землей васъ надѣлитъ помѣщикъ. Вы этотъ надѣлъ должны выкупить деньгами. Не подъ силу будетъ міру сколотиться деньгами—царь вамъ поможетъ.

— Тэкъ-съ!.. Это точно. Этое мы слыхали самое.

Водворилось молчаніе опять на секунду.

— А чтò, батюшка, смѣю спросить, велико ль намъ земли-то отрѣжутъ? скороговоркой спросилъ разбитной какой-то мужичонокъ низенькаго роста.

— А ты не знаешь развѣ?

— Гдѣ, батюшка, намъ знать! Мы народъ сѣрый! Сказываютъ парни, болтаютъ розно, а грамотѣ мы не учены, «Положенья»-то сами не читали.

— Три съ четверью десятины на ревизскую душу.

— Тэкъ-съ!... Стало, дядюшка, Тимоѳей, оно вотъ какъ: одна десятина, слышь, съ рожью, одна подъ овесъ, да одна въ пару? Нашей

земли больше! сказалъ мужикъ, обратившись отъ дядюшки Тимофея снова къ посреднику.

— Какъ вашей? Твое тò, чѣмъ ты владѣешь, чѣмъ ты по своей волѣ распоряжаться можешь. Вотъ у тебя шапка: можешь ее продать, можешь подарить, можешь въ лѣсъ закинуть, потому-что она — твоя собственность. А землей всегда распоряжались помѣщики: она—ихъ собственность.

— Да какъ же намъ, батюшка, съ одной десятины прокормиться?

— Не съ одной, съ двухъ. А ты и третью заставь себя прокормить.

— Дà, заставь ее! какъ ее заставишь! Это еще когда-то въ вѣчность ее за себя возьмешь, да станешь собственникомъ. Тогда-то мы съумѣемъ. А теперь-то какъ?

— Придумывай самъ. У тебя притомъ городъ подъ-носомъ, Москва подъ-бокомъ, да два торговые тракта.

— Тàкъ батюшка, тàкъ; конечно, оно такъ; а ужь вы, будьте отцы, предоставьте намъ и остальную-то землицу.

— Это не въ моей власти, а въ твоей доброй волѣ. Войди въ добровольное соглашеніе съ помѣщикомъ.

— Да, вѣдь, батюшка, помѣщикъ-то на свою руку будетъ гнуть, а мужикъ на свою: гдѣ ужь тутъ намъ добрымъ путемъ согласиться?

— Тутъ дѣло торговое: помѣщику нужны деньги, тебѣ нужна земля; коли вы оба крѣпко другъ въ другѣ нуждаетесь — повѣрь, что сойдетесь.

— Цѣну подниметъ.

— А ты не давай.

— Да землй нужно.

— Все-таки не отступай.

— Да другіе мужики перебьютъ!

— Стало имъ нужнѣй чѣмъ тебѣ, они добровольное соглашеніе и порѣшатъ арендой ли, или оброкомъ.

Опять наступила минута молчанія.

Изъ толпы отдѣлился Филиппъ Карповъ. Снявъ уже давно шапку и запрятавъ ее подъ-мышки, Филиппъ богобоязненно сложилъ ручки

на животикѣ и смиренно опустилъ глаза долу, маленечко повѣся голову какъ-то на бокъ.

— Батюшка, ваше благородіе, ваше высокосіятельство. Міромъ мнѣ препоручено донести вамъ наше сердобольное крестьянское жалованье! Осчастливьте, милостивецъ, недостойно выслушать. Какъ таперича слезно мы Господа Бога молимъ, послѣ этакихъ ампираторскихъ къ намъ, дѣтямъ его, милостей, для-того, что онъ нашъ отецъ, мы его дѣти! И послѣ этакихъ-то благополучныхъ щедротъ любви царской, христіанской, послѣ вальготности многихъ и бремени — и вдругъ какой ни на есть господинъ Кокоревъ всѣхъ насъ изобиждаетъ и томитъ насъ разными, то-есть, изобидами.

— Какъ Кокоревъ? И какое Кокореву къ вамъ можетъ быть дѣло?

— И господинъ эвтотъ самый Кокоревъ, каковъ онъ есть Василій Александровичъ—и онъ таперича ампираторскому благополучію злокозненныя хитрости супротивъ поставляетъ. А хоша бы и то. Купилъ эвтое-тъ самый Кокоревъ господинъ всѣ наши сѣнные покосы, а вмѣстѣ съ ними и лѣса, гдѣ оные покосы происходительство имѣли. И мы въ тѣхъ покосахъ и въ тѣхъ лѣсахъ сѣно косили на весь міръ, для того: лѣса пребольшенные, противу всей вотчины вдвое простирательствомъ будутъ. И этотъ таперича самый Кокоревъ-господинъ, сирѣчь Василій Александровичъ, какъ онъ есть человѣкъ могущій по капиталамъ, эвтіе самые лѣса таперича всѣ скупилъ. И вотъ, батюшка, ваше высокосіятельство, мы больше чѣмъ безъ хлѣба! Сѣна нѣтъ скотинкѣ. И купить нѣгдѣ. А безъ сѣна скотинки не держать! Безъ коровушекъ —поля запустить, безъ лошадушекъ промысловъ рѣшиться! А оброку за все по два рубли съ копейками спущено. А платимъ нынче сорокъ. И весь, то-есть, міръ нашъ таперича въ нитку повытянутъ. Тянули все, тянули да тянули, анъ вотъ и дотянули до того, что какъ струна нитка натянута. Потяни еще маленько — и нитка порвется! А нитка-то эта—міръ нашъ!

— Чего жь вы хотите?

— Мы, батюшка, ничего не хотимъ! Мы, батюшка, ничего, ваше сіятельство, не желаемъ. Да и какъ мы можемъ хотѣть? какъ мы смѣемъ желать?

— Ты мнѣ хвостомъ-то не верти: говори дѣло, въ правду сущую.

— Эвтое дѣло точное-съ, ваше благородіе; говорю истинно. Для того мы въ повиновеніе полное себя предоставляемъ, потому таперича, какъ есть надъ нами господинъ главноуправляющій, и состоимъ мы ему въ полной волѣ: какъ, то-есть, таперича онъ нами командуетъ, такъ мы во всемъ подъ его отвѣтомъ, во всемъ слушаемъ. Для того, повиновеніе—это первое дѣло! Какъ таперича всюду сказать дищиплина. И мы это, батюшка, сударь, оченно все понимаемъ, а хотѣли только вашей милости по душѣ, побожески сказать, какъ мы въ нитку вытянуты: для того—оброкъ великъ; хоть маленечко бы намъ ослобонить его.

Въ эту минуту Филиппъ Карпычъ, сдѣлавъ полуоборотъ, какъ-то особенно подкивнулъ въ сторону густою своею чорною бородой съ просѣдью.

— Оброкъ, батюшка!... Тяжко, родимый!... Смилуйтесь, батюшка, пощадите, велите оброку сбавить! заревѣла толпа гулко и стали всѣ отвѣшивать поклоны.

— Господинъ управляющій, что вы объ этомъ скажете?

— Хитро шелъ... хитро говоритъ ка...

— Я васъ не о томъ спрашиваю. Вы слышите, чего крестьяне просятъ? Нельзя ли имъ помочь, если они говорятъ справедливо?

— Это все неправильно-съ. Здѣсь больше все на барщинѣ; есть на смѣшанной повинности, остальные на чистомъ оброкѣ и всѣ они люди зажиточные и живутъ не столько отъ земли, сколько отъ промысловъ. А зажиточны они такъ, что какой-нибудь Филиппъ Карповъ мошен..., что въ нитку-то вытянутъ, ворочаетъ не одной тысячей, а десятками. Въ двухъ шагахъ отъ Москвы въ сорокъ рублей оброкъ не обида.

— Батюшка, конечно, легко въ чужомъ карманѣ тысячи считать, а всѣ ли тысячники? Ну-тка, подумайте? Таперича къ петрову дню половину оброку отдай, а сѣна нѣтъ, хлѣбъ не убранъ: эвона еще каковъ! Гдѣ таперича мужику двадцать рублей добыть въ контору? веди со двора корову, овцу продай послѣднюю, жену тащи подъ закладъ!

— Экая бе... выдумка хитростная и очерненіе дѣла! Весь уѣздъ допросите: было ли когда-нибудь въ вотчинѣ неудовольствіе на управленіе. Миръ и зажиточность возрастали съ каждымъ днемъ въ послѣдніе десять лѣтъ.

— Грѣхъ, батюшка, супротивъ сказать. Заморены мы были оченно, и это точно что въ десять послѣднихъ годковъ вы насъ поправили, вздохнуть намъ дали, дали намъ всѣ средствія. Теперь бы, на послѣдяхъ, счастіе предоставить послѣднее, а тутъ сорокъ рублей и ни клока сѣна!

Филиппъ Карповъ опять вздернулъ бородой въ сторону.

— Не въ силу намъ, не въ мочь, кормилецъ! опять загудѣла толпа на разные голоса.

— Ребятушки, ребятушки вы мои, обидныя вы рѣчи противъ меня, старика, говорите! Не это я у васъ выслужилъ! Васъ злодѣи сомущаютъ! заговорилъ управитель дрожащимъ голосомъ.

— Оброку убавить надо! убавить оброку! Срокъ дальше! завопила толпа.

— Вамъ помѣщикъ усадьбы подарилъ, а вы такъ съ нимъ за спасибо поступаете?

— Много благодарны мы, батюшка, за этакія милости.

— Конечно, ваша графская свѣтлость, вмѣшался Лука Брякиовъ:— усадьба дѣло великое: не на воздухѣ же жить намъ! и этакое къ намъ великодушіе мы оченно цѣнимъ. Мы ужъ это и міромъ выкладывали, во сколько копеечекъ этія, то-есть, самыя милости намъ на годъ прійдутся, еслибъ дѣло, то-есть, пошло у насъ хоть на выкупъ. Конечно, помѣщикъ этія таперича копеечки намъ, къ примѣру такъ сказать, въ благоденствіе предоставилъ; на то ихъ барская была добрая воля, а мужикъ за то должо̀нъ за ихъ здоровьице вѣчно Бога молить.

Посредникъ смекнулъ, что копеечки дѣйствительно остаются копеечками, а оброчные сорокъ цѣлковыхъ все тѣ же сорокъ цѣлковыхъ. Всякому, вѣроятно, понятно, что безвозмездная уступка усадебъ имѣетъ цѣнное значеніе только для самаго жертвователя, да развѣ еще для цѣлаго сословія землевладѣльцевъ; но если цѣнность этого дара

разложить по годамъ и расчислить по душамъ, то отъ великодушнаго поступка въ особенный восторгъ приходить не окажется особенно необходимымъ.

Снова толпа загудѣла, вымаливая сбавки оброка и разсрочки его взноса, напирая на то, что міръ лишенъ покосовъ только на послѣдяхъ.

Гласно наведенныя справки предъ лицомъ міра у самого же міра показали, что землевладѣлецъ, основываясь на своемъ правѣ полной собственности, продалъ лѣса г. Кокореву не совсѣмъ на послѣдяхъ, а года ужъ три назадъ (*); что въ то же время оброкъ крестьянамъ, за лишеніе покосовъ, съ 43 рублей сбавленъ ровно на сорокъ; что этотъ оброкъ мужики во все время постоянно уплачивали исправно и на тягость его до сей минуты не жаловались.

Посредникъ развернулъ «Положеніе» и прочелъ извѣстный его пунктъ и даже два его пункта: одинъ тотъ, что какой оброкъ до минуты объявленія манифеста платили мужики, такой и должны впередъ платить до утвержденія уставныхъ грамотъ, а другой — что на старое жалобъ нѣтъ.

— Батюшка, ваше высокосіятельство, да развѣ мы этого не знаемъ? Да развѣ мы супротивъ что̀ въ головѣ имѣемъ? И не жалуемся на старое! На радостяхъ мы все прошлое забываемъ. Христосъ съ ними! Пусть! Мы токма̀ милости вашей просимъ, слезно молимъ: нельзя ли какимъ, то-есть, ни на есть манеромъ, горюшку нашему помочь? Вотъ что, сударь, батюшка! помогите вы намъ! Подумайте вы за насъ за дураковъ, за сѣрыхъ, темныхъ людей! А безъ вашей милости мужичкамъ, то-есть, бѣда прійдетъ: ужъ и то они въ нитку повытянуты.

Ораторъ, конечно, все тотъ же Филиппъ Карповъ, опять мотнулъ на міръ бородою. Опять крики, вопли и моленья раздались и загудѣли на площадкѣ... Этотъ гулъ и на меня произвелъ сильное впечатлѣніе. Надо припомнить обстановку. Все мужчины, ни одной женщины. Все это припряталось. Даже собаки куда-то забились по угламъ;

(*) Послѣ я слышалъ, что продажа состоялась, дѣйствительно, гораздо позже, но все таки до Манифеста, хоть и незадолго.

даже индюкъ и оба пѣтуха носу не смѣли показать. Даже люди, тѣ же мужики, стали теряться: отказавшіеся отъ участія въ дѣлахъ, иные старики, присѣвъ на корточкахъ около стѣнъ нашего домика и подлѣ амбара, только руками разводили, да головой покачивали. Конторщики ходили чуть не на цыпочкахъ и видимо мужиковъ трусили. Супруга управителя, не слыша крестьянскихъ мирныхъ рѣчей, слыша одинъ гулъ и вопли мужиковъ, можетъ-быть прежде несмѣвшихъ рта разинуть иначе, какъ звуками одобренія, въ сильномъ испугѣ, полубольная, стояла у плотно-закрытаго окна и, какъ-будто бы слегка тряся головой, внимательно насторожила ухо, стараясь схватить хоть немногія слова изъ мужицкихъ рѣчей. Горничная и кухарка, съ заплаканными глазами, сидѣли, молча, на скамейкѣ, другъ противъ дружка, и не знали, за что взяться.

Посредникъ, удалившійся на нѣсколько минутъ въ контору и успѣвшій переговорить съ управителемъ, снова вышелъ къ народу.

— Вотъ, братцы, я переговорилъ съ господиномъ управляющимъ. Мы оба сердечно желаемъ сдѣлать для васъ, что только возможно, что законъ дозволяетъ. Я ужь приму на себя раздѣлить вамъ предстоящій въ петровъ день взносъ впередъ за полгода; я готовъ разсрочить его на два срока: спишусь самъ съ вашимъ помѣщикомъ и, надѣюсь, онъ согласится на мое распоряженіе, которое безъ этого ни силы, ни значенья никакого не имѣетъ.

— Батюшка, вѣчно будемъ Бога за васъ молить... А на какіе сроки?

— Одну часть къ петрову дню, другую къ покрову.

— Больно ужь близко!... Деньги-то все тѣ же!... Намъ не подъ мочь... Оченно тяжко! раздались тамъ-и-сямъ голоса трехсотъ человѣкъ.

— Оброкъ мы не станемъ платить! закричалъ кто-то въ сторонѣ.

— Коли такъ—не станемъ, православные! подхватили голоса.

— За прошлое заплочено, а напредки не станемъ: не въ мочь!

— Мы не противъ закона, батюшка, ваше сіятельство, снова заговорилъ Филиппъ Карповъ: — мы, по закону, будемъ находиться въ полномъ повиновеніи конторѣ и помѣщику.

— Законъ обязываетъ васъ исполнять пока до времени старые порядки, строго возразилъ посредникъ.

— Точно оно такъ, ваше сіятельство, но какъ оброкъ платятъ у насъ не всѣ, а больше все землей занимаются, то мы міромъ рѣшили: всѣмъ идти на барщину. Такъ ли, православные? спросилъ Филиппъ, обратившись къ толпѣ и мотнувъ знаменательно бородою.

— На барщину!... Всѣ идемъ на барщину! заревѣла толпа стономъ.

— Ребятушки, что вы дурныхъ людей слушаете? Да и гдѣ вамъ съ барщиной управиться, когда вы, въ десять-то лѣтъ, и отъ сохи поотвыкли? обратился къ народу управитель.

— На барщину! на барщину! станемъ вѣрно служить барину! загудѣли сотни голосовъ.

— Нехорошее дѣло вы, ребятушки, затѣваете! Вы сами знаете, сколько теперича барскихъ полей: ну, куда я васъ всѣхъ разставлю?

— Куда хоть разставь, во всемъ будемъ повиноваться! во всемъ станемъ радѣть помѣщику!

— Одумайтесь вы, ребятушки!

— Нѣтъ закона, сударь, такого, чтобъ насъ заставить тотчасъ же всѣхъ на оброкъ идти, а повиноваться мы будемъ во всемъ! ввернулъ словцо Архипъ Терентьевъ.

— Одумайтесь, ребятушки! опомнитесь! Не кидайте вашего хлѣбнаго, наживнаго промысла; вы имъ богатѣете; семьи, дѣти ваши вѣрный кусокъ хлѣба отъ него имѣютъ, продолжалъ управитель.

— На барщину! на барщину! гремѣли мужики.

— Ну!... коли таково ваше желаніе, такъ на барщину, коли на барщину! Приготовляйтесь. Я вамъ подыщу занятія! На первое время, пни мнѣ таскайте.

— Ха-ха-ха! Пни таскать! пни таскать! завопилъ народъ со смѣхомъ, не предвѣщавшимъ ничего радостнаго.

— Да, пни выдирать! дороги дѣлать! мосты строить!

На мгновеніе наступила мертвая тишина.

Народъ съ самого утра стоялъ все безъ шапокъ. Въ эту минуту, какъ-будто по волшебной командѣ, замелькали шапки въ приподнятыхъ рукахъ: всѣ мужики стали отвѣшивать поясные поклоны.

— Благодаримъ, батюшка; благодаримъ, кормилецъ. Больше этой милости и ждать намъ нечего. Благодаримъ покорнѣйше; по крайности, деньги цѣлѣе будутъ, въ конецъ не вытянемся!

— Мнѣ васъ, братцы, въ этомъ учить нечего, началъ рѣчь свою посредникъ.—Вы сами знаете, гдѣ вамъ лучше и что для васъ выгоднѣе. Я только долженъ то вамъ замѣтить, что къ новымъ порядкамъ и къ своей волѣ надо намъ приступить съ честными мыслями, съ честными намѣреніями, въ правду, побожески. Вы сразу-то не кидайтесь на барщину. Я самъ помѣщикъ и для блага крестьянъ давнымъ-давно порѣшилъ съ барщиной. Не можетъ-быть, чтобъ вы не знали, что чистый оброкъ во всякомъ случаѣ для васъ выгоднѣе?

— Что говорить, ваше сіятельство, оно такъ, снова началъ Филиппъ Карповъ. — Мы народъ глупой, сѣрый, какъ есть мужики, а эвтое дѣло мы-таки смѣкаемъ. Нуженъ намъ чистый оброкъ. Положи побожески — вѣрно заплатимъ. А какъ таперича намъ разомъ двадцать цѣлковыхъ внести? Еще бы зимой, а то въ петровки! Неуже-ли вашей милости, ваше сіятельство, пріятно, чтобъ мужикъ свелъ со двора послѣднюю коровенку?

— Зачѣмъ же такъ?

— Да такъ приходится!

— Не доводи себя до этого. Доведешь — самъ виноватъ!

— Корову-то со двора вести?

— Законъ ничего не говоритъ про корову. Законъ требуетъ твоей исправности въ исполненіи обязанностей.

— Да какъ же послѣдней-то коровы бѣдному мужику рѣшиться? Ну, лошадь развѣ вести на базаръ?

— Законъ не говоритъ ни про корову, ни про лошадь: законъ предписываетъ извѣстныя мѣры съ людьми неисправными — и вы всѣ сами хорошо знаете, какія эти мѣры.

— Намъ на оброкъ лучше, а платить столько не хотимъ.

— Должны: законъ велитъ.

— Мочи не хватитъ.

— Вѣрно ты лжешь: доселѣ были въ силахъ.

— Теперь не въ моготу.

И Филиппъ опять мотнулъ бородой.

— Не въ моготу!... не станемъ платить! не станемъ! заревѣла толпа разомъ.

— Должны! васъ заставятъ! грозно возразилъ посредникъ, въ мгновеніе преобразившись совершенно въ другаго человѣка.

— Кто насъ заставитъ? кто? закричали голоса.

— Законъ! громовымъ голосомъ крикнулъ посредникъ, ударивъ себя въ грудь.

Минута была драматическая. Посредникъ былъ въ апогеѣ своего величія: осанка, взглядъ и поза его были торжественны.

Въ одно мгновеніе все стихло. Все вытянулось въ струнку. Мужики словно опѣшали.

— Я вамъ далъ время толковать; я слушалъ все, что вы ни говорили; я былъ снисходителенъ, когда вы пустяки болтали. Но вы смѣете сказать, что ослушаетесь закона—сказали это, конечно, сглупа: я васъ останавливаю. Ни пикнуть противъ закона! Законъ — святое дѣло! Нѣтъ ничего выше закона. Кто жь осмѣлится противъ него идти? Кто? подай голосъ? Выходи сюда?

Все призамолкло.

Пользуясь произведеннымъ впечатлѣніемъ, посредникъ честно и правдиво, безъ жесткихъ словъ, безъ грязныхъ движеній, прочиталъ крестьянамъ хорошую рацéю объ ихъ обязанностяхъ, о выгодѣ самихъ крестьянъ не марать своихъ отношеній къ землевладѣльцамъ неладами и недружбою; грозилъ, но грозилъ, если можно такъ выразиться, деликатно, мягко, наказаніемъ закона за дурные поступки. Онъ говорилъ грозно, почти сурово, но не задѣлъ ничьего самолюбія, не упомянулъ ни про розги, ни про острогъ, ни про продажу имущества, ни про экзекуціи, ни про насильственный постой, хотя всѣ эти понятія невольно должны были прійдти на умъ мужикамъ, при тѣхъ ловкихъ и необидныхъ намёкахъ, которые дѣлалъ посредникъ, говоря о «законныхъ» мѣрахъ взысканія и наказанія.

Крестьяне были ошеломлены, увидѣвъ, что добродушный и тихій по наружности посредникъ превратился въ строгаго карателя неправды. Ни малѣйшей попытки на дальнѣйшія выходки со стороны народныхъ

ораторовъ больше не было замѣтно. Все обошлось тихо и, сколько я могъ понять, къ общему удовольствію, хотя у иныхъ и скрытому, но дурно-скрытому. Управитель былъ радёхонекъ, что у большинства крестьянъ на умѣ оброкъ и что денежки для вноса въ опекунскій совѣтъ прійдутъ своимъ чередомъ. Крестьяне тоже были радёхоньки, что ихъ, въ-самомъ-дѣлѣ, теперь не поставятъ ни пни выдирать, ни дрова съ мѣста на мѣсто перевозить, ни чинить дороги.

Я не все записалъ. Ужь утро. Скажу только, что пропустилъ лишь переговоры о ругѣ, и о другихъ предметахъ, не менѣе интересныхъ, но невозбуждавшихъ особеннаго крика, или шума. Конечно, не каждая рѣчь записана у меня слово-въ-слово, но общій тонъ, характеръ, направленіе, порядокъ разговоровъ и почти всѣ выраженія записаны у меня безъ прикрасъ и безъ утайки.

Посредникъ уѣхалъ около восьми часовъ вечера. Толпы разошлись въ тишинѣ.

Воскрессенье, 11-го іюня.

Вслѣдствіе совершенно-частныхъ, личныхъ причинъ, я собрался-было выѣхать отсюда и пуститься дальше въ путь; но весь день пошелъ на обдумываніе и на написаніе проекта контракта между землевладѣльцемъ и крестьянами. Въ силу этого контракта, впредь до утвержденія уставной грамоты, установляются правильныя, облегчительныя отношенія обѣихъ сторонъ между собою. Такъ-какъ предметъ этотъ очень-деликатенъ, то я впишу сюда этотъ контрактъ тогда, когда онъ будетъ одобренъ крестьянами и когда они, поразмысливъ основательнѣе, убѣдятся, что онъ честно составленъ, а быть-можетъ, мужики и пополнятъ его какими-нибудь полезными вставками.

Главнѣйшія обязательства землевладѣльца:

Немедленно нанять «на свой счетъ» землемѣра и выдѣлить землю свою, церковную и крестьянскую;

припрѣзать къ крестьянской землѣ часть лѣсовъ, для округленія

границъ надѣла въ одной общей межѣ, не выходя изъ нормы $3^1/_4$ десятинъ;

дозволить крестьянамъ безпрепятственно пользоваться пнями, валежникомъ, хворостомъ, пвнякомъ и орѣшникомъ для топлива;

безвозмездно уступить усадьбы;

съ петрова дня ввести порядокъ, предписываемый «Положеніемъ» 19-го февраля;

барщину замѣнить чистымъ оброкомъ;

оброкъ со всѣхъ брать равный и именно тотъ, который узаконенъ «Положеніемъ», выключивъ изъ него часть, приходящуюся на выкупъ усадьбъ.

О нѣкоторыхъ изъ этихъ уступокъ рѣчь шла и ранѣе, но все было только на словахъ; цѣлой вотчинѣ объявлено не было и какъ-то все еще было шатко и для крестьянъ ненадежно, потому-что на все можно ввернуть тысячи крючковъ и занозъ.

На обязанности крестьянъ оставлялось:

Вносить оброкъ за круговою порукою; на это надо еще было уговорить крестьянъ;

убрать хлѣбъ, но только убрать;

засѣять озими, и

къ господскимъ лѣсамъ ставить своихъ караульщиковъ.

Какъ ни противился я этой послѣдней грошовой и мелочной претензіи, но послѣ важныхъ уступокъ, сдѣланныхъ управителемъ, вписалъ это условіе особымъ пунктомъ.

Цѣлый день просидѣли мы вдвоемъ за этой работой, и заняться продолженіемъ журнала теперь некогда. Ночь давно. Впрочемъ, вотъ два-три слова о сегодняшнемъ днѣ.

Сильный вѣтеръ цѣлый день; но погода прекрасная, солнечная. Дѣвки ходили въ церковь «одѣмши». Имъ нельзя, это не въ обычаѣ туда ходить «не одѣмши», то-есть въ однихъ платьяхъ, безъ зипуна или верхней накидки. Замѣчательно, что здѣсь слова «сарафанъ» не существуетъ, а сарафаны носятъ; носятъ и панёвы. Еще съ зари бабы пекли яичницы. Послѣ обѣда, часу во второмъ, онѣ, въ сопровожденіи дѣвокъ и парней, съ яичницею и драчоной, ходили вѣнки зави-

вать и березки. Вѣнки бросали и дѣвки и бабы. Дѣвки гадали о суженыхъ, молодыя бабы—о мужьяхъ: умретъ онъ въ этотъ годъ, или живъ останется? Часа два-три назадъ, по завѣту отцовъ, бабы жгли въ лѣсу паклю. Пѣсни и хороводы длились до самой ночи. Самъ я ничего не видалъ: даже и немного около дома прогуляться времени не было.

Понедѣльникъ, 12 іюня.

Вчерашняя мировая, очень поразстроившееся мое здоровье, все болѣе-и-болѣе усложняющіяся обстоятельства, меня окружающія, принятое мною нѣкоторымъ образомъ въ дѣлѣ участіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, недоумѣніе, что если я отсюда и уѣду, то въ какой степени блужданіе мое по новымъ селеніямъ и кратковременная побывка въ новыхъ мѣстахъ дадутъ мнѣ возможность увидѣть что-нибудь интересное — все это укрѣпило во мнѣ рѣшимость остающіяся въ моемъ распоряженіи полторы недѣли свободнаго времени провести въ здѣшнемъ имѣніи.

Сегодня рано утромъ приходили выборные изъ здѣшняго села и изъ двухъ ближнихъ деревень. Несмотря на праздникъ, на то, что сегодня духовъ-день, крестьяне этихъ трехъ селеній поспѣшили дать знать управителю, что въ вотчинѣ происходитъ разноголосица. Изъ ихъ словъ можно вывести заключеніе, что крестьяне не имѣютъ довѣрія къ конторѣ, боятся прижимокъ и надѣются, что своею стойкостью они вынудятъ контору на уступки, какихъ бы ни потребовали. Замѣтно еще, что у крестьянъ есть, Богъ ее знаетъ на чемъ основанная, надежда, что черезъ два года выйдетъ новый манифестъ, съ новыми для нихъ льготами, которыя будутъ обширнѣе нынѣшнихъ (*). Укрѣпившись въ этихъ мысляхъ, горланы собрали вчера сходку и порѣшили, во что бы ни стало и какъ бы кому тяжко ни было, идти

(*) Правительство впослѣдствіи объявило, что этотъ слухъ не имѣетъ рѣшительно никакого основанія.

всѣмъ на барщину. Но вотъ замѣчательный разсчетъ извѣстнаго оратора, Филиппа Карпова, и другаго оратора, который при мнѣ, на моихъ глазахъ, не выказалъ еще своихъ талантовъ, Архипа Терентьева— разсчетъ, заставляющій на нихъ смотрѣть съ особенной точки зрѣнія.

И Филиппъ Карповъ, и Архипъ Терентьевъ — оба люди очень-зажиточные. Они очень-основательно растолковывали міру то, что всѣ знали и знаютъ, но чего никто изъ нихъ не анализировалъ; они толкуютъ, что кто платитъ оброкъ, тотъ, видимо, исправнѣе другихъ, или, другими словами, только зажиточные крестьяне состоятъ на оброкѣ. Бѣдняки же, по большей части, на барщинѣ, а на барщинѣ они потому, что въ оброчные имъ «нечѣмъ взяться». Слѣдовательно— разсуждаютъ они—оброкъ православнымъ выгоденъ, а барщина вредна. Но такъ-какъ для помѣщика, при нынѣшнемъ, новомъ, ничтожномъ количествѣ распаханной имъ земли, такъ-какъ много ея продано въ чужія руки, барщина невыгодна, потому-что рукъ дѣвать некуда, и, слѣдовательно, оброкъ необходимъ, то Филиппъ Карповъ на вчерашней сходкѣ приглашалъ оброчниковъ, какъ людей зажиточныхъ, принести свои интересы въ жертву общему дѣлу (конечно, онъ не этими словами выражался) и, вѣроятно, на короткое время, пока контора не увидитъ себя вынужденною согласиться на всѣ крестьянскія требованія—идти на барщину, хотя бы пни выдирать или точить для заборовъ балясины. Не полагаю я, чтобъ за этотъ разсчетъ можно было клеймить плутомъ и Филиппа Карпова и такъ-прозываемаго управителемъ Архипку. Переходомъ на барщину они, дѣйствительно, рискуютъ личными матеріальными выгодами, за то, конечно, морально, высоко поставятъ себя въ общемъ мнѣніи крестьянъ.

Сходка увлеклась ораторскими способностями Филиппа, который лично не нравится мнѣ только тѣмъ, что никогда прямо въ глаза не смотритъ, и постановила рѣшительно: идти на барщину, а кто противъ міра пойдетъ, того, не говоря дурнаго слова, какъ противника общему дѣлу, сдать міромъ же въ солдаты.

Но Филиппъ Карповъ и Архипъ Терентьевъ живутъ далеко отсюда и своею энергіей не могутъ постоянно поддерживать общее увлеченіе вездѣ и всюду на одной и той же степени жара. Вотъ, вѣроятно, и

причина, что ближайшія сюда три селенія на первыхъ же порахъ являются сепаратистами.

Конечно, сегодняшніе выборные не двигаются сами ни взадъ, ни впередъ и не знаютъ сами, на что рѣшиться: и управитель-то подъ рукой, да и угроза-то, постановленная сходкою, не нравится! и на барщину-то идти большой охоты нѣтъ, да и оброкъ-то платить чистыми денежками на-дняхъ, когда, можетъ-статься, можно бы отъ этого отлынуть — радости особенной не оказывается.

Управитель съ-разу же смекнулъ въ чемъ дѣло, и съ-разу же воспользовался колебаніемъ выборныхъ. Въ ту же минуту явился на сцену проектъ только-что вчера обсуженнаго контракта. Мой почеркъ для старыхъ глазъ, даже вооруженныхъ очками, не очень-то четокъ: пришлось мнѣ самому читать условіе, пунктъ за пунктомъ.

Крестьяне поняли каждое его слово и сначала недовѣрчиво другъ на друга поглядывали. Имъ тотчасъ же было замѣчено, что если имъ это условіе вполнѣ понравится, то оно къ петрову-дню должно быть подписано, на одной и той же бумагѣ, и самимъ помѣщикомъ, или, по особому его приказу, главноуправляющимъ, и старостою съ выборными и добросовѣстными изъ каждой деревни.

— Если это такъ, батюшка, какъ туто вонъ оно написано, такъ намъ и толковать нечего! разомъ заговорили мужики.

— Это отчего?

— Да рожна что-ль еще надо? возразили опять они съ усмѣшкой.

— Нѣтъ, да вы какъ думаете?

— Да чего тутъ еще думать! Сейчасъ же весь оброкъ внесемъ за полгода впередъ, и хлѣбъ уберемъ, и озими засѣемъ!... Мы вашу милость десять лѣтъ знаемъ: это вы таперича совсѣмъ по-божески разсудили.

Управитель былъ въ восторгѣ и далъ слово не терять времени и заявить это условіе всѣмъ деревнямъ: какъ только вся вотчина его разлюбитъ, тотчасъ же и дѣло покончить и съ петрова-дня, или съ перваго іюля, перевести всѣхъ на новое положеніе. Самый сомнительный для меня пунктъ о круговой порукѣ прошелъ безъ всякихъ затрудненій.

Такъ-какъ писать предстоитъ мнѣ сегодня еще много, то я вкратцѣ присовокуплю вотъ еще что, мною недосказанное.

Чтеніе условія продолжалось долго. Вслушавшись въ одинъ пунктъ, крестьяне вдумывались въ него, иногда просили повторить какой-нибудь параграфъ и разъ, и два.

— Ка̀къ, батюшка, ка̀къ? нуте-тко еще разъ?

Имъ читали параграфъ вразумительно.

— А что, Естифей Антипычъ? обращался одинъ крестьянинъ къ болѣе толковому, съ большимъ вниманіемъ слушавшему товарищу, приложившему правую руку къ уху и локтемъ оперевшемуся о лѣвую.

— Ни-ча-во! съ разстановкой отвѣчалъ Естифей, значительно поглядѣвъ на вопрошавшаго и съ серьёзнымъ видомъ кивая прочимъ крестьянамъ.

— Читайте, батюшка, дальше!

Читался слѣдующій пунктъ — и опять тѣ же вопросы и тѣ же отвѣты, и только вполнѣ выразумѣвъ всю суть и силу каждой фразы и цѣлаго пункта, опять слышалось:

— Читайте, батюшка, дальше.

Вправшивались выборные чрезвычайно-тонко въ разъясненіе деликатныхъ сторонъ дѣла, и въ ихъ вправшиваніяхъ и въ выпрашиваніяхъ слишкомъ-чутко слышалась полная готовность «коли такъ, какъ писано» уважить бывшему помѣщику во всемъ, и теперь, и на-предки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ слышалась и надежда взять у барина земельки на аренду по «написанному контракту», а пуще всего желаніе сдѣлаться собственниками, «откупить землю на вѣчность».

— Одно слово, батюшка, говорили они: — тогда, значитъ, мы совсѣмъ собственники. Земля мала ли, велика ль, а все мы, стало-быть, будемъ землевладѣльцы: стало, всѣ станемъ равны. Только бъ намъ судъ былъ равенъ, а то, батюшка, что въ ней, и въ волѣ, коли ни суда, ни управы не сыщешь. Нѣтъ, ужь коли новые порядки заводить, такъ чтобъ ужь и все было побожески, вправду!

Утро наше было счастливое и благополучно окончилось самымъ радушнымъ согласіемъ съ выборными трехъ селеній.

Такъ-какъ вопросъ о ругѣ былъ очень-серьёзенъ для крестьянъ

здѣшней вотчины, то, для возстановленія границъ церковной земли въ тѣхъ размѣрахъ, какъ значилась она на планахъ генеральнаго межеванія, и для отрѣзки, въ замѣнъ ея, новаго участка крестьянамъ, церковную землю распахавшимъ, управитель еще въ субботу далъ на сегодня слово пріѣхать въ ближайшее село, гдѣ живетъ дворникъ Аверьянъ Ѳомичъ.

Отпустивъ выборныхъ, мы собрались туда и, вдвоемъ съ нимъ, поѣхали. Пріѣхавъ на мѣсто, управитель пошелъ съ астролябіей, а я остался у Ѳомича, слегка побродивъ по селенію.

Въ селѣ было все пьяно. Сквернословіе охмѣлѣвшихъ особенно сильно было тамъ, гдѣ гулящій народъ встрѣчалъ женщинъ или толпы ребятъ. Въ своемъ кружку, пьяница съ пьяницей болѣе воздерженъ на слова.

Несмотря на праздникъ, казенный землемѣръ прошелъ черезъ село съ цѣпью, промѣривая, какъ слышно, весь старокалужскій трактъ.

Такъ-какъ изъ всѣхъ шестнадцати селеній этой вотчины, одно здѣшнее село лежитъ на большой торговой дорогѣ, притомъ же здѣсь церковь, два постоялыхъ двора, кабакъ и резиденція становаго пристава, то для меня казалось непонятнымъ, отчего центромъ волости было избрано не оно, а то село, изъ котораго мы пріѣхали, менѣе людное, чѣмъ здѣшнее? Недоумѣніе мое разъяснено было только тѣмъ, что «такъ начальство приказало». Вѣроятно, впослѣдствіи, мы какъ-нибудь доберемся до разумной причины такого распоряженія.

Возвращаясь съ прогулки на постоялый дворъ, я, въ одномъ изъ его отдѣленій, увидалъ какого-то проѣзжаго. Это былъ высокій, сухощавый мужчина, въ сильно-поношенномъ пальто, перетянутомъ кожанымъ поясомъ, и въ сѣрыхъ панталонахъ, засунутыхъ за сапоги. Впрочемъ, не этотъ нарядъ обратилъ мое вниманіе, а сократовская голова незнакомца, матовая блѣдность его лица, томное, грустное его выраженіе, и все еще прекрасные голубые глаза. Я вступилъ съ нимъ въ разговоры. Восторженно и съ дрожаніемъ въ голосѣ говорилъ онъ о манифестѣ и о новомъ положеніи, но какая-то скука и глубокая грусть слышались въ тонѣ его рѣчей.

— А вѣдь повѣрить нельзя, ка̀къ скучно прошелъ у насъ, въ нашей сторонѣ, тотъ день, когда намъ объявляли свободу.

— Что̀ же? развѣ попоекъ не было?

— Не то, что попоекъ, а въ деревняхъ, случаются, я вамъ доложу, между мужиками, люди, которымъ вы никакъ не откажете въ человѣческихъ чувствахъ. Конечно, попойка — это наружное выраженіе внутреннихъ въ человѣкѣ ощущеній: и радостей, и иногда горя; такъ въ нашемъ, скажу я вамъ, селѣ, люди, осчастливленные царскою милостію и возвращеніемъ намъ человѣческихъ правъ, такъ были странно поставлены обстоятельствами, что нетолько попойками, а просто рѣчами, кликами, словами боялись высказать все, что̀ въ то время нами было прочувствовано. Мы боялись, мы таили, душили въ себѣ нашу собственную радость.

— Мнѣ очень прискорбно, что неумѣстнымъ вопросомъ я вселилъ въ васъ мысль, будто я считаю нашихъ мужиковъ способными только къ попойкамъ. Я беру свой вопросъ назадъ; но, скажите мнѣ, чего жь крестьяне боялись громко выражать свою радость?

— Гм!... чего боялись?... ка̀къ это вамъ сказать?... ну, мы боялись, потому-что боялись!... Ну, увидятъ? ну, услышатъ? ну, передадутъ? такую за это зададутъ тебѣ радость, что и жизни не радъ будешь.

— Да кто же это? какимъ манеромъ?

— Да бурмистръ! да староста! Онъ нашъ же братъ, мужикъ; но, командуя нами, вылѣзши изъ грязи, поднявшись повыше, онъ ужь юлитъ передъ силою и, выгадывая свои интересы, готовъ роднаго отца съ матерью продать ни за грошъ, ни за копейку.

— А вы сами крестьянинъ?

— Дворовый; у меня отецъ мужикъ, мать нѣмая. Женили ихъ, для ихъ счастія, вѣрно. Мать сперва побиралась по-міру. Отецъ свинопасомъ былъ. Вотъ ихъ и пустили на племя. Мужики пожалѣли брачную чету и кой-чѣмъ помогли. Съ легкой руки пошло дѣло на ладъ. Благословеніе божіе видимо не оставляло молодой семьи. Вотъ и я народился; сталъ подростать; мать, святая женщина, обучала меня чему могла; отецъ готовилъ меня себѣ въ помощники. Выросъ я лихимъ мальчишкой. Стукнуло мнѣ двѣнадцать лѣтъ. Полюбился я при-

кацицѣ. Что жь вы полагаете: взяли вѣдь во дворъ! спрятали отъ отца; но мать узнала; бѣжитъ въ контору, молитъ, проситъ, мычитъ безъ языка, но мычитъ внятными мольбами — и падаетъ безъ чувствъ... Баба-то, баба! нищая, нѣмая... въ обморокъ! какъ-будто благородная-съ! Ну, разумѣется, ее прогнали. Вотъ, меня въ Петербургъ, въ казачки! Стали учить грамотѣ, трубки подавать, за картами прислуживать и прочія житейскія науки изучать. Потомъ-съ, неожиданнымъ манеромъ, я попалъ въ форейторы; тутъ пошелъ другой порядокъ ученья, совершенно навыворотъ. Прежде, бывало, учили по лицу ладонью, теперь кучеръ сталъ расправляться кулакомъ по-загривку. Скоро перемѣнились обстоятельства и я изъ кучерской попалъ снова въ золоченыя хоромы. Скажу вамъ коротко, былъ я камердинеромъ; имѣлъ возможность книжечками пользоваться, но тайкомъ, урывками. Но одинъ разъ, въ Петербургѣ, чужой господинъ наговорилъ мнѣ, Богъ знаетъ изъ-за чего, должно-быть съ хмѣлю, наговорилъ преобидныхъ рѣчей. Я, съ почтеніемъ, сталъ дѣлать возраженія. Онъ обидѣлся и далъ мнѣ оплеуху. Я заговорилъ иначе. Онъ тутъ же отвелъ меня на свою конюшню и жестоко наказалъ. Я выздоровѣлъ черезъ двѣ недѣли и хотѣлъ-было отмстить, но меня сослали въ дальнюю, незнакомую деревню, въ свинопасы, но предварительно велѣли повторить со мною то, что я вытерпѣлъ въ Петербургѣ. Пять лѣтъ я выжилъ въ свинопасахъ. Перемѣнились обстоятельства: взяли меня снова во дворъ и ужь въ то селенье, гдѣ я родился. Отца я нашелъ въ нищетѣ, мать безумною: она меня не узнала. Вотъ моя жизнь. Теперь мы съ отцомъ-старикомъ въ смиреніи и боязливо ждемъ исхода двухлѣтняго срока.

— Какія же ваши дальнѣйшія намѣренія?

— Коли Господь сподобитъ, я чувствую влеченіе быть сельскимъ учителемъ.

— Теперь тоже учите кого-нибудь?

— Боюсь! А учиться нашему народу настала пора. Предразсудки, конечно, не скоро искоренишь, но намъ надо хлопотать чѣмъ-нибудь смягчить въ мужикѣ его звѣрство и суровость. Посмотрите, какъ иной съ женой, съ дѣтьми обращается, какъ обращается съ скотиной: вѣдь

онъ истязатель, мучитель всякой твари земной. Опять же возьмите вы пьянство: въ послѣднія пятнадцать, двадцать лѣтъ оно распространилось въ гибельныхъ размѣрахъ. Пьянствуютъ даже мальчики, чуть не дѣти, особенно въ городахъ. Надо народъ отваживать отъ этого умными развлеченіями, но непремѣнно-умными, которыя незамѣтно развивали бы въ немъ мышленіе и смягчали бы его нравъ и чувства. Опять же въ народѣ мало гордости, нѣтъ привычки уважать въ себѣ человѣка. Онъ ни во что не считаетъ оплеуху и закоренѣлъ въ рабствѣ: мужикъ хлещетъ свою бабу, мужика хлещетъ дворовый, двороваго мѣщанинъ хлещетъ, мѣщанина купецъ, купца мелкій чиновникъ, мелкаго чиновника крупная особа.

Проѣзжій не сказывалъ ни своего имени, ни имени своего селенія, ни названія уѣзда, гдѣ онъ проживалъ, но охотно поддерживалъ разговоръ. Шла рѣчь о священникахъ и причтѣ вообще; объ участіи, принимаемомъ имъ въ дѣлѣ народнаго образованія, и объ отрицательныхъ явленіяхъ: объ игрѣ въ ступу, наполненную мукою, о семьяхъ причетниковъ, объ ихъ положеніи, о добываніи мѣстъ, о требахъ и о прочемъ, о чемъ входить въ подробности здѣсь было бы напрасная лишь трата времени и чернилъ. Зашла рѣчь о суевѣріи и изувѣрствѣ.

— Мнѣ, право, и смѣшно бываетъ и грустно, когда кто-нибудь, разсказывая про дикость и суевѣріе нашего мужика, приводитъ тотъ примѣръ, что мужикъ, страдая въ болѣзни, не внимаетъ приказанію врача и продолжаетъ ѣсть постное. Скажите, пожалуйста, когда же мужикъ скоромничаетъ? Когда онъ вдоволь сытъ бываетъ?

— На Волгѣ мужики хорошо ѣдятъ. На Уралѣ живутъ хорошо. Не знаю, какъ теперь, а въ прежнее время въ Сибири мужикъ не садился за столъ безъ добраго куска говядины и безъ рюмки водки, коли не постный день,

— Да́, въ Сибири можетъ-быть; намъ, въ средней полосѣ Россіи, въ пятьдесятъ лѣтъ дай Богъ дожить до благосостоянія сибирскаго крестьянина. Въ нашихъ мѣстахъ молочишко идетъ больше всего въ кормъ ребятишкамъ, только имъ иной разъ мужикъ и скоромничаетъ, да въ христовъ день говядиной или свининой. Ну, положимъ, больной му-

жикъ выслушалъ приказанiе доктора, что надо ѣсть скоромное. Вѣдь онъ одного докторскаго приказа не послушаетъ. Любитъ ли онъ батьку, не любитъ ли, уважаетъ ли онъ его лично, или имѣетъ свои причины питать къ нему иное чувство, все-таки онъ непремѣнно спроситъ прежде у попа разрѣшенья на скоромное. У попа всегда одинъ примирительный отвѣтъ: «Коли докторъ велѣлъ—ну, нечего дѣлать, ѣшь скоромное: послѣ отговѣешь»—ну, крестьянинъ, конечно, продолжаетъ, вмѣсто куринаго бульйону, рѣдечку да кисленькую капустку покушивать... По всѣмъ деревнямъ, я вамъ доложу, у мужиковъ ужь за законъ принято, что если гадина впадетъ въ съѣстные припасы, напримѣръ, въ квасъ мышь заскочитъ, въ капустѣ черви заведутся, то квасъ выливается, капуста сверху счищается, потомъ все снова наполняется чистымъ и несется къ попу. «Батюшка, испробуйте»! говоритъ попу мiрянинъ и платитъ ему за молитву и за благословенье деньги. А имъ ужь внушено, что безъ этого не моги: грѣхъ большой передъ Господомъ!

— Вы, можетъ-быть, знаете, продолжалъ проѣзжiй: — что осенью бываетъ Параскевiи-Пятницы? Полюбопытствуйте спросить у мужика, что̀ это за праздникъ? Мужикъ непремѣнно отошлетъ васъ къ бабѣ, потому-что въ женскихъ святыхъ больше все бабы вѣруютъ. Но за то ужь точно-что вѣруютъ, рѣшительно ничего не понимая и безпрестанно смѣшивая матушку Параскевiю-Пятницу съ Матерью Пресвятой Богородицею и даже со Святою Троицею. Это я вамъ вѣрно говорю. Язычество древнее не вывелось, а только кое-какое значенiе старыхъ боговъ перенесено на новыхъ святыхъ. Однажды, въ пятницу ленъ бабы пряли. Какъ водится, трещитъ лучина, бабы горланятъ пѣсни. Вдругъ дверь растворяется и входитъ страшное видѣнiе въ женскомъ сарафанѣ, съ высоко-поднятымъ горбомъ, прикрытымъ какъ-будто-бы волчьимъ мѣхомъ. Бабы заголосили, повалились на земь и начали отчуровываться, отъ всей души, однакожь вѣруя, что такъ-какъ въ пятницу прясть ленъ запрещено съ-испоконъ-вѣку, то это явилась имъ, въ наказанiе, сама матушка Парасковея-Пятница. Покамѣстъ бабы лежали ничкомъ, видѣнiе весь домъ очистило, всѣ пожитки изъ сундуковъ повытаскало. И вотъ, видите, какъ

грубо суевѣрiемъ бабъ пользуются у насъ лихiе люди. Не думайте, чтобъ это было гдѣ-нибудь въ глуши: нѣтъ; наше селенье въ нѣсколькихъ шагахъ отъ губернскаго города.

Между-тѣмъ подошелъ Ѳомичъ. Проѣзжiй, котораго я ознакомилъ съ цѣлью учрежденiя комитета грамотности и снабдилъ его адресомъ, разсчитался съ дворникомъ и уѣхалъ. Ѳомичъ тоже не зналъ, кто̀ онъ и откуда.

Такъ-какъ на фермѣ Андреяновкѣ работы основаны на вольномъ трудѣ, то я и полюбопытствовалъ узнать у Ѳомича, какъ идутъ тамъ дѣла.

— Что̀, сударь, курамъ на смѣхъ! Какъ можно вольный трудъ? Барщина лучше-съ!

— Отчего же барщина лучше?

— Да какъ-же-съ, помилуйте. Таперича тамъ двадцать-восемь человѣкъ наемныхъ мужиковъ. Плата имъ девять серебромъ въ мѣсяцъ, кажись что такъ. А работаютъ прескверно! Гдѣ-гдѣ ковырнетъ лопатой, или съ сохой проковыляетъ, а то все чешется, то брюхо, то поясницу!

— А штрафы? а вычеты?

— Какiе же штрафы? Оштрафуй, попробуй, хоть одного, въ ту жь минуту всѣ разбѣгутся!

— А разсчетныя книжки?

— Какiя же это такiя?

— А вы не знаете?

— И не слыхивали!

— Есть ли хоть присмотръ за людьми?

— Да, видно, думаютъ: кчему и присмотръ, коли вольный трудъ? За ними, сударь, я вамъ скажу, плохой присмотръ, а куда жаловаться—не знаютъ! Сунутся къ становому—тотъ говоритъ «не мое дѣло» теперь. Кинутся къ посреднику, тотъ отвѣчаетъ: «это до меня не касается: я сужу дѣло только между помѣщикомъ и временно-обязаннымъ». Броситься если къ исправнику—дѣло пойдетъ черезъ земскiй судъ и богъ-знаетъ чѣмъ и когда кончится! А тутъ надо судъ и расправа быстрые. Да еще что̀ эти вольнонаемные выдумали! Мы, говорятъ, подрядились работать окромя праздниковъ, поэтому и не

наше дѣло убирать рабочихъ лошадей, задавать имъ корму и водить на водопой. Повѣрите ли: въ праздники лошади безъ корму, безъ воды цѣлый день такъ и стоятъ. Неужто конюховъ для нихъ нанимать?

— А вы какъ же бы думали, Аверьянъ Ѳомичъ?

— Я тоже думалъ бы, что конюховъ-то слѣдовало бы, да здѣсь все порядки-то были такіе, что къ этому не привыкли: на конюховъ-то тратиться скупятся!

— То были не порядки, а развѣ безпорядки. Теперь надо пріучаться вести дѣло на чистоту.

— Такъ-то такъ-съ, да вѣдь мужику потачки давать не слѣдуетъ.

— Да и притѣснять нельзя.

— Отвыкать трудно! Себя-то прикащики оправдываютъ во всемъ, а мужиковъ во всемъ винятъ. Да ужь и народецъ, я вамъ доложу-съ! Все какіе-то они воришки стали! Все это имъ стянуть хочется: съ колесъ норовятъ шину ободрать—желѣзо-то пуще золота мужику нужно — норовятъ даже съ уздечки колечки-то пообрѣзать! Тамъ ремешокъ стянутъ, а вмѣсто него намотаютъ лычко; тамъ какую ни наесть иную пакость умудрятся сдѣлать, а не то, такъ инструменты пораскрадутъ. А то просто, вмѣсто работы, завалятся спать, какъ-будто и дѣло какое дѣлаютъ.

— Что̀-жь вы, Михѣй да Андрей, на работу?

— Нельзя: праздникъ!

— Какъ праздникъ? будній день.

— Іова многострадальнаго: у насъ приходъ.

— Совсѣмъ не тотъ здѣсь приходъ.

— Да не здѣсь, а у насъ: мы смоленскіе.

— Да вѣдь это не табель.

— Въ царёвой грамотѣ о праздникѣ работать не указано!

— Ну, вотъ съ мужикомъ вы и столкуйте! А вѣдь онъ самъ знаетъ что лжетъ, да думаетъ: авось надую! можетъ, Господь и поможетъ! Третьяго дня, вотъ у насъ на фермѣ, въ барскій-то дворецъ вольные-то работники въ окно черезъ фортку влѣзли. Скоро захватили, а то бы, чай, все пораскрали. Поймали ихъ, да въ допросъ. Ну, тѣ оправдываются, говорятъ, будто хотѣли полюбопытствовать:

какъ это баре въ палатахъ живутъ? А такъ-какъ, по ихъ разсчету, ихъ, лапотниковъ, внутро туда не пустили бы, такъ они въ фортку и просунулись... и какъ ихъ это угораздило черезъ фортку? вѣдь народъ-то какой здоровенный, даромъ что не рослый!

— Чѣмъ же бы вы, Аверьянъ Ѳомичъ, объяснили такое жалкое положеніе людей, работающихъ не изъ-подъ неволи, а по доброй охотѣ? или, по-крайней-мѣрѣ, чѣмъ бы вы полагали это дѣло поправить?

— Я, какъ, то-есть, таперича, будучи самъ дворникъ, и какъ содержу я таперича, то-есть, постоялый дворъ, такъ полагаю я, по глупому своему разумѣнію, что кормить надо рабочихъ людей сытнѣе. У меня есть таперича не одинъ десятокъ рабочихъ; у другихъ рощенниковъ сотни ихъ имѣются—а никто же вотъ на наемныхъ не жалуется. И дѣло идетъ знатно! А какъ скверно-то его накормишь, ты ему и дѣло иной разъ замѣтишь, а онъ тебѣ въ отвѣтъ: «тебѣ хорошо разбирать, какъ ты сытъ», или: «это-то ты видишь, а какъ мы голодные спать ложимся, этого ты не вѣдаешь!» А сами посудите, что̀ за плата девять цѣлковыхъ? Оно только кажется, что много. У насъ, въ рощахъ, въ день платятъ 65, да 70 копеекъ. Считайте въ день хоть по полтинѣ безъ харчей, вотъ ужь двѣнадцать рублевъ въ мѣсяцъ, безъ праздниковъ! Жалованье-то положи мужику жалованьемъ, а корми его, чтобы сытъ онъ былъ. Цѣны на жалованье, гдѣ коли людное мѣсто, по спросу строются; ну, а какъ таперича глухое мѣсто, мужика-то, думаютъ, и поприжать можно. Ну, на жалованье, пожалуй себѣ, поскупись, да за то ужь хоть корми его въ сытость.

Я невольно тутъ вспоминаю про Петербургъ, про каменщиковъ, что̀ мостовыя мостятъ, и про другихъ рабочихъ. Работа у всѣхъ на глазахъ, почти всюду прескверная, а кормы да разносолы, почти всюду, одни и тѣ же: хлѣбъ да вода. Развѣ-развѣ мужичокъ иной разъ купитъ ситничка.

Есть у меня въ Петербургѣ знакомый человѣкъ, Ефимъ Андреичъ Грачовъ — личность очень-замѣчательная. Онъ огородникъ. Онъ изъ мужичковъ, кажется, и теперь, благодаря уму, познаніямъ и характеру,

человѣкъ капитальный и гильдейскій купецъ. Рабочихъ у него множество, и никогда онъ на нихъ не жалуется. И они его и любятъ и уважаютъ. Ѳомичъ высказалъ, какъ мнѣ кажется, мысль очень вѣрную. Поэтому я считаю нужнымъ разсказать, какъ содержитъ своихъ рабочихъ г. Грачовъ, и полагаю, отчего бы и другихъ работниковъ не кормить такъ, какъ кормятъ огородниковъ?

Рабочихъ нанимаютъ на семь лѣтнихъ мѣсяцевъ. Жалованье по условію; въ Петербургѣ отъ 70 до 90 рублей въ лѣто. При этомъ квартира, портомойня и баня хозяйскія. Харчи тоже хозяйскіе. Рабочіе встаютъ въ четыре часа утра; полчаса дается имъ на то, чтобъ прибраться. Въ четыре съ половиной утра каждый долженъ быть при своемъ дѣлѣ. Въ девять часовъ утра рабочіе завтракаютъ; на это имъ дается полчаса. Ровно въ полдень обѣдъ; на обѣдъ съ отдыхомъ полагается два часа. Въ два часа снова на работу, которая оканчивается въ девять часовъ, и тутъ рабочіе ужинаютъ, бесѣдуютъ и затѣмъ ложатся спать.

Сытаго человѣка всегда можно признать съ разу: онъ и на работѣ, и на походѣ вѣчно поетъ.

Работа на огородахъ раздѣляется на два періода: болѣе тяжелая съ Пасхи до Петрова дня; менѣе тяжелая съ Петрова дня по конецъ осени.

На завтракъ рабочему всегда идетъ щи и хлѣбъ.

На обѣдъ и ужинъ всегда одни и тѣ же блюда, и именно: во время болѣе тяжелой работы — щи съ солониной, хлѣбъ, каша съ русскимъ масломъ; когда работа не такъ тяжела, то щи съ свѣжей говядиной и хлѣбъ. Въ посты щи со снѣтками, кашица со снѣтками, потомъ каша; хлѣбъ само-собою разумѣется. Мяса полагается — и это очень-строго соблюдается — по одному фунту чистаго вѣса, безъ костей, на человѣка; все же прочее отпускается безъ счета, рѣшительно въ сытность, сколько душа пріиметъ. Солонина непремѣнно должна быть самого лучшаго качества, именно коломенская; свѣжая раговядина непремѣнно черкасская; сортъ, по преимуществу, грудинка: оно для мужика пользительнѣй, и слаще и сытнѣе. Хлѣбъ и квасъ всегда хорошій, буквально въ волю. Его иногда мужики ѣдятъ, толь-

ко-что отъ сна вставши. Кашица всегда бываетъ изъ овсяныхъ крупъ, а каша всегда пшенная. Причина та, что гречневая очень нѣжна и быстро переваривается, а мужику нужно, чтобъ у него желудокъ подольше былъ полонъ. Отъ этого за столомъ у рабочаго человѣка никогда не бываетъ киселя: онъ сытости не придаетъ. По простымъ воскресеньямъ особенныхъ прибавокъ къ будничнымъ блюдамъ не бываетъ. Въ большіе и храмовые праздники для рабочихъ пекутся пироги, а иногда дается водка, но въ именины хозяина, въ его семейные праздники, пирогъ и водка бываютъ непремѣнно. Если встрѣчается нужда усилить и продлить работу, то хозяинъ ласково и вѣжливо проситъ ребятушекъ уважить его, по такимъ-то и по такимъ причинамъ, поработать еще часика два; за это тутъ же дается серебрянный рубликъ на чай на десятокъ рабочихъ (*).

— Ужь послѣ этого какъ же тутъ завестись лѣнтяямъ да воришкамъ? неслыханное дѣло, сударь, замѣтилъ Ѳомичъ.

— А у васъ та̀къ кормятъ у кого-нибудь во дворѣ? на мѣсчинѣ?

— И-ихъ, захотѣли вы: подобія никакого нѣту-съ! Вотъ у рощенниковъ, или то-есть на постоялыхъ, точно, что знатно кормятъ; да вѣдь тутъ рабочіе кормятся за свои деньги.

— Вотъ вамъ анекдотъ, та̀къ, для соображенія: запишите его, коли понравится, сказалъ возвратившійся съ обмѣра управитель. — Распахали мы, сударь, еще давнымъ-давно, церковную землю. А такъ-какъ причту надо же чѣмъ жить, то контора, взамѣнъ земли, и обложила приходъ денежною ругою, по чемъ тамъ прійдется съ тягла. Десятки лѣтъ шло дѣло дружно; всѣ стороны были довольны. Нынче крестьяне, какъ вы знаете, не хотятъ платить ружныхъ денегъ. Они поняли, что церковная земля, рано ли, поздно ли, должна быть воз-

(*) У извѣстнаго подрядчика Гр. Ив. Гладина, рабочимъ выдается: въ скоромные дни — щи съ говядиной, полагая ее, вмѣстѣ съ костями, по 30 фунтовъ въ мѣсяцъ на человѣка, хлѣбъ и каша въ волю; въ постные дни — горохъ, каша и хлѣбъ въ волю. Масло въ кашу, и въ постные и въ скоромные дни, полагается всегда постное, по 3 фунта на человѣка въ мѣсяцъ, или по фунту въ день на десять человѣкъ. Рабочимъ идетъ отъ хозяина квасъ. На завтракъ только хлѣбъ. Портомойня у рабочихъ своя собственная, но баня и леченье на хозяйскій счетъ. Молва ходитъ, что г. Гладинъ содержитъ своихъ рабочихъ лучше другихъ подрядчиковъ.

вращена церкви: такъ, чтобъ послѣ не поплатиться своими участками и надѣломъ, вывели теперь все дѣло наружу тѣмъ, что отказываются платить лишній налогъ, хотя сами этой землей они и пользовались, а часть ея крошечная отошла и подъ господскую усадьбу. Вотъ я, вмѣстѣ съ священникомъ и съ мужиками, и пошелъ указывать границы церковной земли, какъ опредѣлены онѣ по планамъ генеральнаго межеванія. «Вотъ—говорю ему—вотъ, батюшка, ваша земля: она неотъемлемая церковная собственность; возьмите ее себѣ обратно. А такъ-какъ вонъ съ того конца маленечко землицы не хватаетъ, этакъ съ десятинку, такъ я, чтобъ ссоры не заводить, прирѣжу вамъ, вотъ съ этого конца, вотъ лѣсочку-то этого прихвачу». А на прирѣзкѣ-то на этомъ, что̀ я попу уступаю, растетъ съ десяточекъ дубковъ. Ну, у насъ весь народъ знаетъ, что всѣ деревья наши отданы ужь по контракту насрубъ: стало и эти дубки тоже. Но священникъ и знать этого не хочетъ; «я, говоритъ, не пущу рощенниковъ! Если вы эту земельку церковною дѣлаете, такъ подайте и дубки! и дубки церковные!» Я ему на то: «да вѣдь контрактъ!» Нѣтъ, мой попъ наладилъ свое: дубки стали церковные, подавай ихъ сюда! Мужики видятъ, что священникъ настаиваетъ, ухмыляются, да себѣ на усъ мотаютъ: постой же, молъ, вотъ и мы тебя дубками-то поприжмемъ!

Мнѣ эта мелочная придирка къ дубкамъ нисколько не показалась выходящею изъ уровня обыкновенныхъ нынѣшнихъ явленій. Ту же самую претензію, какую причтъ предъявляетъ на дубки, сами землевладѣльцы, почти въ той же формѣ, да еще и въ болѣе комичной, предъявляютъ къ мужикамъ, а мужики, въ свою очередь, претендуютъ на землевладѣльцевъ: каждая сторона желаетъ что̀-нибудь другъ у друга оттянуть, не по злому желанію во что̀ бы ни стало завладѣть чужою собственностію, а просто изъ наивнаго разсчета: авось и можно? зачѣмъ упускать случай кое-что въ свою пользу выгоношить?

— И изъ-за десяти дубковъ, которые, въ общемъ счетѣ отданнаго на срубъ лѣса, пошли въ ничтожную сумму, въ какой-нибудь рублишка-другой, у насъ произошла распря! прибавилъ управитель.

— Что жь вы не уступили, если цѣнность ихъ ничтожна?

— Страшно уступить! винить нашего брата нельзя за это, потому-

что уступи я десять дубковъ тутъ, съ меня мужики, по тѣмъ же самымъ основаніямъ, потребуютъ уступки десяти десятинъ земли въ другомъ мѣстѣ, такой земли, которая, при нынѣшней общей запущенности, можетъ ни копейки не стоить, но которая, съ перемѣною обстоятельствъ, будетъ стоить тысячи рублей. Вамъ со стороны легко судить, да обвинять человѣка!

Въ комнаткѣ было жарко и душно. Мухи не давали покоя. Управитель расположился обѣдать, хотя обѣденное время давно ужь прошло. Я вышелъ посидѣть въ сѣнцы, въ тѣни, и подошелъ къ воротамъ. Недалеко отсюда слышались веселыя бабьи пѣсни; дѣвки хороводъ водили; смѣхъ и хохотъ такъ и раскатывались по селенью. Не то было передъ глазами.

На завалинкахъ, у воротъ постоялаго двора, собралась толпа полупьяныхъ мужиковъ, ходившихъ съ цѣпью за управителемъ. Шумно они толковали и выражали неудовольствіе, что этакой сегодня праздникъ, а они, съ цѣпью да съ кольями, на жарѣ мучаются.

— Да вѣдь мы, православные, сами сегодня зазвали управляющаго, сами его упросили обмѣрить землю, говорилъ одинъ мужичокъ.

— Ты, старикъ, въ наши рѣчи не мѣшайся, возразилъ какой-то рябой парень:—теперь не прошлая пора. Мѣрять землю ихнее дѣло, они и нанимай себѣ работниковъ, а насъ не замай!

— А слышали, ребята, что̀ сказалъ еще управляющій? говорилъ другой крестьянинъ.—Онъ говоритъ, что надо батькѣ озими засѣять.

— Ну, важное дѣло, засѣемъ, только бы ружныхъ денегъ намъ не платить. Одинъ конецъ по-крайности.

— Какъ «засѣемъ»? съ чего «засѣемъ»? Пентюхъ ты, братъ, вотъ что!

— Да вѣдь надо жь попамъ, не денегъ, такъ хлѣба?

— А намъ что̀ за дѣло? Мы ругу-то имъ въ петровъ день внесемъ впослѣдніе, впередъ за полгода, такъ дляче намъ обузу на себя брать, да землю имъ обсѣвать?

— И руги въ петровъ день платить не надо. Нечего деньги на вѣтеръ бросать!

— Ну, землю вспахать да обсѣять надо.

— И этому не слѣдъ: дадутъ причту землю, онъ съ ней и дѣлайся самъ, какъ знаетъ! Насъ же наймутъ! мы же денежки возьмемъ!

— Управляющій не допуститъ.

— Да какъ онъ, старый чортъ, смѣетъ? Міромъ положимъ, вотъ-те и конецъ.

— А чтò ребята, и взаправду? не станемъ слушать управляющаго!

— Пускай перво отрѣжетъ намъ, въ надѣлъ, вонъ это поле, чтò на выѣздѣ.

— Барское! не тронь! ну его!

— Его намъ и давай! Подъ церковь наши нашии вѣдь отрѣзали жь?

— Али такъ, ребята?

— Приступимъ къ управляющему? Пусть отдастъ барское яровое?

— Не отдастъ добромъ, такъ мы его, стараго чорта, проучимъ: не пойдемъ на работу, да и нà вотъ!

— А чтò, ребята, возьмемъ-ка съ него сегодня по два цѣлковенькихъ на брата? Хе-хе-хе... вотъ-то взбѣленится! Вѣдь праздникъ! Законъ такой есть, что въ праздникъ вдвое цѣна.

— Возьмемъ! возьмемъ по два цѣлковичка! Поплатится онъ!

— То-то мы выпьемъ!

— Запляшетъ у насъ, сѣдой чортъ! Кудъ сталъ прижимистъ! Совсѣмъ не то, что прежде!

— Чтò вы, ребята, тамъ больно ужь громко разговариваете да шумите? Вѣдь знаете, что я здѣсь близко? отворивъ окно, крикнулъ имъ управитель. Сбирайтесь къ лѣску: я сейчасъ выйду мѣрять.

— Чего «выйду», батюшка? вы намъ прежде, ваша милость, денежки заплатите!

Управитель стремглавъ выбѣжалъ изъ избы на улицу.

— Чтò ты мнѣ сейчасъ сказалъ? спросилъ онъ, остановивъ одного крестьянина.

— Я сказалъ, что таскать насъ задаромъ нечего: платите деньги прежде.

— Какія деньги?

— Заработныя! Чтò мы? рабы, чтò ли, али невольники какіе, чтобъ въ праздникъ тебѣ цѣпь таскать? Не прежняя пора! Мы пахатники, а вы насъ вона куда!

— Плати по два цѣлковыхъ за праздникъ! закричало нѣсколько голосовъ.

— Шапки долой, коли со мной говорите.

— Да чего тутъ шапки? Шапки не мѣшаютъ. Даве съ твоей милостью здоровкались, ломали шапки-то тебѣ.

— Шапки долой, канальи! закричалъ управитель, шибко ужь осерчавъ.

Мужики, въ торопяхъ, въ минуточку поскидали шапки (*).

— Ну, теперь говорите. Чего вы хотите? спросилъ онъ, совершенно спокойнымъ голосомъ.

— Да чтó, ваша милость, думается намъ такъ: не слѣдъ ли намъ съ тебя, за рабочій день въ праздникъ, двойную плату взять, хошабъ по два рублика, примѣрно?

— Нѣтъ, этого не слѣдуетъ. И знаешь почему?

(*) Наивность крестьянъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они задумаютъ похорохориться, бываетъ изумительная. Мужикъ любитъ тишь да гладь, да божью благодать и, какъ разъ опѣшаетъ, остолбенѣетъ отъ ловко направленной угрозы или отъ хладнокровной воздержности противной стороны. Не помню, кто-то изъ ѣзжалыхъ по Руси людей разсказывалъ мнѣ анекдотъ, выдаваемый имъ за истинное происшествіе. Лѣтъ двадцать, коли не больше, тому назадъ, гдѣ-то по пути въ Малороссію, крестьяне, доведенные обстоятельствами до нищеты, потеряли бодрость и всякое терпѣніе и рѣшились на послѣднее средство: идти на разбой. Вооружились они дубьемъ и пошли на большую дорогу, устроивъ себѣ притонъ въ лѣсу. Ѣдетъ наконецъ по лѣсу какой-то проѣзжій. Толпа остановила и обступила бѣднягу. Тотъ видитъ: народу много и всѣ съ дубинками.

— Что вы, братцы, за люди? бойко спросилъ онъ.

— Мы, батюшка баринъ, разбойники! отвѣтила толпа, поскидавъ шапки.

— Какъ разбойники?

— Да тáкъ, батюшка, разбойники: хотимъ деньги у тебя отнять!

— А много ли вамъ надо?

— Арефій Петровичъ? обратился одинъ мужикъ къ другому, что постарше: — смекни-ка, много ль надо намъ у барина-то отнять?

— Да вотъ Архипъ, Егоръ, Миколка, да Спирька съ женой, да Ефимъ Иванычъ съ женой да съ дѣтьми... двадцать рублевъ надо!

— Ну, вотъ вамъ двадцать-пять и прощайте! сказалъ проѣзжій.

— Да какъ же, батюшка, вѣдь у насъ сдачи нѣтъ... отвѣтили на это разбойники.

*

— Нѣтъ, батюшка не знаемъ.

— А потому, что здѣсь всѣ мы, и я, и вы, на общее дѣло трудимся. Вы меня звали, чтобы я для васъ поработалъ? Я пріѣхалъ, работаю для васъ, денегъ съ васъ не требую. А это не мое дѣло: я командую вами только по хозяйству, а землю мѣрять — землемѣры есть: ихъ зовите.

— Такъ, батюшка, такъ; оно точно.

— Ну, я для васъ не изъ мзды хлопочу, а вы мнѣ прислуживаете тоже не изъ мзды, а на пользу міру: платить вамъ, стало-быть, и не слѣдуетъ.

— Оно точно-что того, ваша милость, конечное дѣло.

— Да что онъ лясы-то точитъ, вы уши-то, ребята, еще больше развѣсьте! крикнулъ кто-то въ толпѣ.

— Молчи, не шкни, прахъ-те побери!

— Вы ужь, батюшка, ваша милость, маленечко поизвините: народъ-то вишь сегодня больно подгулямши. Какъ-быть: праздникъ господенъ.

— Ужь какъ ввяжутся, батюшка, эти двѣ змѣи, Сенька да Мишка Баскаковы, грѣха только съ ними не оберешься.

Дѣло умирялось и лады устанавливались. Люди потрезвѣе оттаскивали отъ кружка пьяныхъ мужиковъ, а иныхъ, посмирнѣе, и просто въ загривокъ своя же братья сгоняла съ передняго плана. Разговоры направились на нарѣзку земли, въ-замѣнъ отошедшей причту; предложенныя управителемъ условія принимались крестьянами охотно.

— Ну, а какъ же, ваша милость, съ яровымъ-то съ господскимъ?

— Съ которымъ?

— А вотъ, что съ краю.

— Господское господскимъ и останется.

— Это, батюшка, малепечко, мужичкамъ обидно.

— Не бывать тому такъ! нежданно закричали голоса сзади. Съ краю усадьбы, да у мужиковъ отнимать?

— Да вѣдь барское!

— Даромъ-что барское: мужикамъ отдай, благо съ-руки.

— Глупости вы выкиньте изъ головы, строго началъ управитель.— Я вамъ указалъ, что̀ пойдетъ въ надѣлъ? вы довольны? чего же вамъ еще?

— Барское яровое намъ отдай!

— Ужь вы, батюшка, не пожалѣйте; уступите православнымъ яровое-то; а вотъ въ ту-то полосу намъ не рука: больно далече пахать ѣздить.

— Да что вы, ребятушки, въ умѣ рѣхнулись, что̀-ли? какъ же таки можно на чужое руки налагать?

— Небось, тутъ на чужое, а то такъ и все ничего! горланили голоса сзади.

— Яровое сряду подлѣ усадьбы, и отрѣжь его намъ.

— Если вы не перестанете такой вздоръ нести, я съ вами минуты толковать не стану.

— Врешь, братъ, станешь, старый хрѣнъ! Небось, какъ въ руки-то тебя возьмемъ, запоешь пѣсню-то не такую!

Кто говорилъ это — осталось неузнаннымъ: управитель показалъ видъ, что ничего не слышитъ.

Толпа, состоявшая сначала изъ трехъ отдѣловъ — недовольныхъ, умѣренныхъ и безучастныхъ, теперь раздѣлилась на двое; большинство бранило меньшинство, недовольныхъ, и корило ихъ, что вина въ нихъ теперь больше, чѣмъ совѣсти. Старики и многіе изъ молодёжи ласково и вѣжливо упрашивали управителя не относить сегодняшняго несогласія на весь міръ, а между-тѣмъ давали замѣтить, что сходомъ у нихъ уже порѣшено дѣлать отпоръ конторѣ во всемъ, если мало-мальски замѣтятъ, что ихъ хотятъ земелькой обидѣть.

— Вѣдь, батюшка, ваша добрая воля: не то всѣ пойдемъ на барщину и оброку не дадимъ ни копейки.

—Ну, братцы, у васъ еще чадъ въ головѣ, если вы ужь въ меня не вѣрите. Очнитесь прежде; потомъ потолкуемъ.

Мы уѣхали, не двинувъ дѣла по этому селенью ни на шагъ впередъ.

Вторникъ, 13-го іюня.

Сегодня здѣсь загорѣлась работа. Бабы еще съ ночи съѣхались сюда никакъ со всѣхъ деревень, и сегодня, съ ранняго утра, съ громкими пѣснями, возятъ навозъ. Управитель не налюбуется, глядя на нихъ, и говоритъ, что врядъ ли гдѣ еще найдется другая вотчина, гдѣ бъ на барщинѣ такъ же усердно работали, какъ здѣсь. Лошади славныя; телеги исправныя; груза наваливаютъ пудовъ по двадцати и вывозятъ на поле чуть-чуть что не рысью, а назадъ все вскачь возвращаются. Пѣсни такъ и горланятъ. Голоса все контральто. И какой же народъ эти бабы: совершенные гренадеры, рослыя, полногрудыя, руки и ноги точно изъ бронзы вылиты; только выраженіе лицъ немножко деревянное; пріятныхъ, красивыхъ физіономій мало.

Намъ надо сегодня ѣхать въ третье село и тамъ развѣдать о состояніи умовъ. Управитель говоритъ, что если не повторится вчерашняя исторія, онъ непремѣнно прочтетъ проектъ заготовленнаго контракта, а съ людьми въ ненормальномъ положеніи нечего на это и время терять.

Сейчасъ мнѣ сказалъ управитель вотъ что: въ томъ селѣ, куда мы ѣдемъ, крестьянской земли круглымъ счетомъ десятины по четыре у каждаго. Помѣщичьей запашки десятинъ двадцать. Есть господскій домишко, старенькій, въ родѣ избы, одноэтажный, и кой-какое хозяйственное обзаведеніе. И здѣсь, какъ и въ другихъ селеніяхъ, крестьянамъ въ надѣлъ слѣдуетъ по $3^1/_4$ десятины на душу; но пока еще надѣлъ произойдетъ, надо уладить дѣло съ ругой. По давней забывчивости, церковная земля изстари распахана: часть ея подъ барскимъ полемъ, часть подъ крестьянскимъ: за все это, кажется, одни мужики платятъ ругу деньгами. Міръ изъявилъ волю: не платить руги. Воля эта законная; контора не можетъ ее не уважить; землю слѣдуетъ возвратить церкви; она неотъемлемая церковная собственность и значится такою еще по планамъ генеральнаго межеванія. Чтобъ привести церковную землю въ законный видъ, то-есть возвратить все, отъ нея временно отчужденное подъ пашни, придется отрѣзать десятинъ по десяти и отъ господскихъ полей и отъ крестьянской запашки. Больше этой половины

отъ «своей» запашки контора, по хозяйственнымъ разсчетамъ, дать не можетъ. Но вотъ въ чемъ задача. Крестьяне, хотя у нихъ, за отрѣзкою церкви десяти десятинъ, и останется въ узаконяемый надѣлъ достаточное количество земли — до той поры, пока уставная грамота не будетъ утверждена, непремѣнно сочтутъ себя обдѣленными и обиженными землею. У нихъ землю-то подъ церковь отрѣжутъ, а разсуждаютъ, что въ-замѣнъ ея ничего дать нельзя, да будто и не слѣдуетъ, да будто и опасно, чтобъ послѣ на этотъ клочокъ притязаній какихъ они не предъявили. А обольготить ихъ въ оброкѣ тоже будто невозможно: по стеченію обстоятельствъ и по хозяйственнымъ распоряженіямъ, необходимы теперь наличныя деньги.

Управитель смекаетъ, стало-быть, что право на сторонѣ крестьянъ; смекаетъ, стало-быть, чего онъ долженъ ожидать при объясненіяхъ съ мужиками? и меня интересуетъ, чѣмъ онъ отъ мужиковъ отдѣлается? да и станетъ ли онъ отдѣлываться?

Ѣхали долгонько. Проѣзжали лѣсъ, проданный г. Кокореву: хорошій лѣсъ. Ну — рубятъ! По дорогѣ встрѣтили двухъ чибисовъ, двѣ драфы и двухъ вороновъ. Видѣлъ два «временныя строенія», славныя, богатыя съ пристройками избы, принадлежащія двумъ рощенникамъ, раньше покупки г. Кокорева заключившимъ условіе на срубку лѣса. Это именно Хомутовъ-отецъ и Хомутовъ-сынъ. Ничего, рубятъ! Все рубятъ!

Я не познакомился съ этими, какъ говорятъ, весьма-замѣчательными личностями, особенно съ старикомъ Хомутовымъ, но я еще прежде кое-что слыхалъ объ немъ. Между-прочимъ мнѣ разсказывали, что онъ нынче съ управителемъ не совсѣмъ будто бы въ ладахъ, и будто бы вотъ по какому случаю.

Хомутовъ, силою характера, труда, терпѣнья и ума, вышелъ въ капиталисты изъ мужичковъ, не то изъ господскихъ, не то изъ государственныхъ. Сдѣлавшись здѣшнимъ рощенникомъ, онъ, естественно, не могъ же обречь себя глуши и искалъ знакомства добрыхъ людей,

между прочими и управителя. Познакомились они. Хомутовъ въ своемъ «логовищѣ», какъ онъ называлъ свою избу въ глухомъ лѣсу, жилъ съ женою въ полномъ довольствѣ. Гостей своихъ онъ мастеръ былъ угостить. Шампанскаго бутылочка-другая-третья всегда найдется у него на погребу; найдется и рейнвейну, и барскихъ закусочекъ, и дорогихъ плодовъ, и чего душа ни захочетъ. Самъ онъ, конечно, не былъ лакомкою: это полуугрюмый здоровякъ-старикъ, прямой, суровый, воспитанный на старыхъ преданіяхъ; но иногда, подъ веселый часъ, любитъ онъ щегольнуть, потщеславиться богатствомъ и побѣсить другихъ изъ шутки.

— Поѣдимъ, батюшка, персиковъ; оно послѣ закусочки-то ладно, а тамъ, пожалуй, и редерерцу прихватимъ по стакашкѣ, говорилъ онъ однажды, угощая управителя.

— Ну, ужь это слишкомъ-важно: намъ бы хоть и портерцу, такъ и то слава Богу!

— Э, полноте, батюшка, надо же деньги куда дѣвать.

— Лучше жь на путное что̀ нибудь.

— Я ужь и то о путномъ задумываю: домикъ, вотъ, хочу купить, этакъ бы съ садикомъ.

— Вотъ это дѣло.

— Съ ранжиреями бы...

— И это можно.

— Да вотъ, сказываютъ, задумываете вы барскую усадьбу продать?

— Такъ что̀ же?

— Ее развѣ?

— Да ты въ умѣ ль, мужикъ-сиволапъ?... графскую-то усадьбу?

— А что жь? развѣ я усадьбы-то этой не видывалъ?

— Мимо шелъ, такъ за двѣ версты шапку скидалъ предъ пустымъ балкономъ!

— А теперь на этомъ балдахонѣ желаніе имѣю чайки попивать съ супружницей, съ Агафьей Спиридоновной. Эге, да еще какъ распивать-то станемъ!

— Затесалась ворона въ барскія хоромы!

— Ворона воронѣ рознь: то̀ я другимъ въ-поясъ кланялся, хоша бы тебѣ, а то̀ ты мнѣ въ-поясъ поклонишься, даромъ-что главноуправляющій!

— Я-то тебѣ не поклонюсь!

— Поклонишься!

— Не поклонюсь.

— Эй, поклонишься: въ управители возьму.

— Не пойду я къ тебѣ въ управители.

— Врешь, братъ, пойдешь: шесть тысячъ дамъ въ годъ!

— А все-таки не пойду.

— Пойдешь! эй, пойдешь! вѣдь ты кармановъ-то набивать не умѣешь, а вѣдь дѣти, братъ... дѣти! не побрезгаешь! пойдешь!

— Полно тебѣ пустяки-то молоть: ну, какой ты баринъ? ты просто мужикъ, какъ есть мужикъ мужикомъ.

— Взгляни-ко ты на меня. А что̀? осанка не барская, скажешь? а взглядъ нешто не барскій? Да ты, и зажмурившись, знаешь, что у меня вотъ въ этомъ кармашкѣ двѣсти-тридцать тысячъ серебрецомъ уложено, да пудовъ пять посуды серебряной, да образовъ въ окладахъ сколько! Захочу, всѣхъ васъ скуплю до единаго, да и съ тобой вмѣстѣ, да и съ бар...

Такой похвальбы не могъ переварить управитель. Пошло слово за̀-слово и съ-тѣхъ-поръ они ни ногой другъ къ другу.

Пріѣхавъ на мѣсто, мы остановились въ господской избѣ, занятой прикащикомъ изъ дворовыхъ, моложавымъ человѣкомъ, но уже женатымъ и съ кучею дѣтей.

Передъ окнами собралась большая толпа народу. Впереди всѣхъ, въ ряду другихъ предполагаемыхъ оппонентовъ, стоялъ нелюбимый управителемъ Архипка, самоучка-землемѣръ Архипъ Терентьевъ.

Толпа, дѣйствительно, начала горланить и все изъ-за руги. Крику между мужичками было много, но много и розни: кто въ лѣсъ, кто по дрова; много несли они дичи, но много и дѣла говорили и всѣ были отмѣнно-почтительны; даже во время самыхъ горячихъ взрывовъ неудовольствія всѣ стояли безъ шапокъ. Умнѣе всѣхъ говорилъ и настоятельнѣе всѣхъ выражалъ неудовольствіе міра за обдѣлъ землею Архипъ Терентьевъ.

Такъ-какъ проектъ контракта все еще не былъ переписанъ, то самому же мнѣ и пришлось прочитать его передъ міромъ, по приглашенію управителя. Мужики неохотно стали его прослушивать.

— Что̀ намъ, ваша милость, попусту бумагу-то читать; вы лучше, батюшка, дѣло намъ говорите, а бумага все терпитъ!

— Вотъ тутъ наше дѣло я вамъ толкомъ и растолкую, а то, вишь вѣдь вы азартные какіе стали: не выслушавъ всѣхъ моихъ рѣчей, да горло дерете.

— Мы, батюшка, горла не деремъ, а вашей милости кланяемся — не обидьте вы мужичковъ на-послѣдяхъ. Десять вы лѣтъ благодѣтелемъ намъ были; теперича, сказать, поправили насъ; поступали съ нами вправду; мы о-сю-пору въ надеждѣ на васъ были...

— На меня и надѣйтесь: я васъ никому не дамъ въ обиду.

— Да̀, а руга-то?

— Да вѣдь я жь вамъ даю землю, сколько вамъ по закону дать велѣно. А вотъ вы еще прислушайте эту бумажку: коли облюбите — такъ и сами къ ней руку прило̀жите и помѣщикъ подписку самъ сдѣлаетъ.

— Ну, давай, ребята, послушаемъ! обратившись къ толпѣ, сказалъ Архипъ.

— Да чего слушать-то? хитри, не хитри — все едино! возразилъ хромоногій мужикъ на костылѣ.

— Ужо̀ молчи, не замай; коли не вдомекъ пойдетъ, такъ и кинемъ, а пока послушаемъ, уговаривалъ Архипъ хромоногаго сосѣда.

— Хитрое дѣло! съ улыбкой и мотая бородой, толковалъ костыль.

— Да молчи, слушай!

Началось чтеніе. Всѣ навострили уши и вслушивались въ смыслъ контракта съ большимъ вниманіемъ. Только мужикъ на костылѣ ковылялъ понемногу кругомъ всей толпы, слегка присвистывалъ и безпрестанно повторялъ:

— У! штуки!... хитрое дѣло!... ужь коли бумага — значитъ держи ухо востро!... дѣло хитрецкое!...

Однако, пунктъ за пунктомъ проходили благополучно. Растолковывали и разжевывали міру каждую статью, и съ той стороны, и съ

этой, Архипъ Терентьевъ и еще другой, пожилой уже крестьянинъ, до того времени громче другихъ кричавшій. Старикъ на костылѣ перестаъ слоняться по сторонамъ и опять протискался на самый передъ. Міръ облюбилъ все условіе; между мужиками и управителемъ установились опять самыя благопріятныя отношенія.

Желалось управителю повидаться и поговорить съ причтомъ, но представитель его куда-то юркнулъ и, задами, куда-то поспѣшилъ выѣхать. Отношенія оказались не совсѣмъ ловкими.

Управитель съ приказчикомъ и съ народомъ пошли отъискивать и возстановлять межи и границы церковной земли; а я остался съ супругой приказчика, заинтересовавшею меня разсказами о томъ, какъ она съ мужемъ сама учитъ дѣтей грамотѣ и разнымъ рукодѣліямъ.

— А вотъ этотъ у меня — у-у, бойкій мальчишка, совершенный разбойникъ, разсказывала она, указывая на меньшаго сынишку.— Ребёнокъ прелюбознательный и, вообразите, до какой степени. Онъ все какъ-то ко мнѣ приставалъ: «зачѣмъ у человѣка подъ носомъ двѣ дирочки?» Я ему растолковывала, какъ умѣла, что, дескать, нужно чихать и сморкаться человѣку, и надобно нюхать разные запахи. Только, должно-быть, этого ему было мало. Ему хотѣлось хорошенько допытаться, къ чему именно служатъ эти двѣ дирочки и далеко ли онѣ провинчены? Вдругъ у него носъ сталъ пухнуть, да вѣдь ка̀къ разбухъ — ну, рѣпа-рѣпой сталъ. Я ума не приложу, что̀ бы это такое, а онъ самъ не говоритъ; наконецъ, спрашиваю его: «что̀ съ нимъ?» А онъ и отвѣчаетъ, что онъ себѣ горошинку посѣялъ, не выростетъ ли горохъ въ носу. «Да зачѣмъ ты сюда сѣялъ?» «Хотѣлось, говоритъ, узнать: глубоко ли дирочки провинчены?» Я ощупала: что̀ же вы думаете? запихалъ горошину подъ самую переносицу!

— Что̀ жь вы? скорѣй за докторомъ?

— Нѣтъ, сама ему вынула. Обточила лучиночку поглаже, да и выковырнула оттуда горошинку. Ужь крови-то, крови-то сколько лилось, и сказать не могу! Та̀къ вотъ съ-тѣхъ-поръ красноносымъ и сдѣлался!

Я посмотрѣлъ на мальчика: дѣйствительно, носишка у него былъ

совсѣмъ багровый? Впрочемъ, чувство обонянія хорошее и боли въ носу онъ никакой не чувствуетъ.

— А вотъ этотъ, старшенькій, должно-быть, живописцемъ будетъ: все-то онъ рисуетъ! что̀ ни увидитъ, иной разъ и просто изъ головы выдумаетъ—сейчасъ же все то̀ уголькомъ, то карандашикомъ, то просто перышкомъ и вырисуетъ.

— Вы его отдайте въ академію.

— Нѣтъ, нынче, говорятъ, трудно; не по нашему карману.

— Полноте, какъ можно; да вѣдь всѣ замѣчательные живописцы у насъ изъ сферы народа вышли.

— Это-то я слыхала. Знаю и сама, что талантъ промежъ мужиковъ является особенно въ ту пору, когда гдѣ въ какой церкви бродячіе богомазы образа малюютъ. Ну, ребятишки и бѣгаютъ въ церковь, сперва изъ любопытства, а тамъ иной маляръ мальчика приластитъ, приголубитъ да и заставитъ себѣ краски растирать. Мальчишка-то деревенскій какъ найдетъ себѣ этакого благопріятеля—онъ и не отходитъ отъ него, а глядя, какъ тотъ работаетъ, самъ пріучается водить мазилкой, споровку получаетъ, а тамъ, при милости божьей, талантъ-то у него и ростетъ, и ростетъ! Вотъ онъ и въ академію! а тамъ медали! ну, гордость, самолюбіе, знаете, успѣхи: талантъ еще пуще! — его за границію на счетъ казны; а тамъ мѣсто; а тамъ заказы! и богатѣютъ! Возьмутъ заказъ въ пятьсотъ рублей, да и переуступаютъ другому за триста, а сами въ книжкѣ росписываются въ пятистахъ: вотъ, скламши руки, двѣсти рублей и нажили! да этакъ въ годъ сколько иному съ казны-то прійдется?! Тысячами берутъ, коли большой талантъ и въ славѣ!

«Эге, молъ, сударыня, куда вы гнуть изволите!» подумалъ я, но не сказалъ ей.

— А вотъ теперь, продолжала она: — не тѣ, говорятъ, времена: во всемъ строже стало. Какъ бы то ни было, а надо девять цѣлковыхъ въ годъ одинъ билетъ въ академіи выправить, да на всемъ на своемъ жить, и квартира, и кормы!... А въ Петербургѣ и къ чайку пріучится мальчикъ... и одѣться-то надо почище... ну, опять же книжки—учиться тоже надо—ужь оченно оно тяжко молодому человѣку, еще мальчику, хлѣбъ насущный выработать.

Не согласиться съ этимъ было нельзя, а разувѣрять не слѣдовало.

— Это, конечно, такъ и со всѣми, а то̀ только вотъ больно, что у нихъ, тамъ, пріемные экзаменты обязательны. Ну, гдѣ мальчику въ глуши, въ деревнѣ, то̀ выучить, что̀ тамъ знать нужно, хоша бъ у родителей и средствія были? А безъ экзамента не пущаютъ! Ну, пусть бы приняли: учись, молъ, пока, рисуй, а экзаментъ послѣ додержишь: анъ нѣтъ; положенъ запретъ; мальчишка-то рыскай по городу—глядь, онъ ужь и изъ лѣтъ вышелъ! Какъ же-съ? нынче тамъ, говорятъ, сроки положены, по-какихъ-поръ принимать въ науку и до коей поры таланту открывать.

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ чужаго мужика, прослышавшаго, что приказчикъ желаетъ обомшить избу, со всѣхъ сторонъ доступную вѣтру.

— Что, мой голубчикъ, возьмешь замшить намъ эту избу? спросила хозяйка.

— Совсѣмъ стѣны сквозныя, отвѣчалъ мужикъ, осмотрѣвъ нѣсколько бревенныхъ вѣнцовъ.—Что̀ пальцомъ ткнешь—то̀ и дира! съ посвисту наскрозь пронесетъ!

— Затѣмъ-то и хотимъ ее обомшить.

— Обомшить, такъ и оконопатить надо: оно безъ того не живетъ!

— Что̀ жь бы ты взялъ? рядись!

— Первое слово — оно и послѣднее. Говорю безъ ряды. Торговаться—пустое дѣло. Семь цѣлкачовъ, на вашемъ капиталѣ: говорю впередъ, чтобъ спору опосля не было («На вашемъ капиталѣ» значитъ на хозяйскихъ харчахъ).

Но можно ли у насъ не торговаться? Я ихъ такъ и оставилъ торговаться; а самъ, взявъ ребятишекъ, побрелъ въ лѣсъ, на встрѣчу народу.

Громко по лѣсу ходили голоса и раздавался топоръ. Мѣрщиковъ земли сопровождала толпа мужиковъ и малыхъ дѣтей. Архипъ Терентьевъ былъ на первомъ планѣ и, отдѣльно отъ управителя и конторщика, самъ записывалъ къ себѣ въ бумажникъ, вѣроятно, для «доклада» и

соображенія міру, всѣ данныя, съ весьма-точнымъ и вѣрнымъ обозначеніемъ угловъ и направленія стрѣлки. Это ввело насъ въ обоюдныя бесѣды, изъ которыхъ я, между-прочимъ, узналъ, что Архипъ былъ въ крымской кампаніи въ ополченцахъ, потомъ проживалъ въ Москвѣ въ кучерахъ, а нынче ходитъ съ сохой и «рощей занимается», то-есть снимаетъ малыми участками лѣсъ на срубъ. Это малый толковый и очень любознательный, заставившій меня часа полтора, или два, на-ходу, въ промежуткѣ обмѣра и короткихъ отдыховъ, разсказывать ему и обступившей насъ толпѣ, разные эпизоды изъ церковной исторіи, а больше изъ русской. Очень занимала всѣхъ мужиковъ личность «нонѣшняго» Наполеона, котораго они считаютъ гораздо-дѣльнѣе «старика-Наполеона». Про того крестьяне разсуждали, что онъ «и умный, батюшка, человѣкъ былъ, да видно и на мудреца находитъ простота: и прахъ его знаетъ, дляче это онъ на Москву пошолъ? И вышло: ни себѣ, ни людямъ! Чай, послѣ и каялся, да поздно!» Про «нонѣшняго» они любопытствовали: «завелъ ли онъ себѣ хозяюшку, какъ ее засватывалъ, пошли ли у него ребятишки, каковъ парнишка у него и каковы-то они съ своими мужичками?»

При разговорѣ о школахъ, крестьяне передали мнѣ много очень-грустныхъ анекдотовъ не столько о состояніи грамотности, сколько о толковитости грамотниковъ и о продѣлкахъ разнаго класса грамотѣевъ, учащихъ нынѣ дѣтей грамотѣ. Однакожь, они взяли въ толкъ, что теперь отъ нихъ самихъ зависитъ открытіе первоначальныхъ школъ и опредѣленіе надежныхъ и угодныхъ міру учителей грамотности. Я имъ разсказалъ объ обязательности грамотности въ Пруссіи: имъ, повидимому, полюбилось это. «Дѣло, батюшка, хорошее; опять же и то сказать: нѣмцы — народъ хитрый!» (Объ Англіи у нихъ составилась странная идея: они понимаютъ, или, лучше сказать, представляютъ Англію чѣмъ-то въ родѣ старика-Хомутова: выше этого взгляда они подняться не могутъ).

Когда дѣло дошло до того, что у нѣмцевъ законъ допускаетъ къ св. причастію только молодыхъ людей, выдержавшихъ экзаменъ въ твердомъ знаніи основныхъ началъ христіанской религіи, мужички языки прикусили.

— Али не любо, что вы призамолкли? спросилъ я у нихъ.

— Не то что, батюшка, не любо, а то, что съ нашими бабами не сговоришь. Взвоютъ! Пойдетъ дымъ коромысломъ!

— А вы какъ на это смотрите?

— А нешто мы дѣтямъ своимъ не отцы? Мы знаемъ, что безъ причастія ребята и въ рай не взойдутъ: вотъ и шлемъ ихъ къ батькѣ въ церковь. А не носи-ка? да какъ умрутъ? вѣдь сгибнутъ! вѣковѣчно окаянными будутъ; мы ужь знаемъ!

Дружно и мирно мы толпой обходили межу; дружно и мирно толпа съ поклонами и спасибами проводила насъ до дому. Мы собрались уже и ѣхать; ужь лошади поданы; ужь и управитель вышелъ, совсѣмъ къ отъѣзду одѣтый; вдругъ слышу я голоса:

— Да что̀ онъ? Да какъ-таки такъ? Да мы-то что̀ ему? Да съ чего онъ это? Обида намъ, православные! О-о-го! У-у!

Толпа гудѣла подъ самыми окнами. Клики были громки и недружелюбны. Я вышелъ къ толпѣ. Передъ нею стоялъ управитель.

— Ну, да вотъ вамъ бумага: я вѣдь вамъ читалъ, ка̀къ и что̀ будетъ, говорилъ онъ.

— Да что̀ бумага! Бумага все терпитъ! кричала толпа.

— На бумагѣ-то ладно, а вишь ты, на дѣлѣ-то, ваша милость, не то дѣлаете! говорилъ одинъ крестьянинъ.

— У, хитрецкое дѣло! Ка̀къ тутъ повѣришь! мотая бородой, разсуждалъ хромоногій мужикъ на костылѣ.

— Ребятушки, все васъ мутитъ Филиппъ Карповъ! Не слушайте вы его, ребятушки: бунтовщикъ онъ, каналья!

— Да зачѣмъ же, ваша милость, все на него сваливать? Вы-то вотъ насъ поповской землицей вовсе обидѣли, батюшка!

— Не обидѣлъ я васъ, а какъ слѣдовало сдѣлалъ.

— Пахать вонъ то̀ поле, батюшка, мы не выѣдемъ, какъ вашей милости угодно!

— Выѣдете, потому-что я велѣлъ, а мое слово—указъ вамъ.

— Указъ-то указъ, да не ладный.

— А ослушаться не моги!

— Да вѣдь навозъ, батюшка, надо? Скажите-ка: надоть-ли?

— Ну, надо.

— А земля-то, можетъ, и не къ намъ попадетъ?

— Это послѣ окажется.

— За что жь мы навозъ-то разструсимъ понапраспу? Лучше жь мы на свои полоски его вывеземъ.

— Да вѣдь вы руги платить не хотите?

— Не станемъ; пусть свою землю возьметъ.

— Вотъ и вспашите ему.

— Сами могутъ: богачѣе насъ! А намъ таперича стало прокормиться нечѣмъ!

— Да вѣдь у васъ теперь все-таки больше чѣмъ надо, по «Положенію?»

— А меньше стало, чѣмъ прежде!... И пашню-то, эхъ Господи!... да и лѣскомъ-то... эхъ, чтобъ васъ совсѣмъ!... а оброкъ, небось, давай! Больно прытокъ!...

— Что, православные: пойдемъ всѣ на барщину.

— Видно такъ прійдется!... Лучшебъ дружно, да вишь не хотятъ сами!... Ну, на барщину!

— На барщину!... всѣ на барщину!

Такъ этимъ и кончилось дѣло. Народъ очень ужъ зашумѣлъ, а сговорить его не съумѣли, а софизмовъ онъ не принималъ. Архипъ Терентьевъ одинъ ныряль между рядами мужиковъ и уговаривалъ ихъ, что лучше ужъ покориться обстоятельствамъ, хоть пока, на-время, до уставной грамоты. Шумъ смолкалъ весьма медленно, наконецъ таки смолкъ.

— Вы, ваша милость, попридумайте что-нибудь; а то мужичкамъ оченно, право, ужъ обидно, сказалъ управителю одинъ изъ стариковъ.

— Ладно! Я еще къ вамъ побываю, да вы и сами-то въ мои резоны хорошенько войдите, отвѣчалъ управитель.

Мы уѣхали ни съ чѣмъ.

Среда, 14 іюня.

Вчера я забылъ, или, лучше сказать, не успѣлъ, какъ и прежде, ни описать мѣстоположенія селенія, ни очертить личностей, съ ко-

— Это дѣло надо подумавши сдѣлать, а головы-то теперь у всѣхъ у насъ словно верчены. Вишь ты, какое дѣло сотворилось: съ волей-то да съ землей надо прежде управиться! Дай ты намъ опомниться, да перво приготовить, что намъ пить да ѣсть, а о школахъ ужь тогда и попридумаемъ.

— Старинушка! есть пословица «куй желѣзо пока горячо».

— Вотъ и куемъ, родной, куемъ свое, пока не остыло; за все съ разу не схватишься, а хозяйство урядить, пока есть время, самое главное.

— Время на все бы хватило.

— Такъ-то такъ, родной, да видишь дѣло-то вонъ это таперича такое горячее, не упустить бы! А ужь и тутъ намъ похвальбы на предки есть!

— Какъ похвальбы?

— Да вишь, съ горяча-то, послѣ милостиваго манифесту, у становыхъ тамъ, да у иныхъ прочихъ руки-ноги опустились; ну, и мужички-то этакъ маленько поожили и не поддаются на затычины, а тоже, этакъ, поговаривать стали и своего крѣпко держатся, чтобъ, знаешь, не упустить, какъ... Ну, вотъ, знаешь, какъ не прежняя-то нонѣ пора, такъ оно какъ-то этакъ ладненько да тихо и идетъ, будто что насъ не обижаютъ попрежнему, а изподтишка-то на насъ и уськаютъ другихъ, да этакіе прелестники есть, что похваляются: «погоди, молъ, ужо изъ барскихъ рукъ выйдешь, попадешь въ другія, узнаешь, молъ, кузьку! возьмутъ, молъ, васъ въ такія ежовыя рукавицы, что волкомъ завоете! опять въ крѣпость проситься станете, да ужь нѣтъ! и близко, молъ, локотокъ, да не укусишь!»

— Вздоръ, братцы, не слушайте вы этихъ пустяковъ. Никогда хуже того, что было, быть уже не можетъ, сказалъ я, вспомнивъ, что это я ужь не впервые слышу.

— Ой-ли, али въ-заправду?

— Читайте «Положеніе» поприлежнѣе, сами въ толкъ возьмите.

— Эхъ ты, родной мой, читали мы; хорошо тамъ таково есть для мужичковъ, да вѣдь, братецъ ты мой, то на бумагѣ! Знамо дѣло, ка-

кой бы тамъ ни на есть случился чиновникъ, а подсыпятъ ему, онъ и все повернетъ въ ину сторону.

— Ну, и это пустяки, и этому не вѣрьте. Вамъ даны хорошія права. Вотъ какъ станутъ волости устраивать, да судъ учреждать волостной, такъ всѣхъ судей сами изъ своего міра выбирать будете.

— Читали мы это. А можно ли такъ будетъ, что коли который мірской человѣкъ да супротивъ міра пойдетъ, такъ его и по шапкѣ?

— А вы лихихъ людей не выбирайте; выбирайте справедливыхъ, чтобъ судили, да рядили побожески: конечно, коли кто станетъ не побожески, ну, того и по шапкѣ; вамъ же стыднѣй будетъ, что выбирали такого.

— Да оно такъ, да вѣдь не влѣзешь ему въ душу-то: продастъ!

— Вотъ осторожность-то да строгость въ выборѣ и нужны. Однако, пойдемте, вонъ и цѣпь слышна; скоро до этого мѣста дойдутъ мѣрщики.

— Постой маленько, родной; скажи-ка мнѣ ты еще вотъ что̀, сказалъ старикъ, отклонивши меня всторону.—Скажи ты, голубчикъ, мнѣ побожески: правда-ль, нѣтъ-ли, что нонѣшнее «Положеніе» дано только на два года?

— Какъ же, какъ же; вамъ, чай, читали это, да вы, думаю, и сами это изъ книги видѣли: на два года срокъ; въ два года непремѣнно царь велѣлъ кончить это дѣло.

— Нѣтъ, ты не то! я не про это!

— А что же такое?

— А вотъ у насъ въ-тишокъ баютъ, что ужъ и теперь положенье-то можно вводить и писать уставныя грамоты, да все это только та̀къ, примѣрно, для отводу.

— Вольному-воля: гдѣ крестьянство съ помѣщикомъ дружно сойдутся, да сговорятся полюбовно, тамъ хоть сейчасъ пиши уставную грамоту, хоть сейчасъ выкупай землю—и дѣло съ концомъ навсегда.

— Экой ты, я все не про то̀.

— А про что̀ же?

— Да говорятъ—старикъ оглянулся и, многозначительно подмигнувъ

торыми мы имѣли дѣло, ни обрисовать нарядовъ крестьянъ и ихъ физіономій въ ту или другую минуту затрогивавшихъ ихъ интересы разговоровъ. Ну, да ужь нѐчего дѣлать: это можетъ всякій самъ себѣ представить. Результатъ и вчера, какъ и прежде, все одинъ и тотъ же, то-есть, что здѣшніе мужики — прекрасные люди, отличный народъ! конечно, не безъ исключенія изъ цѣлой массы міра отдѣльныхъ его единицъ.

Особенно полюбился мнѣ Архипъ Терентьевъ. Конечно, онъ бывалый человѣкъ и успѣлъ уже пообтереться между людьми. Но и такъ-называемые здѣсь «сѣрые мужики», нигдѣ не бывалые, полузапуганные, полуодичалые на работахъ у рощенниковъ—тоже народъ добрый, несовсѣмъ привѣтливый, но ласковый, если съумѣть съ нимъ обойтись. Многіе мастера говорить, толкуютъ складно, дѣльно, и безъ отъискиванія фразъ въ карманѣ.

Вчера, утомившись, когда я шелъ съ крестьянами по лѣсу, я выбралъ у опушки укромное въ тѣни мѣстечко и подсѣлъ къ другимъ мужикамъ. Къ намъ присоединились и тѣ, съ которыми я шелъ и толковалъ о разныхъ разностяхъ, какія они у меня выспрашивали. Подсѣли и ребятишки. Разговоръ шелъ весело и бойко и принялъ, наконецъ, видъ какой-то лекціи. Между разнаго рода вопросами, задали мнѣ и такой:

— А что̀, батюшка-баринъ, скажи-ка ты намъ вотъ-что̀. Кабы не манифестъ, сѣлъ ли бы ты съ мужикомъ рядомъ, вотъ какъ таперича сидишь?

— Что̀ жь манифестъ-то тутъ?

— Да какъ же? Теперь насъ коли самъ царское величество за людей считаетъ, такъ вѣдь, чай, многіе тутъ изъ вашей братьи позадумались: что̀, молъ, такая за штука эта—этотъ мужикъ?

— Да развѣ мы прежде мужика не знали? развѣ чуждались его?

— Ну-у! поди! Знали, что мужикъ живой человѣкъ; знали, что онъ пьетъ, ѣстъ, что ни-по̀паде.... а знали ли, что у мужика душа есть?

— Экой ты, Семенъ Гаврилычъ, ужь этого господамъ не знать? Насъ и звали-то душами и продавали-то по душамъ! замѣтилъ моло-

дой парень, разсказывавшій мнѣ странныя вещи, какъ у нихъ дьяконъ грамотѣ ребятъ учивалъ.

— Э, парень, не то толкуешь! То ревизская душа, экой ты! А знавали ли господа то, что ревизская-то душа — та же душа человѣческая!... а? баринушка? вѣдомо это было?

— Кабы, братецъ, этого люди не знали, такъ, можетъ, и манифеста бы не было. Всѣ мы братья. Напрасно ты въ голову забралъ, что господа считаютъ себя другой породой.

— Нѣтъ, я тàкъ, къ слову, продолжалъ философъ.—А что, батюшка, ваша милость, баринъ: чай слыхивали у васъ тоже, чтò значитъ дочь или сына отъ отца-матери во дворъ взять?

— Слыхали, братецъ; оттого что про это слыхали—этого теперь больше ужъ и не будетъ.

— А на сводъ-то насъ дюжинами скупали: это знавали? А вдомёкъ вашей милости, чтò значитъ мужицкой семьѣ когда ее на сводъ купятъ, да въ чужую сторону переселятъ?

— Эхъ, братцы, все было вѣдомо, перевѣдомо. Крутыя времена кончились. Вы крестьяне — христіане: забудьте старыя обиды и неправды. Старыя времена никогда больше не воротятся! никогда, братцы! Старайтесь лучше думать о будущемъ, устроивайтесь, выбирайте себѣ начальниками любыхъ людей, грамотѣ учитесь, школы заводите, да объ навозѣ больше заботьтесь; недаромъ его зовутъ у насъ золотомъ.

— Ой-ли? Не-ужь-то взаправду? быстро повернувшись спросилъ меня сидѣвшій рядомъ со мной пожилой крестьянинъ и пребезцеремонно ударилъ меня по плечу, прибавивъ:—ты, баринъ, ладный, даромъ что землемѣръ.

Пошелъ разговоръ о томъ, что я не землемѣръ, что я пріѣхалъ сюда не отъ помѣщика, а самъ, доброю волей и невзначай, и что очень былъ бы радъ завести у нихъ школу и показать, какъ за дѣло приниматься надо.

— Школы намъ теперь не рука! сказалъ, прикрякнувъ, одинъ изъ стариковъ.

— Чтò такъ? старинушка.

нѣйшаго обмѣра земли. Промежду разныхъ разговоровъ о томъ, и о семъ, завязалась мелькомъ рѣчь, конечно, тайно и вдали отъ управителя, о прежней общей помѣщичей системѣ управленія.

Говорили больше о чужихъ помѣщикахъ и хвалили, что въ здѣшней вотчинѣ въ настоящее время почти совсѣмъ нѣтъ дворовыхъ.

— А вѣдь эти, сударь, дворовые-то, сущая язва была. Намъ-то оно, крестьянамъ, не такъ чтобъ ужь очень было тягостно, а вотъ то скверное дѣло, гдѣ мужикъ какимъ ни-на-есть манеромъ перероднится съ дворовыми. Вотъ-то пойдутъ каверзы разныя! Въ вотчинѣ управитель — совсѣмъ тебѣ министеръ, а при баринѣ дворецкій еще пуще того министеръ. Лакеишка тамъ какой ни-на-есть, барину сапоги чиститъ, да коли подшепнуть умѣетъ, и тотъ силу великую захватить можетъ. Въ деревняхъ-то бурмистровъ, али и старостъ все изъ своей роденьки насажаютъ, а не то изъ прихвостниковъ, да изъ своихъ потворщиковъ, а тѣ на мужикѣ ѣздятъ-ѣздятъ, ну, просто властвуютъ губернаторъ-губернаторомъ. А что при баринѣ дворня— то все, бывало, этакая промежъ нихъ стачка! рука-руку мыла. Баринъ, чтò? Иной и добрый человѣкъ, а они-то все ему въ уши жужжали. Дворецкій ли, а то камардинеръ, а то какая-нибудь загулящая Танька, что съ дворецкимъ въ дружбѣ, или тамъ Машутка, чтò у барина въ кабинетѣ пыль только стираетъ—все вѣдь это, сударь, большіе люди, наушничество разное принимали и такія сплетки выводили, что иному и смѣшно, а иному ухъ какъ жутко приходилось. А наушничество во дворѣ было въ ходу: и казнили и миловали, все по наушничеству. И вѣдь все это дворня, министеры-то барскіе, куралесили. Какъ-то сердечнымъ барамъ-то теперь безъ дворни жить прійдется? Обуяла ихъ дворня-то, да и отъ дѣла-то отъучила: иной ноги безъ лакея не подниметъ! нѣтъ, ты ему приподними! Ну, танерича-то какъ же, сударь? нанимать, чай, должны за деньги.

— Дà, надо будетъ. Впрочемъ, вѣдь и прежде дворовымъ шло жалованье?

— Какое жалованье. Шла мѣсчина, паекъ, значитъ, хуже солдатскаго, а жалованье только давалось у зажиточныхъ господъ, да и то три да шесть цѣлковыхъ въ годъ, а у иныхъ и того не было.

— Это неправда; я знавалъ такихъ, что очень-хорошо платили дворовымъ.

— Бывали и такіе, вотъ и здѣсь по сосѣдству важное положенье дворовымъ. Да вѣдь иной помѣщикъ и хотѣлъ бы по-людски съ людьми-то, да не смѣетъ!

— Что жь такъ?

— Да свои же заклюютъ. Скажутъ, народъ портишь, противъ насъ идешь; дѣлай то же, что̀ и люди, а своихъ порядковъ не затѣвай... Стало и на пашню народъ нанимать станутъ, коли крестьяне на оброкѣ?

— Конечно, нанимать. Теперь вольный трудъ. Изъ-за воли лучше и работать станутъ.

— Было-бъ изъ чего работать. Ка̀къ не работать.

— Ужь, братецъ, теперь не то, что на барщинѣ: надо хорошенько трудиться.

— А коли гдѣ барщина?

— Тоже надо честно трудиться. На все свои порядки и урочное положенье.

— А и что̀, братцы, въ-самомъ-дѣлѣ, окликнулъ другихъ молодой парень: - какъ намъ напредки быть, чтобъ всему время знать и не терять даромъ?

— А ка̀къ? извѣстно дѣло, ка̀къ! отвѣтилъ другой его товарищъ.— Заведемъ на мірской счетъ часы!

— Не то дѣло, Парамонушка; часовъ изъ деревни на работѣ будетъ не слыхать.

— Ну, заведемъ этакой колокольчикъ, возразилъ Парамонъ.

— Экъ выдумалъ, колокольчикъ! словно у почтовой лошади. Что тебѣ? аль становаго возить станешь попрежнему? Заводить, такъ завести этакой колоколъ небольшой, съ языкомъ.

— Ну, хошь колоколъ; вотъ мы его на полѣ-то и вздѣнемъ!

— У, парень, врешь: какъ земля-то станетъ твоя, какъ есть, собственность — упаришься весь, а все работать станешь! чай и грому тогда не услышишь, не то что колокола.

слезящимся глазомъ, сталъ мнѣ шептать подъ ухо—говорятъ, чрезъ два года настоящее дѣло будетъ.

— Ну, да, это такъ; вѣдь я же тебѣ и говорю: въ эти первые два года уставныя грамоты должны быть непремѣнно написаны, чтобъ ужь черезъ два года и помину про крѣпость не было, чтобы всѣ мужики настоящимъ дѣломъ были свободны.

— Фу, ты какой! да я все-таки не про то. Это-то мы все знаемъ, а вотъ, баютъ, будто черезъ два-то года не то̀, а вотъ что̀ сотворится: дай-то бы Господи!

— Говори толковѣе, старикъ, я не все понимаю.

— Манифестъ новый будетъ! шепнулъ мнѣ старикъ такъ, что я на нѣсколько секундъ совсѣмъ-было оглохъ, а сидѣвшіе вдали крестьяне какъ-нельзя лучше разслышали это шептанье.

— Какой же? спросилъ я съ удивленіемъ, но тоже шопотомъ.

— Все!.. и старикъ, сощуривъ оба глаза и приподнявъ къ носу губы, сдѣлалъ руками полукругъ, договаривая этою мимикою недосказанную фразу.

Я взглянулъ на него недовѣрчиво.

— Все! повторилъ онъ, рѣзко кивнувъ головой.—Ужь не тотъ надѣлъ, что̀ теперь показанъ, а всю нашу пашню, всѣ поля намъ дадутъ. И лѣсочку дадутъ! И выбирать исправниковъ самимъ дадутъ. И посредственника дадутъ изъ нашей братьи!... (*).

Меня поразило это извѣстіе; поразила и болтливость старика, рѣшившагося высказать, вѣроятно, за тайну переданные слухи, постороннему человѣку; поразила ребяческая довѣрчивость этихъ сельскихъ агнцевъ, вѣрющихъ какому-нибудь козлищу; поразилъ и самый тонъ слуховъ, рекомендующій словомъ «дадутъ» глубокую любовь и уваженіе нашего крестьянина къ высшему правительству. Я никакъ не могъ удержаться отъ горькой улыбки и хотѣлъ-было доказать крестьянину всю несбыточность этихъ слуховъ.

(*) Этотъ ложный слухъ распространенъ былъ по многимъ губерніямъ, какъ удостовѣряютъ правительственныя объявленія, офиціальнымъ образомъ переданныя публикѣ посредствомъ всѣхъ столичныхъ газетъ въ іюлѣ 1861 г.

— Какъ же, батюшка, вѣдь это земля наша, такъ завязалъ новую нить разговора сосѣдъ старика, рыжебородый мужикъ.

— Да съ чего жь ты взялъ, что она ваша?

— Родители наши триста лѣтъ ее пахали.

— Ну, пахали; а есть ли у тебя документъ?

— Да какъ же, батюшка! и на генеральномъ плантѣ сто лѣтъ назадъ сказано: это вотъ усадьба и пашни господскія, ихъ никто и не трогаетъ; а эта вотъ земля церковная, вотъ ее теперь батькѣ назадъ и подай; а эта, дескать, усадьбы и пашни крестьянскія! Такъ коли крестьянскія, такъ намъ и отдай!

— Да вѣдь на генеральномъ планѣ показано, можетъ, земли не въ примѣръ меньше того, чѣмъ вамъ въ надѣлъ по закону слѣдуетъ?

— Да земля-то наша!

— Эхъ, братецъ ты мой, легко сказать наша, да не легко тебѣ это доказать.

— Чего доказывать, коли всякъ знаетъ, что мы ею владѣли.

— «Владѣть» и «имѣть въ собственности» это разница десятая! Вотъ ты шапку купилъ на свои — вотъ эта твоя собственность; а я тебѣ дамъ свою шапку поносить, вишь какая широкая, отъ солнышка куда какъ хорошо... дамъ тебѣ поносить, да и забуду, самъ уѣду: развѣ моя шапка станетъ твоей?

— Уѣдешь, шапку оставишь — моя и станетъ.

— Ну, а задумаю на то лѣто къ вамъ въ гости прикатить?

— Милости просимъ, батюшка.

— Да не въ томъ дѣло, а шапку-то мою ты развѣ мнѣ не отдашь?

— Послѣ мужика носить, батюшка, не станете.

Я ужь и рукой махнулъ! притомъ же мнѣ и помѣшали продолжать диспутъ.

Когда управитель съ конторщикомъ и съ прислуживавшими тутъ мужиками кончили промѣръ лѣснаго участка, предполагаемаго къ уступкѣ крестьянамъ, въ замѣнъ части пашни, отходящей въ возвратъ церкви, о чемъ я вчера ужь написалъ, когда они вышли къ намъ на поляну, мы всѣ поднялись съ мѣстъ и пошли полями, по пути даль-

да», «необходимость», «стеченіе обстоятельствъ», «такое наше положеніе» — вотъ этакого рода фразы приводились въ оправданіе.

— Ну, да тамъ посмотримъ, мужики вѣдь и сами, коли замѣтятъ, могутъ отказаться.

— А между-тѣмъ они завѣрены, обнадежены?

— Сгоряча ничего не слѣдуетъ дѣлать, особенно въ такомъ важномъ дѣлѣ, сказалъ управитель. — Какъ бы сердце ни наболѣло, а все сдержанность необходима. Увлечешься на волосокъ въ сторону, потеряешь, какъ разъ, равновѣсіе и полетишь, да и отлетишь за сажень. Вотъ я настрочилъ-было къ довѣрителю письмо, но далъ ему вылежаться и не послалъ, а написалъ другое, болѣе мягкое, менѣе страшное. Вотъ вамъ оно, прежнее-то, возьмите его себѣ.

Письмо это, по той точкѣ зрѣнія, съ какой на нынѣшнія скромныя хотя и не совсѣмъ обыкновенныя, вынуждаемыя обстоятельствами, явленія смотрятъ люди, даже и сочувствующіе дѣлу освобожденія, но все еще не могущіе вполнѣ отрѣшиться отъ старыхъ преданій, очень интересно.

«Дѣла идутъ дурно. Десятаго числа волненіе было въ полномъ разгарѣ. Благодаря присутствію духа мироваго посредника, оно едва стихло; но неудовольствіе крестьянъ безгранично: ихъ замыслы и планы самые злонамѣренные: имъ хочется наложить руку на ваши угодья и платить вдвое меньше оброка.—По вызову крестьянъ, я было самъ началъ производить подготовительное измѣреніе для будущихъ надѣловъ: но контора вышла изъ вѣры. Филиппъ Карповъ и другіе, подобные ему, изувѣры разъѣзжаютъ по деревнямъ и готовятъ ихъ къ неповиновенію. На первый разъ они, скопомъ, положили не платить оброка и всѣмъ идти на барщину и грозятъ розгами, штрафами и солдатчиной тѣмъ, кто изъ міру будетъ имъ противиться. Нашъ мировой посредникъ человѣкъ примѣрной твердости и чести: полсутки онъ провелъ въ усадьбѣ, растолковывая всей вотчинѣ ея къ вамъ обязанности, но нашимъ канальямъ его слова что къ стѣнѣ горохъ.—Въ настоящую минуту я сговариваюсь съ каждою деревнею отдѣльно и навожу ихъ на путь истинный, строго охраняя ваши интересы, хотя и съ уступками. Кажется, крестьяне урезониваются и

выходятъ на честную дорогу, но кто ихъ, шельмецовъ, знаетъ? и у меня къ нимъ вся вѣра пропала! Однимъ словомъ, положеніе наше тяжелое. Всему дѣлу занозой былъ N; онъ у себя напуталъ все дѣло, настроилъ чепухи, передѣлывая каждую недѣлю на новый ладъ, и между-тѣмъ упустилъ всѣ свои выгоды, ввелъ въ недоумѣніе всѣ окрестности — всѣ мужики съ его мужиковъ образецъ брали — и, не повершивши дѣла, ускакалъ въ Москву. Еще горе виситъ надъ головой; заваривается новая каша: попы заговорили! Крестьяне не хотятъ платить руги и требуютъ отвода попамъ церковной земли, а тѣ брать ее не хотятъ и льстятся на чистыя деньги».

Сегодня рѣчь зашла о плодосмѣнномъ хозяйствѣ; на сколько могъ и понималъ я дѣло, я разъяснялъ своему собесѣднику и доказывалъ необходимость ввести травосѣяніе и болѣе раціональное дѣленіе полей и старался выяснить, что ничего легче этого и быть не можетъ.

— Вамъ хорошо говорить: легко! Нѣтъ, не легко; вѣдь вовсе не знаешь, какъ къ этому дѣлу и приступиться. Пожалуй, еще накуралесишь, бѣды натворишь.

— Да чего жь тутъ накуралесить? Взять да раздѣлить поля, да обсѣять чѣмъ нужно, только бы навозу было, да умненько за дѣло приняться, да сколотиться съ деньгами.

— Въ томъ-то и дѣло, чтобъ было умненько. Вотъ видите ли.— Прежде всѣ танцовали французскую кадрель. Кто ее не знаетъ? Ну, вотъ всѣ, бывало, и пляшутъ! А какъ пляшутъ-то? только-что ногами еле-еле передвигаютъ! И умѣнья-то никакого не надобилось, а тàкъ, запомнилъ себѣ что̀ послѣ чего слѣдуетъ, да и шагай, какъ знаешь, лишь бы подъ музыку. Вѣдь такъ?

— Ну, такъ; что жь изъ этого?

— А то изъ этого, что вотъ и мы на нашихъ поляхъ всѣ французскую кадрель выплясывали. Кто пограціознѣе выдѣлывалъ пà, кто танцовалъ попроще, а кто маленечко и съ медвѣжьими ухватками выходилъ на сцену, а все-таки оно было въ порядкѣ и никто смѣшонъ не былъ: да въ массѣ-то оно и незамѣтно; да всѣ ужь и приглядѣлись-то... Ну, вотъ настала теперь другая пора; пошли польки, трамбланы разные, да лансэ этакіе—тутъ ужь, батюшка, шагать

— Да я не про свою смекаю, а какъ на барщинѣ-то, на урочной-то работѣ?

— Ну, тамъ, конечное дѣло, колоколъ надо! А не то ужь купимъ часы, да начальнику и навѣсимъ: пусть время считаетъ.

— Да вы, братцы, карманныхъ-то не покупайте: стѣнные дешевле!

— Слышь, братцы, стѣнные навѣсимъ на начальника-то! навѣсимъ всѣмъ міромъ! Часы жь большіе, всякому видно явственно... А ты что̀, Микишка, сычомъ такимъ глядишь? спросилъ Парамонъ, обратившись къ другому крестьянину.—Часы, что-ль, навѣсить?

— По мнѣ хошь всѣ часы повѣсь, хошь одинъ маятникъ! угрюмо проговорилъ Микишка, не перемѣняя позиціи.

Это все было вчера, а сегодншній день, кажется, не ознаменовался для меня ничѣмъ особеннымъ, кромѣ развѣ того, что бабы усердно, убійственно-усердно пахали; но этою работою, совершенно-несвойственною женскимъ рукамъ, онѣ наводили меня на грустныя, черныя мысли, которыя высказывать здѣсь было бы рѣшительно напрасно. Будемъ надѣяться на Бога, что эти грустныя явленія станутъ уничтожаться постепенно, вмѣстѣ съ возникновеніемъ просвѣщенія народа и съ облагороженіемъ нынѣ дикаго и варварскаго взгляда мужиковъ на женскій трудъ и на назначеніе женщины, какъ хозяйки, матери и супруги.

Дà, забылъ главное. Сегодня вечеромъ явилась въ контору толпа мужиковъ человѣкъ въ тридцать, предводительствуемая, какъ мнѣ сказалъ управитель, самыми ярыми крикунами. Они изъ разныхъ деревень. Переговоры начались очень немирно. Опять пришлось мнѣ быть на сценѣ. Непривѣтливо посматривали на меня мужики и неохотно слушали разъясненіе первыхъ пунктовъ предполагаемаго контракта между ними и помѣщикомъ. Но такъ-какъ, въ-отношеніи къ сегодняшнимъ деревнямъ, дѣло руги вовсе не касалось, то, при дальнѣйшемъ чтеніи договора, согласіе сторонъ видимо внѣдрялось сильнѣе-и-сильнѣе и чтеніе было заключено полнымъ миромъ и согласіемъ крестьянъ всѣмъ идти на оброкъ, безъ-исключенія, а оброчныя деньги за слѣдующую половину года внесть къ петрову дню бездоимочно.

Четвертокъ, 15 іюня.

Возвращаясь съ дальней прогулки, встрѣтился съ старымъ пріятелемъ, съ мужичкомъ, съ которымъ познакомился на озерѣ. Онъ куда-то спѣшилъ, а я ужь былъ близко отъ дома. Сговорились завтра повидаться на озерѣ. Подъ вліяніемъ дня, написалъ въ «Сѣверную Пчелу» длинное-предлинное письмо (*).

Пятница, 16 іюня.

Сегодня почта ушла въ городъ, по обыкновенію, ранёхонько, на зарѣ.

Такъ-какъ во всѣхъ селеніяхъ, гдѣ проектъ контракта былъ читанъ крестьянамъ, онъ производилъ успокоительное впечатлѣніе, то мужики всякій разъ просили управителя снабдить ихъ «копейцо̀й», и дать имъ надуматься. Сначала они невполнѣ довѣряли искренности управителя, но, разрознившись, послѣ десятаго числа, въ мнѣніяхъ и рѣшеніяхъ, и вслушавшись въ разъясненія предложенной имъ письменной сдѣлки, крестьяне болѣе-и-болѣе оказывали къ ней довѣрія и, кажется, сердечно желали, чтобъ сдѣлка эта состоялась.

Чтобы исполнить желаніе крестьянъ, управитель сегодня съ утра засадилъ конторщика переписывать черновой контрактъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, для раздачи въ каждое селеніе, для отсылки къ помѣщику и для храненія при дѣлахъ конторы.

Конторщикъ, переписывая бумагу и не разобравъ почерка, просилъ меня прочитать одно слово. Взявъ въ руки проектъ, я нечаянно замѣтилъ въ одномъ пунктѣ вставку, конечно не очень видную, всего слова два-три, но такого рода, что сдѣланная крестьянамъ уступка получала несовсѣмъ прежній смыслъ. Это повело насъ къ объясненіямъ, но объясненія не привели ни къ чему положительному. «Нуж-

(*) Нѣкоторые отрывки этого письма напечатаны въ № 149 «Сѣв. Пч.» за 1861 годъ. Возстановлять все посланіе въ его первобытной формѣ, за минованіемъ давности, считаю напраснымъ дѣломъ.

— Куды намъ звать вашу милость! самъ пожалуешь—ну, чайкомъ не чайкомъ, мы не чайничаемъ, а ушицей попоштвовалъ бы, а не то жареной бы рыбки...

— А вы здѣсь рыбачите?

— Нѣтъ, что̀ рыбачить? отвѣчалъ онъ, заминаясь: - зачѣмъ рыбачить!... да озеро-то вишь подъ носомъ.

— Ну, что̀ жь вы сѣтьми, что̀ ли, ловите, или невода̀ у васъ?

— Бредни есть... да ты молчи, знай.

— А что̀ такъ?

— А то̀, что молчи. Озеро-то, знать, не наше.

— Какъ не ваше? зачѣмъ же вы рыбу ловите?

— Кто ловитъ! въ годъ разъ и половимъ-то, да и то коли хлѣба не станетъ.

— Какъ-же это озеро не ваше? вѣдь и тутъ и тамъ вотчина все одна же?

— И тутъ, и тамъ, и эвотъ, и вонъ въ ту сторону, деревни-то все наши, да вода-то, слышь, чужая! продана!

— Чье жь теперь озеро?

— А вотъ видишь лѣсъ-отъ, по ту сторону?

— Ну, еще бы! славный лѣсъ!

— Ну, вонъ энто Кокорева лѣсъ.

— Какъ? этотъ кокоревскій? Да вотъ я на дняхъ ѣздилъ за пятьнадцать верстъ совсѣмъ въ другую сторону: кокоревскій лѣсъ тамъ былъ.

— И тотъ и этотъ все одно. Видишь ли. У барина у здѣшняго много своей земли было, все въ одной межѣ. А Кокоревъ-то и купи у него лѣсъ, да розныо-то не хочетъ, не хочетъ, знаешь, чтобъ была черезполосица, да и говоритъ: вырѣжь ты мнѣ лѣсъ, какъ есть, въ одну полосу. Ну, вотъ ему въ одну межу его и вырѣзали, и коли теперь всю кокореву дачу объѣхать, то она пошла однимъ винтомъ, да то туды бросится, то сюды кинется—и вышло ея границы всего 360 верстъ.

— Такъ и озеро-то его?

— Не его, а знаешь ферму Андреяновку? вотъ ейная-то роща малесенько клинышкомъ и вышла къ озеру... вонъ-вонъ-вонъ, туда, по

ту сторону, на завороте: вотъ Лопухинскому барину и озеро продали! И потѣшная же эта штука вышла!

— Что̀ же такое?

— Да вотъ видишь ты: озеро-то и его, анъ онъ надъ нимъ не властенъ!

— Да это почему жь?

— Да вотъ поди! въ томъ-то и штука! Видишь ты, другъ мой сердешный: озеро Лопухина, а вотъ это мѣсто, гдѣ мы съ тобой таперича, это нашего барина покосы, а то̀, дальше, поля, наши же. Ну, теперь прикинемъ такъ: озеро стоитъ по̀пусту, рыбаковъ нанимать нѐпошто, товаровъ по немъ возить некуда, рыбы, тожь, не знать сколько—для чего оно? Ну, смекни, ваша милость, не лучше ль спустить его да въ луга пустить?

— Ну, это, чай, дорого!

— Да дорого ли, не дорого ли—не нашъ разсчетъ! Ну, а примѣромъ, загадалъ бы Лопухинъ, да захотѣлъ спустить воду?

— Ну, и спустилъ бы!

— Вотъ то-то же что нѣтъ!

— Ну, это неправда.

— Анъ такъ! Ему озеро-то продано знаешь какъ? По живую воду, ха, ха, ха! вона какъ! Гдѣ, дескать, мокренько—ну, тутъ твое, а гдѣ коли сухенько — шалишь, мое вышло!

— Да какъ же это?

— Да такъ! Спуститъ Лопухинъ воду изъ озера, а озеро-то копано, стало оно прудъ, ну, дно и пообсохнетъ. А какъ Лопухина-то грань по живую воду, стало дно, послѣ обсушки, выйдетъ ужь не его.

— Ну, теперь я понимаю! Конечно, Лопухинъ воды ужь не спуститъ! А озеро славное! Да хорошъ вотъ и островокъ; какія деревья богатыя!

— Лѣтъ больше ста сажены.

— Катаетесь вы когда-нибудь туда семьями?

— Пошто̀?

— Ну, та̀къ, погулять. Въ жаркій день, да этакая тѣнь богатая, да еще трава этакая славная — семьей-то тамъ любо-дорого!

попрежнему не приходится! Тутъ учись! выучись хорошенько прежде, а ужь потомъ въ плясъ съ другими пускайся.

— Ну, и вы учитесь.

— Хорошо вамъ говорить. Конечно, и мнѣ надо учиться, и мужикамъ учиться надо, а вѣдь дѣло-то не терпитъ; оно не лежитъ, а требуетъ горячей работы. Вѣдь пойдетъ ломка! Съ трамбланами-то да съ лансэ ноги всѣ перековеркаешь; а медвѣдемъ выйдешь — со стыда сгоришь, и люди осмѣютъ, да еще того и гляди, что и своей-то дамѣ, да и всѣмъ зрителямъ ноги отдавишь. Ужь, сударь вы мой, до сѣдыхъ волосъ доживешь, поздно учиться ноги-то вывертывать туда да сюда!

— А все учиться надо: вѣкъ живи—вѣкъ учись!

— Такъ-то такъ, да по чему намъ выучиться? приглядки-то нѣтъ. Мнѣ взять примѣра не съ кого, а мужику и по̀готово!

— Книги покупайте: мало ли ихъ по сельскому хозяйству издано.

— Гм, книги!... Оно, такъ... Да неужто вы думаете, что мужикъ нашъ, да и помѣщикъ-то иной, та̀къ вотъ на книги и напустится? Видите ли что̀, сударь. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили-были блохи, обыкновенныя, простыя, сударь, блохи-попрыгушки. Вотъ жили онѣ благополучно и благополучно, сударь, питались онѣ человѣческою кровію, ну, однимъ словомъ, ѣли православныхъ христіанъ. Что̀ станешь дѣлать? Ка̀къ ихъ ни подкарауливали, какъ ихъ ни ловили, какъ ни казнили, а пьютъ кровь, канальи, хоть ты что̀ съ ними дѣлай! ну, ѣдятъ грѣшное тѣло у православныхъ, да и полно! И этакимъ манеромъ велись онѣ не день, не недѣлю, не мѣсяцъ, не годъ, а цѣлые вѣка̀, цѣлыя столѣтія! Что̀ жь тутъ? Ну, къ нимъ привыкли, сжились съ ними, съ ними слюбились, словно съ становыми, да съ городничими: слюбляются же вѣдь и съ ними люди? Вдругъ прошла молва по цѣлому міру, что, молъ, есть этакое чудо чудное, диво-дивное— ромашка персидская: та̀къ ло̀скомъ всѣхъ блохъ и кладетъ. Попытали большіе люди, купили персидской ромашки, осыпали ею свои кроватки и тюфяки подъ простыньками: ахъ, хорошо—блохи не кусаютъ, всѣ духомъ перевелись. Дошло дѣло до царя до гишпанскаго. Вотъ гишпанскій король и выдалъ указъ: за-

пастись всѣмъ православнымъ персидкою ромашкой. Ну, и всему народу стало вѣдомо, что персидская ромашка доброе дѣло и блохъ она такъ на повалъ и губитъ. Только вотъ добрые люди и прослышали, что попадаются иной часъ стклянки съ несвѣжею персидскою ромашкой и на блохъ не дѣйствуютъ: надо чтобъ свѣжая была и не выдохлась. Это вотъ разъ: какъ тутъ угодишь купить, коли не знаешь точно ли она свѣжая? А другое дѣло, вѣдь все-таки ее купить надо, вотъ что! Легкое дѣло сказать «купить!» А у мужика-то вѣдь купило притупило! Да вѣдь за ней мужику надо въ городъ съѣздить? купилъ одну—негодна! опять, значитъ, въ городъ—а чего это стоитъ? Нѣтъ ужь, говоритъ мой мужичокъ, нѣтъ ужь, этіе-то расходы намъ дороже крови обойдутся! Нѣтъ, ужь пущай лучше блохи ѣдятъ! Хошь и пьютъ онѣ кровь, а все помаленьку, а мы и живы, и цѣлы, только развѣ почешешься; а расходъ на иную персидскую-то ромашку насъ въ конецъ разоритъ!

— Ну, что жь это за сказка? она вовсе и къ дѣлу-то не подходитъ.

— Ну, нѣтъ, вы ее раскусите-ка, такъ куда хочешь прикинь, всюду въ мѣрку. Мы вѣдь помнимъ, сударь, какъ у насъ въ нѣкоихъ мѣстахъ по синенькой, да по красненькой ассигнаціи бирали, да еще въ поясъ кланивались, и дѣла дѣлали, а какъ вотъ теперь пошли однихъ молодчиковъ сажать, такъ хуже блохъ вышли! Стану, говоритъ, я свою честь изъ-за пяти цѣлковыхъ марать? у меня папенька вонъ какой! мои товарищи вòна гдѣ сидятъ: клади пятьдесятъ серебромъ, а не то и вспокаешься, да ужь поздно будетъ! Вѣдь, поди, гишпанскій-то король и не знаетъ, что̀ тамъ у нихъ въ четырехъ-то стѣнахъ творится! Вотъ она, сказочка-то̀.

Ходилъ сегодня къ Юрьевскому Озеру на прямикъ, полями. У груды выкинутыхъ волной крупныхъ раковинъ повстрѣчался съ старымъ знакомымъ.

— А что, ваша милость, ты ко мнѣ въ избу не забредешь? сказалъ онъ мнѣ послѣ первыхъ привѣтствій.

— Позови, прійду съ удовольствіемъ.

— Это, батюшка, ваша милость, барскія затѣи, а куда намъ мужикамъ!

— Не-уже-ли никто по озеру не катается и на островокъ гулять не ѣздитъ?

— И лодокъ-то въ заводѣ нѣтъ! Прежде туда, на островъ-отъ, дорога была, лава, по нашему, подѣлана. Старики-то баютъ, отъ родителей слыхали, что тамъ куда какъ того!

— То-есть, что̀ же того?

— Хм! Мало ль чего тамъ не было! Это пѣсни! фонари горятъ бывало! пляшутъ! ну, этакое разное всю ночь потѣшанье и веселье! Острову-то такое и названье любовное дано было.

— Коли пляски были, стало-быть женщины были? и молодыя?

— У-у, бѣда какія были! Ихъ-то десятками, а онъ-то промежъ нихъ одинъ только съ самыми ближними ба̀луется!

— Это нынѣшній вашъ баринъ?

— Какое, батюшка: нынѣшній-то, чай, и не слыхивалъ про это, да онъ и не въ родню прежнимъ-то господамъ. Лѣтъ назадъ со сто потѣхи-то тутъ бывали. Видишь ли, другъ сердечный. Тотъ баринъ, что̀ сто-то лѣтъ назадъ жилъ, первый построилъ себѣ тутъ дворецъ богатый. А въ вотчинѣ у него не столько въ ту пору было деревень, сколько ихъ нынче: наша, примѣромъ, Юрьевка была въ тѣ поры Стрѣшнева господина.

— Э, какая старая старина!

— Нѣту, батюшка: Стрѣшневъ-то былъ, говорятъ, молодой, красивый изъ себя такой!

— Ну, такъ что жь этотъ Стрѣшневъ?

— Перво про того скажу. Онъ въ Москвѣ что-то великъ человѣкъ былъ; сюда ѣздилъ только наѣздомъ, а во дворъ себѣ подбиралъ самыхъ что̀ ни есть красивыхъ, по всей околицѣ скупалъ, не жалѣлъ денегъ: словно это заводъ конный.

— Холостой былъ?

— Женатый! Вотъ съ женой-то у нихъ маленечко нелады были: онъ ее и сослалъ изъ Москвы. Здѣсь она на усадьбѣ такъ и жила. А когда самъ и пріѣзжалъ, то больше все на любовный островъ —

старики такъ баютъ. Ну, та одна одинёшенька, тоскуетъ, а сосѣдъ-то Стрѣшневъ и того! Ну, вотъ этакимъ-то манеромъ оно и пошло! Ну, и пошло, и пошло! Ну, какъ пошло-то, знаешь, этакимъ манеромъ, а онъ ей нашей Юрьевкой съ деревнями и поклонился! Вотъ оттого-то вотчина наша и вышла такая большущая!

Бесѣда наша длилась долго. Всего записать не успѣваю. Много рѣчи было про Филиппа Карпова. Мой собесѣдникъ разсказывалъ, что Филиппъ Карповъ еще прежде пояснялъ имъ, что значеніе волостнаго старшины теперь будетъ очень-важно. «Словно какъ губернаторъ, выражался онъ:—тотъ надъ всѣми уѣздами голова, а старшина голова надъ всѣми селеніями». Филиппъ Карповъ не перестаетъ угощать вліятельнѣйшихъ мужиковъ по цѣлой вотчинѣ. Когда пріѣзжаетъ къ кому въ гости, народъ такъ въ избу и нахлынетъ: «хорошо баетъ! только бы слушалъ!» прибавилъ разсказсчикъ.

Потомъ толковали мы о рекрутскихъ наборахъ. Мой пріятель порадовалъ меня очень-толковыми разсужденіями о необходимости сокращенія срока воинской службы. Мы были всего вдвоемъ, но бѣдный мужикъ, разговаривая со мной, поминутно оглядывался, чтобы кто его не подслушалъ, полагая, что онъ говоритъ незаконныя слова! Знаменательная черта! и вотъ здѣсь-то причина скрытности крестьянъ, больше зла, чѣмъ добра причиняющей дѣлу. А въ-самомъ-дѣлѣ, легко привязаться къ слову, и за честную мысль, въ наши дни высказываемую довѣрчиво въ печати, бѣдному мужику грозитъ бѣда неминучая. Заканчивая свои слова о наборахъ, онъ шопотомъ мнѣ сказалъ:

— Ну, помяни ты мое слово: какъ только дѣло наше вовсе уладится и эти два года пройдутъ, батюшка-царь уставитъ солдатчину по-божески! Ужь и теперь, гляди, милостей сколько: солдатиковъ черезъ пять-шесть годковъ къ отцу-матери на подмогу пущаютъ!

——

Меня сейчасъ что-то взманило подышать свѣжимъ воздухомъ. Я сегодня усталъ: и ходилъ много, и къ управителю пріѣзжали гости. Сѣлъ за работу поздно. Теперь два часа. Все спитъ. До-сихъ-поръ

были ужасные холода; сегодня погода попривѣтливѣе: хоть на лѣто похоже.

Вышелъ на лужайку — зги божьей не видно. Только прямо, около просѣки, лѣниво и глухо раздался стукъ полусоннаго сторожа, машинально и будто нехотя ударявшаго въ доску. Загнанный всѣми Арапка порычалъ немного, но, обнюхавъ знакомаго, ласково потрепалъ меня хвостомъ по колѣнкѣ. Бушуйка отъ старости и не просыпался. Все спитъ. Тишина мертвая. Темнота страшная, однако очертаніе лѣса довольно-явственно выступаетъ черной стѣной изъ темнаго-претемнаго пространства. Обошелъ нашу хатку, закурилъ папироску и сѣлъ на холодной какъ ледъ чугунной скамейкѣ. Вправо отъ меня, черезъ поле, раскинулось село—рѣшительно его теперь незамѣтно. Не могъ даже разсмотрѣть, гдѣ колокольня—такъ темно! Въ такомъ положеніи, отрѣшенный какъ-будто отъ всего живаго, отъ цѣлаго міра, просидѣлъ я минуты съ три, о чемъ-то задумавшись; вдругъ, ба, ба, ба! издалека долетаетъ до меня быстро-сдержанный хохотъ, да вѣдь какой звонкій! да вѣдь какой полный душевнаго довольства и дѣтской безпечности! Хохотъ повторился — и разлился подозрительнымъ хихиканьемъ. Я сталъ вслушиваться.

— Миколка, да полно!... да право-те! явственно раздалось, точно подъ ухомъ. — Вишь, чортъ, право, чортъ какой!

Опять молчаніе.

— Миколка, да лѣшій этакой!... хи, хи, хи, хи!

Чудный смѣхъ! звонкій смѣхъ! какъ серебро дребезжитъ! такъ юностью и отдается!

— Да ну, голубчикъ!

Какъ была сказана эта ласка, сколько тутъ было чувства, тревоги, любви... и тутъ же вдругъ ржаніе лошадей и глухой звукъ надтреснувшихъ колокольчиковъ, изъ-за дальняго лѣса придвигавшихся все ближе и ближе. Я привсталъ, посмотрѣлъ за уголъ хатки и, вонъ, черезъ поле, теперь только вижу сильно разгорѣвшійся костеръ.

Теперь я понимаю: это «ночное!» День-то кони въ работѣ — вотъ ихъ и стерегутъ въ полѣ. Обыкновенно, на это «ночное» посылается по человѣку отъ двора, сколько бы лошадей ни было, пара ли,

*

тройка ли, или пятерикъ—все-равно: отъ семьи идетъ одинъ на сторожу. Хозяева сами, конечно, тутъ не бываютъ: больше все бабы, тѣ, что помоложе, дѣвки, да парни; случаются и подростки-ребята, но ужь для нихъ это почетный постъ: тутъ-то они и пріучаются отставать отъ другихъ ребятишекъ, тутъ-то и чуютъ въ себѣ исходъ отрочества, тутъ-то они и набираются начатковъ жизни самостоятельной и пытаютъ на первыхъ порахъ свои юношескія силы. Заправляетъ же всѣмъ дѣломъ и стоитъ въ головѣ другихъ одинъ главный, взрослый мужчина, на отвѣтственности котораго весь табунъ и лежитъ.

Костёръ горѣлъ отъ меня, думаю, въ верстѣ, не ближе. Въ его заревѣ мелькали тѣни и коней и людей. Ржаніе доносилось чутко оттуда; а всторонѣ, лѣвѣе, раздавались иные звуки.

Сколько тутъ радостей, сколько восторговъ — и сколько нищеты, сколько грязи, сколько грубаго патріархальнаго невѣжества, сколько рабскихъ чувствъ и насилія!

А чтобъ облагородить чувства, чтобъ развить человѣка, надо прежде всего стараться, чтобъ этотъ человѣкъ былъ сытъ. Немногое въ толкъ возьмешь, когда только въ томъ и забота, чтобъ съ голоду не умереть.

Суббота, 17 іюня.

Сегодня, перекладывая съ мѣста цѣлую колонну книжекъ «Москвитянина», нагроможденныхъ въ одномъ углу, я открылъ іюньскую, единственную найденную мною здѣсь, книжку тоже покойнаго «Журнала Землевладѣльцевъ» за 1858 годъ. Перелистывая ее, я напалъ на разсчеты, въ которыхъ крайне нуждался, и которыхъ мнѣ здѣшніе крестьяне не могли доселѣ разъяснить: это именно оцѣнка крестьянскаго двора. Въ мелочныя, но точныя подробности мнѣ не приходило въ голову вдаться, а всѣ мои свѣдѣнія ограничились общимъ итогомъ цѣнности крестьянскаго строенія. Конечно, разсказы крестьянъ помогли мнѣ во многомъ, но больше всего за подробности, которыми я сегодня намѣренъ заняться, я считаю себя одолженнымъ здѣшнему

управителю, подъ диктовку котораго я и записывалъ многое. Но прежде всего, вотъ выписка изъ статьи, о которой я началъ рѣчь.

Оцѣнка относится къ среднему крестьянскому строенію въ Клинскомъ Уѣздѣ.

Хозяйственное жилое и нежилое крестьянское строеніе состоитъ:

1) Изъ двухъ избъ, большой и малой;
2) Изъ сельника при большой избѣ;
3) Изъ житницы для зерноваго хлѣба;
4) Изъ половни для мякины;
5) Изъ двухъ сѣнныхъ сараевъ;
6) Изъ надворнаго при избахъ строенія для помѣщенія скота, и
7) Изъ овина (онъ бываетъ общій для двухъ хозяевъ).

На всѣ эти постройки потребно:

На большую избу 68 бревенъ осьми-аршинныхъ, отъ $4\frac{1}{2}$ вершковъ и болѣе въ вершинѣ, по мѣстнымъ цѣнамъ, по 45 копеекъ	30	р. 60	к.
На малую избу 56 бревенъ семи-аршинныхъ, отъ 4-хъ вершковъ въ вершинѣ, по 35 копеекъ за каждое	19	— 60	—
На прочія строенія 446 шести-аршинныхъ бревенъ по 6 к.	26	— 76	—
Столбовъ двадцать-одна штука, по 75 коп.	15	— 75	—
Цѣнныхъ деревъ до шестидесяти, на косяки, доски, переводы и прочее, по 55 коп.	33	— —	—
180 слегъ на крыши, по 10 коп.	18	— —	—
165 крупныхъ жердей, по 4 копейки	6	— 60	—
Сотня крючьевъ и суковитней, по 4 коп.	4	— —	—
120 жердей на заборъ, по 3 коп.	3	— 60	—
Пол-овина надо оцѣнить въ	10	— —	—

Такимъ-образомъ матеріалъ для строенія будетъ стоить 167 р. 91 к.

Но это не все. Въ статьѣ высчитанъ слѣдующій расходъ домохозяина при постройкѣ и отдѣлкѣ избы, расходъ, списанный авторомъ со словъ самихъ крестьянъ:

Отведенный участокъ строеваго лѣса на усадьбу—срубить и приготовить: на это нужно два работника на недѣлю, считая по 40 коп. подённой платы . . . . . 4 р. 80 к.

Привезти лѣсъ въ селеніе на сорока лошадяхъ: тридцати крестьянамъ на угощеніе и вино . . . . 15 р. — к.

Плотникамъ деньгами.	30	—	— —
На пищу работникамъ	2	—	50 —
Печнику за работу.	2	—	50 —
Триста кирпичей по шести гривенъ за сотню	1	—	80 —
Гвоздей и костылей на.	3	—	— —
Набрать и подвезти десять возовъ моху	2	—	50 —
Это составитъ	64	р.	60 к. (*)
а вмѣстѣ съ прежними	167	—	91 —

мы получимъ цѣнность крестьянской постройки въ 232 р. 51 к.

На этотъ разсчетъ управитель сказалъ, что цѣны поставлены дешевы въ отношеніи къ здѣшнему, къ Подольскому Уѣзду, и что если такъ разсчитывать, то крестьянская средняя усадьба еще дороже обойдется.

Я послѣдующіе разсчеты дѣлалъ на среднюю семью, полагая въ ней хозяина, хозяйку-жену, одного старика и двухъ ребятъ, всего на пять душъ, составляющихъ одно тягло, а по ревизскимъ сказкамъ—на двѣ души.

Управитель и всѣ мужики, и нынче и въ старые годы, меня завѣряли, что бо̀льшая часть крестьянскихъ избъ возводилась и возводится исключительно средствами самихъ крестьянъ. Есть помѣщики, съ готовностію помогающіе мужику лѣсомъ — въ этомъ никто не сомнѣвается, но далеко не всѣ таковы. Да даже и при барской помощи лѣсомъ, главный вкладъ, существенный капиталъ, основной цѣнный расходъ, конечно, повсюду приходится на долю крестьянина.

Здѣшній надѣлъ по «Положенію» $3^1/_4$ десятины на душу, какъ уже прежде было записано. Стало-быть, на нашу семью отойдетъ $6^1/_2$ десятинъ всей земли; а такъ-какъ на усадьбу здѣсь приходится четверть десятины, то на всѣ три поля остается подъ земледѣліе $6^1/_4$ десятинъ. Будемъ разсчитывать такъ, что подъ каждое изъ трехъ полей пойдетъ по $1^1/_2$ десятины, да $1^3/_4$ десятины будетъ лугу. Десятины,

(*) Списано съ опечатками въ итогѣ.

разумѣется, казенныя, а до сегодня мужики привыкли считать ихъ въ 3,200 сажень: стало-быть, на цѣлую треть они получатъ меньше, вслѣдствіе того, что помѣщики обязали ихъ считать неправильно. Разумѣется опять, приневоленіе это было не личное, но иной мужикъ ни сномъ ни духомъ не постигалъ, что указная десятина только въ 2,400 квадратныхъ сажень.

Разсмотримъ прежде всего неизбѣжные годовые расходы мужика, не упуская ни на минуту изъ виду, что мужики въ около-московскихъ губерніяхъ ѣдятъ скверно, скудно, нищенски, несытно и ужь очень неразносольно: мясо здѣсь рѣдкость чрезвычайная! Объ немъ мужикъ и мечтать, бывало, не смѣетъ!

У мужика должны быть двѣ избы; если ужь семьѣ будетъ очень тѣсновато, тогда только мужикъ пристраиваетъ пуньку, амшаникъ и амбаръ. Бань здѣсь нѣтъ: объ нихъ крестьяне какъ-будто и понятія не имѣютъ. Невѣроятно, но дѣйствительно, что въ богатой Московской Губерніи, въ двухъ шагахъ отъ Москвы, люди въ печахъ парятся! У башкирцовъ, у чувашъ, про мордву ужь и не говорю — вездѣ бани есть: а здѣсь здоровенный мужичище и полузабитая баба, скорчившись въ три-погибели, моются въ натопленной печи! Случаи нерѣдки, что запариваются и до смерти!

Обѣ избы со дворомъ и съ отдѣлкой, по общему отголоску, стоютъ здѣсь никакъ не менѣе 200 рублей серебромъ. Внутреннее убранство полагается въ 50 рублей; сюда надо положить: кивотъ, столъ, сундукъ, лавки, ухватъ, горшки, шаечку, коромысло, ведра, валекъ со скалкой, хоть грошовое зеркальцо, гребешокъ, стекло въ окно, пробойчикъ, замокъ, то, другое, бездна мелочей, которыя въ эту минуту не всѣ могутъ прійдти на память.

Крестьянской семьѣ необходимы, по меньшей мѣрѣ, двѣ лошади — это сто рублей; одна коровенка, 15 рублей; десятокъ овецъ, положить хоть по два рубля за голову, 20 рублей, и десятокъ куръ съ пѣтухомъ — ну, это хоть два рубля всего.

Будемъ теперь высчитывать содержаніе всѣхъ этихъ живыхъ существъ.

Крестьянскую семью мы составили изъ пяти душъ; но тамъ двое

маленькихъ: стало-быть, не грѣхъ разсчетъ дѣлать на четыре полныя души.

Ржи нужно по три четверти на человѣка, цѣна ей 5 рублей; слѣдовательно, на 12 четвертей нужно израсходовать въ годъ 60 рублей; еслибъ мужикъ питался воздухомъ, онъ эту рожь продалъ бы и выручилъ бы деньги за свои труды.

Соли по 2 фунта въ мѣсяцъ на человѣка, считая всѣ потребности, въ годъ выйдетъ $2^1/_2$ пуда; покупается фунтами по 2 копейки: стало-быть, это 2 рубля.

Вода, и только вода да воздухъ даются даромъ; но за водой приходится часто ходить далеко на рѣчку: это тоже трудъ, но мы ужь не кладемъ его въ цѣну.

На пищу семьѣ идетъ и крупа, и капустка, и сальцо, и масло скоромное и постное, и лукъ, иной разъ огурцы, рѣпа, морковь, но ужь это какъ лакомство, далеко не всякому доступное. Вообще говоря и повторяя слова управителя, цѣнность приварковъ разнаго рода надо положить бѣдно-бѣдно по пяти копеекъ въ сутки на человѣка; это составитъ на семью въ годъ 73 рубля.

Вина пьютъ много, страшно-много, по урывками, случайно, и именно дорвавшись до него, пропиваютъ иной разъ въ одинъ день столько, сколько, при постепенномъ, но умѣренномъ употребленіи, могли бы истратить впродолженіе мѣсяца. Огромное большинство незамѣтно пропиваютъ въ годъ рублей сто; иные тратятся на него и еще больше. Управитель настаиваетъ, чтобъ я средній годовой расходъ на вино поставилъ во сто рублей, на томъ основаніи, что московскій откупъ, продавая разбавленную виномъ воду, платитъ въ казну мильйоны, мильйоны самъ расходуетъ, да еще кромѣ того мильйоны въ карманъ зашибаетъ.

Ремонтъ одежды, подарокъ женѣ изъ города краснымъ платкомъ, или котами, неминуемо обойдется въ годъ въ 25 рублей. Крестьянскіе сапоги стоютъ 4 — 5 рублей; женскіе коты 1 руб. 50 коп.: одной пары въ годъ довольно какъ хозяину, такъ и хозяйкѣ; но кромѣ этого, рабочему человѣку необходимы лапти. Считаю расходъ на двухъ рабочихъ: 50 паръ лаптей безъ пеньки, по 15 копеекъ, составятъ 7

руб. 50 коп. для одного; 20 паръ лаптей съ пенькою, по 30 коп., составятъ 6 рублей для другаго. Старики и дѣти, почти круглый годъ, ходятъ босикомъ.

Топливо оцѣнить трудно; при непокупномъ топливѣ, при барскихъ милостяхъ и позволеніи таскать валежникъ, его однакожь все-таки необходимо оцѣнить круглымъ счетомъ по рублю въ мѣсяцъ: тутъ лошадь зимой много работаетъ. Стало-быть, годовой расходъ въ годъ, примѣрно, 12 рублей.

Телегу со всѣми желѣзными приборами и укладами, каковы шкворень, шины, поддоски, кольца, дешевле 30 рублей никакъ не сдѣлаешь. Ремонтъ ея въ годъ обойдется не менѣе 15%, стало-быть 4 руб. 50 коп. Сани вещь не дорогая: 3 рубля стоютъ простыя, а за 4 рубля можно купить сани съ лубьями.

Но тутъ идетъ въ ходъ сбруя вся конская и она ставитъ насъ въ недоумѣніе. За тѣмъ, есть бездна вещей, которыхъ я никакъ теперь не съумѣю и пересчитать, не то чтобъ положить въ цѣну: мы не считали соху, борону, косу, грабли, вилы, топоръ, веревки, деготь, долота, клинья, лыки и столь нужное въ крестьянскомъ быту и столь недоступное для мужика—желѣзо. Рублей 25 въ годъ на это, говорятъ, и поглядѣть нѐ на чтò.

Ежегодный ремонтъ избы, по самому умѣренному счету, полагаютъ тоже никакъ не менѣе 25 рублей.

Казенныхъ повинностей съ души крестьяне въ годъ платятъ около 2 рублей.

На ругу, на требы и на разные подобнаго рода расходы меньше 5 рублей въ годъ и считать нельзя.

Оброкъ помѣщику, какъ было уже сказано, въ годъ 40 рублей.

Перейдемъ теперь къ содержанію скота.

У семьи двѣ лошади: пять мѣсяцевъ онѣ на травѣ, остальные семь на овсѣ и сѣнѣ. Овса на лошадь въ сутки, по самой меньшей мѣрѣ, необходимо полчетверика, въ мѣсяцъ около двухъ четвертей; всего 28 четвертей въ годъ; цѣна $3^1/_2$ рубля; весь расходъ 98 руб. Сѣна нужно полпуда на лошадь; всего, круглымъ счетомъ, въ семь мѣсяцовъ 200 пудовъ; считая по 10 копѣекъ пудъ, это составитъ 20 ру-

блей. Въ остальные пять мѣсяцевъ лошадь кой-какъ пробивается: и поголодуетъ, и на пару̀ да на лугахъ въ сытость попасется; это можно оцѣнить хоть по рублю въ мѣсяцъ, всего въ 5 рублей.

Корова пользуется, большею частію, ржаною и овсяною соломой, да мякиной. Молоко почти все идетъ на домашнее продовольствіе; городъ въ тридцати-пяти верстахъ, но здѣсь ни творогъ, ни сметана, ни масло для торга не приготовляются: отцы и дѣды обходились же такъ?

Овца даетъ шерсть на домашнія потребности, на кафтанъ, на онучи, на чулки, на варежки; молодыхъ ягнятъ пускаютъ на племя; бараниной позволяетъ себѣ мужикъ въ Христовъ день разговѣться. А впрочемъ туши продаются, большею частію, на уплату разнаго рода повинностей, особенно прежде, когда поборы томили закрѣпощенную семью.

Кура даетъ яйца; яйца идутъ въ пищу семьѣ, а въ продажу только въ крайнемъ случаѣ, когда не на что ужъ и соли купить. Куры, да и овцы тоже, щиплютъ около рогатаго скота, да около домашняго стола хозяевъ. Случается, и нерѣдко, что кура, постоянно голодуя, рветъ хлѣбъ изъ рукъ и даже изо-рта хозяевъ, особенно у ребятишекъ: такъ у нихъ и выклевываетъ, когда тѣ зазѣваются. Увѣряютъ меня здѣсь, что коли посчитать, то кура съѣстъ больше, чѣмъ сама стòитъ, и съ яйцами-тò.

И при всѣхъ этихъ нищенскихъ расходахъ, вотъ ужъ мы насчитали почти пятьсотъ рублей серебромъ неминуемыхъ потратъ на семью въ годъ.

Каковы же доходы этой семьи отъ одного земледѣлія?

Земледѣльческіе пріемы здѣсь чрезвычайно грубые и невѣжественные. Земля тощая; передѣлы полей частые; скота крестьяне, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, держатъ мало; сберегать навозъ не умѣютъ; утучнять поля не охотливы (*). Полагаясь на промыслы, которые

(*) Въ Псковской губерніи, Новоржевскаго Уѣзда, бывшій владѣлецъ одного сельца, говорятъ, сгонялъ на зиму весь крестьянскій скотъ къ себѣ въ хлѣвъ, чтобъ собрать больше навозу на удобреніе своихъ полей. Разсказывалъ тамошній помѣщикъ

одни и поддерживаютъ крестьянина, мужики, несмотря на близость свою къ центру русскаго образованнаго міра, чужды всякаго прогресса и незнакомы ни съ какими улучшеніями въ сельскомъ хозяйствѣ. Такъ было до сей минуты. Я толковалъ объ этомъ съ крестьянами и совѣтовалъ раздѣлить запашку на шесть поль: крестьянина затрудняетъ, какъ приняться съ перваго раза за это? дѣло-то, молъ, это новое! а онъ очень хорошо смекаетъ, что теперь у него гуляютъ полторы десятины подъ пàромъ, а въ-тѣ-поры, какъ многопольное хозяйство будетъ—только развѣ что полдесятинки, склавши руки, сидѣть станутъ.

Итакъ, паровое поле не даетъ семьѣ никакого видимаго дохода.

Второе поле яровое. На казенную десятину мужикъ высѣетъ три четверти сѣмянъ. Обыкновенный средній урожай, кромѣ возврата сѣмянъ, дастъ прибыли шесть четвертей. Здѣшнія цѣны на овесъ $3^1/_2$ рубля; стало-быть за девять четвертей мужикъ можетъ выручить 31 руб. 50 коп.

Третье поле озимое. На обсѣвъ надо по полторы четверти на десятину; кромѣ возврата сѣмянъ, при обыкновенномъ урожаѣ самъ-третеи̂, получится три четверти. Продажная цѣна осенью дешева, но къ зимѣ она составляетъ $4^1/_2$, рѣдко 5 рублей. Такъ-какъ мужику въ деньгахъ нужда и крайность бываетъ больше осенью, то осенью онъ весь хлѣбъ и распродаетъ; но если допустить даже самую высокую цѣну, 5 рублей, то и тутъ, за $4^1/_2$ четверти, онъ выручитъ только 22 руб. 50 коп.

Наконецъ, остается сѣнокосъ. Въ здѣшнихъ мѣстахъ, мужики, нерѣдко, съ полуторыхъ прежнихъ десятинъ накашивали всего-на-все сто пудовъ сѣна. Положимъ, лучшіе покосы во сто пудовъ съ одной ка-

П. Ѳ. Ферморъ. Онъ же разсказывалъ, что какой-то петербургскій чиновникъ, имѣя случай заранѣе узнавать о задешево-продающихся имѣніяхъ, купилъ однажды очень выгодно маленькое имѣньице въ нѣсколько деревень. Выбравъ лучше всѣхъ обстроенную деревню, онъ здѣшнихъ мужиковъ свелъ въ другую мѣстность, избы ихъ, конечно, взялъ себѣ, разобралъ ихъ и выстроилъ изъ нихъ себѣ барскій домъ. Потомъ велѣлъ собрать съ каждаго двора своихъ подданныхъ по коровѣ, по овцѣ, по нарѣ куръ и съ двухъ дворовъ по лошади—и, такимъ-образомъ, разомъ обзавелся «отличнымъ» хозяйствомъ!

зенной десятины; всего, стало-быть, будетъ 175 пудовъ; цѣна 10 коп. за пудъ; весь доходъ составитъ 17 руб. 50 копеекъ.

Доходъ въ пищу молокомъ и яйцами, а также и саломъ, если очень ужь щедро положить по $2\frac{1}{2}$ даже по три коп. въ сутки, составитъ всего рублей одиннадцать.

Топливо, которымъ господа помогутъ и что̀ хозяйка случайно, изъ бѣдности, своруетъ, составитъ въ годъ рубля четыре.

Такимъ-образомъ, на покрытіе своего бюджета, крестьянская семья выручаетъ на первый разъ, дома, 86 рублей 50 копеекъ... Можетъ-быть, тутъ есть ошибки, неправильности, невѣрное пониманіе: каюсь заранѣе и жду, пусть другіе основательнѣе представятъ подробные расчеты. А разсчеты эти важны; ихъ слѣдовало бы собрать по каждому волостному правленію въ цѣлой Россіи и положить въ основаніе системы неравномѣрнаго обложенія народа разными повинностями, если не податями.

Остальные слишкомъ четыреста рублей, хозяинъ долженъ выработать на сторонѣ, въ здѣшнихъ мѣстахъ извозами и рубкою лѣса.

Конечно, чѣмъ болѣе у мужика лошадей, тѣмъ онъ остается въ большей выгодѣ. При пяти лошадяхъ одинъ хозяинъ всегда будетъ гораздо въ большемъ выигрышѣ, чѣмъ пятеро хозяевъ, изъ которыхъ у каждаго всего по одной лошади. Оно и понятно: при пяти лошадяхъ первый хозяинъ можетъ расходовать одного возчика, стало-быть, прогулъ во времени, лишніе харчи, обносъ въ одеждѣ и проч. падаютъ на одного только человѣка.

Вотъ причины, по которымъ всѣ земледѣльческія работы находятся здѣсь въ рукахъ женщинъ. Грустно и больно видѣть бабу за сохой; но есть надежда, что съ измѣненіемъ коренныхъ основъ крестьянскаго быта, прежнія болѣзненныя явленія будутъ постепенно сглаживаться и уничтожаться. Свобода и образованіе, основанное на сознаніи крестьянами своего гражданскаго полноправія, исцѣлятъ всѣ старыя язвы; конечно, они совершатъ это не такъ скоро, какъ бы желалось, но они сдѣлаютъ свое дѣло. «Старая пора прошла и нынче не тѣ ужь времена»—это новая крестьянская фраза, прежде отъ мужиковъ и неслыханная.

Настанетъ же въ-самомъ-дѣлѣ когда-нибудь иная пора и крестьянинъ, конечно, будетъ тогда въ силахъ увеличить свое скотоводство. Теперь у него и луговъ мало, да и нѣтъ разсчета держать лишней скотинки: молоко дѣвать некуда, а употреблять его съ пользою впрокъ люди не научены. Гнетъ рабства притупилъ у нихъ всякую возможность думать объ улучшеніяхъ. При томъ же корма̀ дороги: пудъ сѣна сто̀тъ 30 копеекъ, а яровая солома до 15 копеекъ пудъ. Озимую же солому преимущественно стараются мужики продать въ Москвѣ, въ томъ предположеніи, чтобъ какимъ-нибудь способомъ добыть наличныя деньги, а весною купить лошадь для работы. Но эти разсчеты бываютъ невѣрны: деньги проживаются, а чаще того пропиваются: мужикъ и остается безъ ничего. Скотинка обдираетъ крыши, самъ хозяинъ слоняется по чужимъ угламъ, а хозяйка съ ребятишками, во имя христово, питаются мірскимъ подаяньемъ и превращаются въ «обожженныя оглобли», сбирая «на погорѣлое», или шатаются изъ деревни въ деревню подъ прозвищемъ «шуваловцовъ», то-есть изъ нищихъ нищими. Есть, конечно, исключенія, и исключенія блестящія, но въ томъ-то и дѣло, что то̀ исключенія! Приводимый мною примѣръ тоже, пожалуй, исключеніе, но за то встрѣчался въ старые годы и сплошь и сряду.

Воскресенье, 18 іюня.

Сегодня я былъ у обѣдни, и вотъ результаты: дьяконъ въ отсутствіи; попъ служилъ одинъ. Обѣдня шла, по столичному, быстро. Церковь содержится въ чистотѣ и опрятности. Благообразіе не нарушено ничѣмъ. Пѣніе добропорядочное, согласное, тихое и безъ вскрикиваній. Поютъ прихожане, и это меня удивило; обыкновенно, сборная братія по деревнямъ невыносимо деретъ уши; здѣсь же святость мѣста ничѣмъ не пострадала отъ посильнаго умѣнья. Мнѣ напомнили причину этого: въ имѣніи существовала когда-то школа, но школа не грамотности, а исключительно пѣнія, преимущественно церковнаго. Заношу факты, несовсѣмъ-обыкновенные. Народу было мно-

го, но больше женщинъ. Народъ стоялъ чинно, очень-чинно и благоговѣйно. Причтъ не нарушалъ этого благоговѣнія никакими выходками. Въ храмѣ не замѣтилъ ни въ чемъ аляповатости; украшенія его наружныя были весьма-приличны и согласованы съ достоинствомъ храма божія. Ни давки, ни шума, ни толкотни при извѣстныхъ случаяхъ не было. Но проповѣди не говорено. По окончаніи литургіи, много было заказныхъ молебновъ.

Послѣ обѣдни сдѣлалъ я визитъ къ священнику, съ которымъ еще прежде немного познакомился. Но служитель алтаря торопился куда-то въ отъѣздъ, для совершенія важныхъ требъ, и задерживать его мнѣ было не слѣдъ.

Священникъ живетъ бѣдненько. Домишко старенькій, полуразрушенный, но еще держится, хотя и окна, и половицы покосились. Положеніе его тяжелое. Онъ еще молодой человѣкъ и недавно женился на здѣшней поповнѣ, то-есть, иными словами, недавно получилъ приходъ, недавно посвященъ въ священники. Тяжело ему, бѣдному, обзаводиться хозяйствомъ. Ничего-то еще своего нѣтъ; все надо въ долгъ, да на-кредитъ — и лошаденку купить, и какую-нибудь тележонку завести; надо чѣмъ и прокормиться; надо самому прилично одѣться; необходимо и жену нарядить. Въ нашемъ быту, и при полномъ обзаведеніи, случается, что иной разъ и густо, а иной пусто; но бѣдному, только-что начинающему жить, попу мудрено свести концы съ концами. Панибратствовать съ мужиками — не приходится: мужики послѣ сядутъ попу на шею; чуждаться мужика — его отъ себя отдалишь! А мужикъ попу нуженъ! А, между-тѣмъ, все дорого; запасовъ никакихъ нѣтъ; знакомство не обширно; нужды велики, потребности широки. И не то, что тамъ какіе-нибудь чай да кофеи вводятъ человѣка въ сокрушеніе: это своимъ чередомъ; а недостаетъ главнаго-то, недостаетъ насущнаго! На ту бѣду и молодой-то женѣ хотѣлось бы сдѣлать и то, и другое. Теперь же пошли вездѣ кринолины, да модныя шляпки, а безъ нихъ нельзя! Ну, поповнѣ еще ничего, какъ-нибудь да съ рукъ сойдетъ, но каково попадьѣ? И что̀ жь она будетъ за попадья, коли на ней не надѣто шолковаго платья да свѣженькой, разукрашенной цвѣтами и лентами шляпки? Вотъ что̀ и

нашего брата, мірянина, иной разъ сушитъ, а вѣдь духовное лицо, въ частной жизни, тотъ же человѣкъ, съ тѣми же чувствами, съ тѣми же желаніями, съ тѣми же страстями. Да, впрочемъ, что̀ жь иную попадью и поповну и отличитъ-то отъ простой крестьянки, какъ не наряды? Какъ та, такъ и другая — грамотѣ не знаютъ; какъ та, такъ и другая смотрятъ на божій міръ изъ одного и того же окошка и подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія; какъ у той, такъ и у другой кругъ умственныхъ заботъ и душевныхъ помышленій все одинъ и тотъ же: сготовить мужу обѣдъ, наготовить печеній, призадуматься и помечтать о разныхъ соленьяхъ, въ волюшку поспать и услаждать горькіе часы мужнина отдыха доступными, подручными сладостями, тихою жизнію, кротостію поведенія и христіанскимъ смиреніемъ. А нужда долитъ и ежеминутно грозитъ зависимостію отъ тѣхъ, кого бы хотѣлось держать въ постоянной отъ насъ же зависимости.

Изъ неоднократныхъ сценъ столкновенія конторы съ крестьянами, я не могъ не замѣтить слѣдующей черты.

Сговорившись заранѣе, какъ имъ дѣйствовать, вліятельнѣйшіе изъ говоруновъ подбираютъ себѣ ассистентовъ. Когда выступаетъ впередъ съ своими рѣчами одинъ изъ этихъ ораторовъ, рядомъ съ нимъ выступаетъ, у него съ боковъ, еще по способнику. Когда развиваетъ рѣчь одинъ и начинаетъ теряться въ доводахъ, сейчасъ который-нибудь изъ этихъ способниковъ перебиваетъ его рѣчь и заводитъ новую рацѐю. При серьёзномъ направленіи прерванной такимъ манеромъ нити, способникъ этотъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, заводитъ ахинею Богъ-знаетъ о чемъ. Тутъ у него откуда-то явится и исторія о какомъ-то колодцѣ, и разсказъ о свиньѣ, которую кто-то совсѣмъ-было избилъ дубинкой, и о тёткѣ Степанидѣ, что̀ иногда побирается, и о томъ, что вотъ, нагдысь, староста неправо въ нарядъ его нарядилъ, а что вотъ сторожу ночному не даютъ идти въ заработки на-сторону. Заврется одинъ — другой способникъ, по вдохновенію, начнетъ новую чепуху и нескладицу, да такую, что выведетъ изъ себя даже пріятеля, главнаго говоруна. И тотъ потеряетъ тер-

нѣніе, и тотъ наконецъ прикрикнетъ на него: «да молчи ужо, лѣшай, ротъ-отъ заткни! Чего брешешь!»

Крестьянинъ нашъ часто любитъ умничать по-своему, а чаще того, изъ какихъ-то видовъ, совсѣмъ дурака изъ себя кажетъ. Знакомый мужикъ, еще вчера ладно, толково и съ тактомъ разсуждавшій о дѣлѣ, сегодня поретъ такую дичь, что слушать тошно. Потомъ, эта манера лгать, представлять изъ себя угнетенную невинность, представлять грязное чистымъ, а въ чистое бросить комокъ грязи — тоже въ характерѣ нашего мужика. Коли дѣло идетъ ладно, подозрѣнія въ правдивости не заявляется, ложь продолжаетъ литься какъ по маслу и поддерживается криками всей толпы, большая часть которой вовсе и не слышитъ, о чемъ идетъ дѣло: но они ужь вчера сговорились по такому-то сигналу голосить всѣмъ хоромъ — они и голосятъ, и орутъ, если противная сторона замнется, затеряется и станетъ подаваться на уступки. И, конечно, всему виною неправда и ложность понятій, невѣжество, одичалость и сила обстоятельствъ, въ которыхъ крестьянство наше вспоено, вскормлено, взросло и окрѣпло... А есть данныя, что съ новою жизнію крестьяне наши болѣе-и-болѣе будутъ освобождаться отъ этихъ азіатскихъ наклонностей.

Есть и еще скверная черта въ нашемъ простомъ народѣ — это наклонность основывать все на матеріальной силѣ съ слабѣйшею стороною и пресмыкательство, подлая лесть и самое рабское холопство передъ стороной сильнѣйшей. Въ старые годы, бывало, стоило крикнуть хорошенечко на толпу и ввернуть непечатное междуметіе — и толпа стихала, рабски покоряясь страху насилія. Но этимъ же самымъ насиліемъ, этою же самою угрозою страха мужикъ дѣйствуетъ и противъ своего же брата-крестьянина.

«Дрожи передъ старшими — и подъ тобой дрожать станутъ», вотъ одно изъ твердо-засѣвшихъ мужику въ голову истинно-патріархальныхъ убѣжденій. Оно и въ-самомъ-дѣлѣ такъ водилось вѣками. Оно — слѣдствіе крѣпостнаго права; оно — прямой выводъ изъ историческской жизни народа, изъ опыта столѣтій.

Кому не извѣстны весьма-нерѣдкіе случаи, что мужикъ, поднявшійся ступенью выше надъ другими, начинаетъ ломаться и на первыхъ

же порахъ заявлять силу и мощь свою надъ недавними товарищами только одними утѣсненіями (*).

(*) Къ слову считаю не безполезнымъ прибавить нѣсколько фактовъ, дошедшихъ до меня только недавно.

Къ первому сентября возвратился изъ деревни одинъ изъ моихъ знакомыхъ, псковскій помѣщикъ П. Ѳ. Ферморъ. Вотъ что онъ мнѣ поразсказалъ.

Въ одномъ уѣздѣ Псковской Губерніи учредили волости. Надо было выстроить домъ для волостнаго управленія. Уставныя грамоты еще не написаны и крестьяне еще невполнѣ увѣрены, какія земли будутъ ихъ крестьянскою землею, а быть-можетъ они, просто, не желали расходоваться своимъ будущимъ надѣломъ, а подъискали на сторонѣ клочокъ земли «подъ волость», какъ они выражаются сокращенно. Пошли-было они къ одному землевладѣльцу принанять у него землицы для волостнаго дома; тому не желательно было близкое сосѣдство мужиковъ и будущая суетня въ околодкѣ; онъ отказалъ имъ. Пошли къ другимъ попытать—тоже неудача. Вотъ пришли къ г. Фермору.

— Извольте, братцы, сказалъ онъ.—Я могу кое-что для васъ сдѣлать, но... по уговоръ лучше денегъ; я вамъ дамъ землицы, но не безъ условій: вы мнѣ должны дать твердое слово, должны письменно предо мною обязаться.

— Что, батюшка, хотите возьмите, требуйте что угодно, мы не постоимъ! отвѣчали мужики.

— Многаго мнѣ ненадобно. Пока успѣете обстроиться, я вамъ подъ волостное правленіе дамъ на время другую избу, а землю вамъ я не продамъ, а я вамъ подарю ее, и не клочекъ, а цѣлую десятину подарю.

— Батюшка, кормилецъ ты нашъ, вѣчно мы твои богомольцы!

— Погодите, не торопитесь; я вамъ это пожертвованіе сдѣлаю съ удовольствіемъ, но и отъ васъ потребую кое-чего.

— Требуй, кормилецъ, требуй чего душа хочетъ.

— Вотъ вамъ двѣ задачи, два непремѣнныя условія.—Первое. Какъ волостной домъ покончите, то первое строеніе, за которое вы приметесь, должна быть школа, чтобъ вы тутъ дѣтей своихъ, и внучатъ, и правнучатъ учили уму-разуму.

— Ахъ, кормилецъ, Господь тебя наградитъ за это!

— Ну, да наградитъ ли, не наградитъ ли меня Господь, а вы-то должны это первое мое требованіе свято исполнить.

— Ужь какъ же! Ужь безпремѣнно исполнимъ! Какъ безъ ученья! вѣстимо, грамотѣ надо: прочитать бумагу случится, приговоръ написать, счеты свести...

— Ну, такъ вотъ это первое и главное. Теперь второе и тоже главное, безъ чего я земли вамъ и пяди не подарю: дайте вы мнѣ зарокъ, и приговоръ составьте, что вы отнынѣ и на-вѣки-вѣковъ на этой, жертвуемой мною вамъ, землѣ никого, никогда никакому тѣлесному наказанію подвергать не станете?

Староста изъ мужиковъ, бурмистръ изъ мужиковъ, приказчикъ изъ мужиковъ — превращались просто въ варваровъ и дѣлались бичами

— Изволь, изволь, батюшка, поспѣшили заговорить двое или трое изъ земскихъ новоизбранныхъ властей и въ томъ числѣ самъ волостной старшина.

Остальные, судьи, старосты сельскіе и выборные молчали и стояли въ недоумѣніи: не спятилъ ли съ-ума баринъ-то этотъ.

Но вотъ отдѣлился видный собою мужикъ, еще питерщикъ, и заговорилъ:

— Не ладно, ваша милость, говорить изволите.

— Чѣмъ же не ладно?

— Да какъ же такъ: ни сѣчь, ни бить, стало, мужика не надо?

— Въ томъ-то и дѣло, что я этого отъ васъ требую.

— Что̀ вы, сударь, какъ это можно! съ усмѣшкою возразилъ питерщикъ.

— Та̀къ же и можно, какъ можно! Царское «Положенье» даетъ вамъ власть употребить другія мѣры взысканій: у васъ есть арестъ, у васъ есть денежный штрафъ, у васъ есть отдача въ заработки, у васъ есть исключеніе изъ общества.

— Да что вы, сударь: мужику надо дёрку! разсуждалъ питерщикъ.

— Вѣстимо, посѣчь прійдется! заголосили другіе.

— А вы не сѣките! настаивалъ г. Ферморъ.

— *Что жь мы-то послѣ того выйдемъ? Какъ же насъ бояться-то станутъ?*

— *Насъ самихъ драли, да пороли!* вопили одни.

— *Какъ безъ порки! Сѣчь надо мужика!* голосили другіе.

— *Мы-то что̀ жь? Что̀ жь мы за начальство станемъ?* кричали третьи.

— Ну, а я безъ того земли вамъ не дамъ, рѣшилъ помѣщикъ.

— А что̀, дядя Трофимъ?... Лука Терентьичъ?... ась? *али намъ драть водить мужиковъ на деревню?...* На волостной землѣ, пожалуй, пороть ихъ не станемъ!

Какой плутовской, подлый, подъяческій оборотъ дѣла!

Между земскими людьми пошло разногласіе; такъ дѣло ничѣмъ и не кончилось.

Надо прибавить еще и то, что предложеніе г. Фермора найдено было со стороны нѣкоторыхъ лицъ некрестьянскаго званія «причудами» и «чушью». Эти лица явились къ причуднику.

— Что̀ вы это затѣяли? Да вы противъ насъ идете! вы народъ бунтуете! Вы идете противъ принципа! Какъ это можно? Наши нравственные интересы отъ этого пострадаютъ!

Сельскій староста въ имѣніи г. Фермора выбранъ единогласно въ волостные старшины. Должность старосты сдѣлалась, такимъ-образомъ, вакантною. Эти же самые мужики, для которыхъ помѣщикъ кое-что дѣлалъ и котораго они истинно любили, выбрали въ эту почетную должность мужика Ѳедота. А Ѳедотъ давно ужь заявленъ

своихъ же однодеревенцовъ. Я не говорю уже о властяхъ изъ дворовыхъ; дворовые были вѣчными притѣснителями земледѣльческаго клас-

---

землевладѣльцу какъ дурной человѣкъ, наказанный уже по приговору міра не разъ, и какъ дерзкій ослушникъ и грубіянъ. Землевладѣлецъ протестовалъ и на его дознаніе, какъ это могло случиться, онъ къ изумленію и, разумѣется, къ огорченію, узналъ, что міръ выбралъ Ѳедота именно потому только, что «онъ съ бариномъ больно зубастъ!» Мировой посредникъ не утвердилъ этого выбора и крестьяне, будучи обязаны сдѣлать новый выборъ, ходили къ помѣщику просить прощенія.

«Человѣческія страсти возгараются и пылаютъ часто изъ самыхъ ничтожныхъ пустяковъ: мгновенно увлечешься — и согрѣшишь, поступишь неправильно!»

Одинъ помѣщикъ былъ недоволенъ выборомъ въ старосты крестьянина Сидора. Выборы сдѣланы законно и правильно, а помѣщику хотѣлось своего кандидата посадить насильно. Протестовать или пуститься въ интриги, въ жалобы, порядочному человѣку было неловко, по сгоряча, и полагая, что мужики дураки, не понимаютъ всѣхъ тонкостей дѣла, помѣщикъ далъ такой приказъ своему приказчику:

— Смотри, Василій Кузьмичъ, ты жми Сидорку! Отъ полевыхъ работъ онъ по закону теперь избавленъ: такъ ты его съ зари-до-зари держи при себѣ! не спускай съ поля! онъ долженъ, по закону, наблюдать за работами міра!

Русскій человѣкъ способенъ на всѣ лишенія, на всѣ пожертвованія — этого никто отвергать не станетъ; но въ частности, коснись только дѣло его копеечнаго интереса—и онъ призадумается. Сейчасъ въ головѣ раждается мысль: нельзя ли хоть что-нибудь выторговать? Даже есть поговорка: «купилъ, не купилъ — а поторговаться можно». И эта скверненькая черта характера проявляется во всѣхъ случаяхъ народной жизни. Вотъ что̀ мнѣ разсказывалъ другой помѣщикъ, изъ Смоленской Губерніи, М. П. Ивановъ.

У него, въ деревнѣ Смородинкѣ, крестьяне, по числу душъ, пользуются бо̀льшимъ количествомъ земли, чѣмъ слѣдуетъ по надѣлу: помѣщикъ отдалъ имъ эту землю въ полное распоряженіе, а себѣ оставилъ особнякъ-земельку въ сельцѣ Гришневѣ, гдѣ есть небольшая лѣсная дача, въ Смородинкѣ же начинались только въ одномъ мѣстѣ небольшія березовыя заросли. Лѣтъ осмьнадцать тому назадъ, помѣщикъ запретилъ рубить смородинскій наростникъ, а позволилъ мужикамъ брать лѣсъ, сколько нужно, изъ села Гришнева: такимъ-образомъ, къ настоящему времени, въ Смородинкѣ выросъ порядочный лѣсокъ, а въ Гришневѣ дача немножечко опустошилась.

Нынче, лѣтомъ 1861 г., при надѣлѣ крестьянъ землею, имъ, по собственному ихъ желанію, пришлось получить смородинскій лѣсъ, которымъ, если умненько распоряжаться, можно надолго обезпечить себя топливомъ.

*

са; охлажденіе между этими двумя сторонами было всегда страшное. Вещь понятная: дворовый, нахватавшись привычекъ около прихвост-

Два крестьянина, Өедоръ и Карпъ, которымъ помѣщикъ старался растолковать, ка̀къ его давнишній заказъ смородинскаго лѣса пошелъ имъ во благо, сказали ему спасибо за это; но Карпъ не выдержалъ.

— Хорошо-то хорошо, кормилецъ—сказалъ онъ, да въ Смородинкѣ-то только дровяной лѣсъ, а у вашей милости, въ Гришневѣ, и строевой проквдывается.

— Да, что жь изъ этого? спросилъ помѣщикъ.

— А то: избёнка у меня больно плоха.

— Выстрой, братецъ, новую.

— Да изъ чего я новую-то выстрою? вишь вы не даете.

— Я вамъ уступилъ все, что могъ, а всегда снабжать тебя лѣсомъ я не обязанъ.

— Я эвтова не знаю, а изба куда, слышь, плоха! совсѣмъ валится! Вонъ, Өедоръ, по твоей милости, третьяго лѣта поставилъ новую избу.

— То̀ было — да быльемъ поросло; было прежде.

— Прежде-то прежде, а у меня теперь изба подгнила, и на дворѣ строеніе валится.

— Чѣмъ же я тутъ виноватъ?

— Виноватъ-то ты не виноватъ, да какъ зиму-то зимовать мнѣ съ семьей?

— Построй новый дворъ.

— Ты, батюшка, дай лѣску-то: не изъ плетня же строить!

— Я тебѣ говорю, что я не обязанъ... могу дать изъ милости...

— Пожалуй, хошь изъ милости, ка̀къ тамъ себѣ знаешь.

— И то могу не на весь дворъ, а деревъ шестьдесятъ тебѣ подарить—подарю.

— Да что̀ мнѣ шестьдесятъ деревъ? не хватитъ!

— Ну, какъ хочешь: дареному коню въ зубы не смотрятъ, а ты бы и на томъ спасибо сказалъ.

— Да спасибо-то спасибо, да ка̀къ же я безъ двора-то останусь? Ты бы ужь того...

Покончили на шестьдесятъ съ пяткомъ.

Одинъ изъ бывшихъ дворовыхъ того же помѣщика хотѣлъ его нынче обсчитать хоть на одинъ день въ срокѣ. Помѣщикъ возвратился въ Петербургъ къ сентябрю. Въ сентябрѣ дворовый, теперь ужь временно-обязанный, явился на поклонъ къ прежнему барину. Ну, пошли разговоры: гдѣ живешь, сколько берешь жалованья?

— Вотъ у тебя какое теперь мѣсто хорошее, а ты, никакъ, про оброкъ и забылъ?

ней дворскихъ и инстинктивно понимая, что весь его вѣсъ и значеченіе основаны не на нравственномъ достоинствѣ, а на ласковомъ взглядѣ, за угодничество, или самого барина, или бариновой Фишки, находилъ опору въ матеріальной силѣ и давилъ земскій людъ и не давалъ ему вздохнуть свободно.

Тѣмъ и важно, тѣмъ и велико «Положеніе» 19-го февраля, что оно навсегда прекращаетъ отраженіе зловредныхъ лучей изъ прежняго фокуса, полагаетъ конецъ самодурству и насилію, уничтожаетъ таинственность и произволъ, водворяетъ просвѣщеніе и требуетъ полной гласности въ дѣйствіяхъ властей, слѣдовательно полнаго ихъ подчиненія суду общественнаго мнѣнія.

Да̀, не старая теперь пора. Настало другое время. А время великій двигатель! А такъ-какъ болѣзни входятъ въ насъ грѣшныхъ пудами, а выходятъ золотниками, то стародавнія наши язвы долго не будутъ залечены, особенно если на излеченіе ихъ мы призовемъ коноваловъ, а не присяжныхъ, истинно-ученыхъ медиковъ, практически-изучившихъ дѣло и проникнутыхъ желаніемъ не набивать только свои собственные карманы, дѣйствуя лишь паліативами и прописывая легонькія микстурки, а дѣлать добро, жить для блага ближняго, свято исполнять гражданскій долгъ свой.

Ну, вотъ теперь пойдутъ толки! Сегодня, за ужиномъ, прибѣжали сказать, что на небѣ знаменіе: звѣзда съ хвостомъ! Мы всѣ вышли изъ хатки: комета! Вечеръ чудесный; комета довольно-красивая.

— Сюртукъ купилъ — угрюмо отвѣчалъ дворовый.

— Меня бы вспомнилъ.

— Сюртукъ добрый, суконцо славное.

— Да что̀ суконцо! ты бы вотъ оброкъ-то...

— И кармановъ сколько!

— Наладилъ все одно, экъ у тебя все сюртукъ на умѣ... хоть бы часть оброка!

— Сапоги то же!

Намъ пересказали, что мужики находятся, по милости кометы, подъ дурнымъ впечатлѣніемъ.

— Знаменіе господне! благоговѣйно говорили одни.

— Война съ туркой! смекали политиканы.

— Французъ не поднялся ль?

— Борони Богъ отъ войны! говорили солидные люди. Безъ солдатчины, дай Богъ царю здоровье, да еще волю даютъ—тутъ было мужички только что справляться стали... Борони Богъ!... войны упаси Боже!

— Небось! хвостъ-отъ отъ насъ въ сторону! Вишь, эвона куда! прямо на турку!

— Что̀ хвостъ! хвостъ послѣднее дѣло!.... знаменіе не даромъ!

Толкуютъ, говорятъ, ахаютъ, охаютъ, размахиваютъ руками, а если въ сущности поразобрать — право, вѣдь они не вѣрятъ. Да и чему они вѣрятъ? такъ только, держатся бабьихъ сказокъ, да преданій, вовсе не придавая имъ никакой цѣны, а главное не разсуждая, не вдумываясь въ значеніе «знаменія».

Скажутъ: тутъ слѣпая вѣра; а если «слѣпа» она, стало-быть, ничего не видитъ, она—отрицаніе, она переливаніе изъ пустаго въ порожнее, она невѣжество, и просто-на-просто открытое безвѣріе. Сегодня потолкуютъ о кометѣ, потолкуютъ и завтра, поохаютъ, поахаютъ, разведутъ руками, ударятъ лишній разъ по бедрамъ, да тѣмъ и покончатъ! вотъ-те и комета! вотъ-те и вѣра въ звѣзды съ хвостами! Тутъ вовсе нѣтъ ни разумности, ни сердечнаго высказыванія — одни предразсудки, а этихъ предразсудковъ у насъ многое множество. И гдѣ мужику съ ними справиться? какъ ему ихъ побороть, когда за

— Да что̀ мнѣ сапоги! Вотъ оброкъ бы! Вѣдь срокъ! Въ прошломъ году такъ ты на срокъ успѣлъ, принесъ 31-го августа.
— Тридцать втораго!
— Когда-а?
— Тридцать-втораго, а никакъ и тридцать-третьяго... вѣдь я помню! Я обманывать вашей милости не стану... ужь я знаю, что тридцать-втораго числа оброкъ приносилъ!

иные предразсудки, въ которые онъ подъ-часъ и вдумывался, по которымъ разсудокъ его не могъ подъискать никакого основанія — его потаскивали, за другіе же—и точно также невыясняемые умомъ предразсудки чуть не по головкѣ гладили. А вотъ теперь, когда старая пора прошла и наступила пора иная, онъ самъ на себѣ въ-очью видитъ, что многое изъ того стараго, что̀ было до-сихъ-поръ заповѣдною тайною—просто, пустяки были: должно-быть, пустяки, ложь, неправда — вотъ же отвергнуто? А это-то мужикъ смекаетъ; онъ самъ надъ собою смѣется, разсказывая про недавнее былое: «а мы-то, дураки, бывало, и уши развѣсимъ! а мы-то, дураки, бывало, думаемъ...»

Нѣтъ, не такъ простъ мужикъ, не такъ онъ глупъ, чтобъ его можно было поддѣть на звѣзду съ хвостомъ. Ума у него бездна; но умъ-то этотъ все въ тискахъ былъ; направленіе-то ему дано было превратное; шири, воли, полету взять было не откуда; онъ удрученъ былъ тяжестью горя и нужды; и совокупность всѣхъ враждебно-дѣйствовавшихъ прямо на мужика обстоятельствъ, примѣры и очевидные образцы наводили его на неладныя мысли, на софизмы, совратили его съ пути и сдѣлали изъ него — человѣка себѣ-на-умѣ, сдѣлали и плута, насильственно извращеннаго, падкаго на чужое добро, загнаннаго, забитаго и озлобленнаго на все невѣжу. А все это надѣлало крѣпостное право. Какое сравненіе съ Сибирью! Этому мѣсту, гдѣ я теперь живу, надо прожить еще лѣтъ хоть сто, чтобъ дорости до Сибири.

Въ Сибири не было крѣпостнаго права (ничтожныя исключенія, открытыя случайно редакціонными коммиссіями, тутъ ничего не значатъ): тамъ крѣпости не существовало— вотъ гдѣ основная причина такого громаднаго различія въ гражданской развитости простаго народа. Сибиряки тоже одержимы извѣстнаго рода слабостями и болѣзнями. Но слабости эти мы не имѣемъ права называть народными, національными; онѣ насильственно прививаются! Лекарство, цѣлительный бальзамъ для нихъ универсаленъ для всего рода человѣческаго — свобода и просвѣщеніе.

Понедѣльникъ, 19 іюня.

Сегодня часть бабъ на которое-то поле навозъ возитъ. Прибыли онѣ сюда, должно-быть, изъ далекихъ деревень: собрались съ вечера. Но ужъ и навозъ! чистѣйшая солома, ни капельки не перепрѣлая! Бабы идутъ рядомъ съ телегой и какъ-то отмѣнно шагаютъ: точно породистая лошадь выступаетъ. А голоса, голоса-то? точно Альбони съ Ристори ведутъ перебранку. Бабы на видъ больше все стройныя; натуръ въ родѣ Медори не встрѣчается. Идя съ возомъ отъ скотнаго двора, бабы смиренничаютъ и при встрѣчѣ, потупивъ глаза, отвѣшиваютъ несмѣлый и тупой поклонъ чужому человѣку. Назадъ возвращаются, сидя ужъ въ опорожненной телегѣ, погоняя возжей вскачь бѣгущую лошадь и во все горло горланя, какая на умъ взбредетъ, пѣсню.

Но за то тамъ, гдѣ навозъ раскиданъ ужь прежде, пѣсенъ не слыхать: не до того тутъ бабѣ! Проводя борозду и нажимая соху, баба только пыхтитъ да отдувается, обливаясь пòтомъ, раскраснѣвшись отъ тяготы и жаровъ и присчитывая негодной буланкѣ тысячу чертей и другихъ разныхъ штучекъ, когда бѣдная лошадёнка, умучившись и упарившись, вдругъ остановится и не выволочитъ соху (Объ изнуренной, повѣсившей голову лошади здѣсь обыкновенно выражаются фразой: «субботнія газеты читать»).

Тутъ гдѣ-нибудь, на ближней межкѣ, прикрытый грязною тряпицей, лежитъ полуогрызанный, полуобщипанный, сѣрый какъ земля, сухой какъ дерево, отрѣзокъ отъ ковриги хлѣба, а рядомъ съ нимъ пріютился заткнутый старою онучею кувшинчикъ съ водицей: это и завтракъ, и весь обѣдъ, и весь ужинъ подмосковной бабы. А тамъ, подальше въ сторонкѣ, для большей услады утомленной до-нельзя матери, пищитъ маленькій человѣчекъ, лежа въ походной люлькѣ, подъ надзоромъ малютки-ребёнка, и ворочая грязную-прегрязную соску.

— Мамка, поди! Ѳедотка реветъ!... поди, проситъ!... кричитъ матери сторожъ-малютка, перебравъ всѣ хитрости, чтобы укачать грудное дитя или развлечь его вниманіе сподручными средствами.

Но мамкѣ не до того. Красный платокъ съ головы давно съѣхалъ ей на ухо; хорошенькое, теперь все пунцовое личико мокрымъ все мокрешенько и блеститъ крупными каплями пота; коротенькая, едва до колѣнъ, рубашонка, изъ-подъ заткнутаго за поясокъ подола паневы, облѣпила грязную, запыленную, но хорошо обрисованную ногу въ неуклюжемъ лаптѣ. Мамка стоитъ и на чемъ свѣтъ ругаетъ куцую кобылку.

— Мамка, да иди, чтò ль... глядь-ко чтò съ Ѳедоткой?

Но той на эту минуту нельзя отойдти: эвона, староста сюда тащится, да и пѣгашка трепроклятая нейдетъ, хоть ты съ ней чтò.

— Дядюшка, батюшка, помоги, голубчикъ, сохи не вывезу! плачется бабёнка, обрадовавшись прохожему мужчинѣ.

— Чтò такое?

— Да, вонъ, чортъ-то, лѣшій, анаѳема... ууу, чтобы тé стрекануло, ободранную!

— Дà что же, матушка, чтò такое?

— Соха не беретъ, дядюшка — вишь кàкъ мѣсто заѣзжано: время же сухое, ну, камень-камнемъ сталò... силушки не хватаетъ, да и лошадушка-то не сможетъ — у, лѣшій этакой!... дядюшка, помоги, батюшка.

Прохожій попробовалъ, но баба тутъ только поняла, что плоха на него надежда: руки къ сохѣ приложить не умѣетъ!

Отыскивая мѣстечко, куда бы съ поля укрыться отъ жары, увидѣлъ я невдалекѣ сарай, мимо котораго часто и прежде хаживалъ и въ который, какъ я слыхалъ, загонялись барскіе бычки, отдѣльно отъ стада. Въ сараѣ всѣ углы набиты были ворохами какого-то сухаго растенія, но не сѣна.

— Чтò это такое? спросилъ я случайно попавшагося мнѣ тутъ крестьянина.

— Да вотъ у господъ бережется.

— Да что же это?

— Да нагдысь не успѣли, такъ вотъ онъ теперь и тутъ.

— Да вѣдь это не сѣно?

— Какое, батюшка, сѣно!

— Да что жь это?

— Ленъ, батюшка, ленъ!

— Да вѣдь его мять надо?

— Надо, батюшка, надо мять.

— Когда жь его мять будутъ?

— А Господь ихъ знаетъ когда.

— Да вѣдь это ленъ не новый?

— Съ зимы!

— Да какъ же это?

— Да вотъ, грѣхомъ, такъ и валяется.

— Да отчего жь онъ валяется-то?

— Тогда-то, батюшка, во-время убрать, изволишь видѣть, не успѣли, а пора-то теперь ужь не та; поборовъ-то, значитъ, ужь нѣтъ; ну, такъ какъ съ нимъ сдѣлаешься? Даромъ-то бабы не хотятъ трудиться, а отдать бы имъ изъ-полу, что ль, али тамъ какъ—ну, такъ этого жаль: вотъ онъ и лежитъ.

— Да вѣдь сгніетъ?

— И сгніетъ!

Мы вышли изъ сарая вмѣстѣ и пошли по дорогѣ. Въ селеніи къ намъ пристали и другіе. Толкуя съ ними про то, да про се, я старался склонять рѣчь на естественныя явленія и говорилъ имъ про солнышко, про луну, про звѣзды.

— А что, батюшка, вчера-то, видѣли-съ? спросилъ меня одинъ изъ нихъ.

— Кого это?

— А съ хвостомъ-то звѣзду? Комета, говорятъ... какъ ли? Вотъ диво!

— Чего жь, диво? развѣ вы не ждали?

— Кто, батюшка, ждалъ, этакое дѣло!

— Какъ, кто ждалъ? развѣ вы календаря не читаете?

— Какое-съ! не знаемъ каковъ онъ и есть.

— А это... этакая книжка; тамъ показано и записано, когда какого святаго празднуется и это все впередъ, заранѣе! Такой-то, молъ,

на будущій годъ будетъ мясоѣдъ, такого-то, молъ, числа пасха святая, а вознесенье, молъ, прійдется на такого-то святаго...

— И это все впередъ предсказано?

— Да, высчитывается годомъ-двумя раньше. Тутъ на одной сторонѣ про святыхъ написано, а тутъ высчитано, когда какая будетъ комета.

— Какъ? и про это сказано?

— Про все есть! и когда затмѣнію солнечному быть, и когда новый мѣсяцъ народится, все есть!

— Все? съ восхищеніемъ говорили мужики: — знатная книжка! и это вѣрно? Какъ же это они, батюшка, узнаютъ?

— Ужь конечно не колдовствомъ, а божьей благодатію — наукой. Ты, вотъ и не ученый человѣкъ, а вѣдь можешь же сосчитать, великъ ли мясоѣдъ передъ масляницей будетъ?

— Нѣтъ, батюшка, не могу! другіе могутъ.

— Ну, да вѣдь ты знаешь, когда мѣсяцъ на ущербѣ, когда новый мѣсяцъ?

— Это точное дѣло!

— Ну, какъ ты это можешь, такъ другіе, кто больше произошелъ науку, могутъ и кометы и все высчитать.

— Экое дѣло, поди!... а стало что такъ... такъ про комету, стало, знали первѣе, чѣмъ она показалась?...

Пошли разговоры долгіе, которые снова доказали, какъ жажда-то знанія въ человѣкѣ велика! Только бъ умѣть ею пользоваться!

Возвращаясь домой и проходя мимо участка земли, засѣяннаго разными овощами, я на сегодняшній разъ взглянулъ попристальнѣе на барскій огородъ. Настоящіе огороды, давніе, хорошо обработанные, проданы и принадлежатъ фермѣ Андреяновкѣ. Тотъ, который здѣсь— новенькій: за неимѣніемъ достаточнаго количества хорошаго удобренія, сюда подкинули немножко навозцу, понадѣлали грядокъ, насадили кой-какихъ пустячковъ, вотъ-те и огородъ вышелъ! Кабы не грядки, никому бы и въ голову не пришло, что это огородъ, а не проѣзжая дорога: такъ мало по наружному виду эта огородная земля отличалась отъ обыкновеннаго проселка, изъѣзженнаго колесами.

Всматриваясь въ здѣшнее хозяйство и получивъ подтвердительные отзывы, что такимъ же манеромъ, коли не хуже, ведется оно и въ окрестностяхъ, какъ-то вѣрить боишься, что находишься близко къ Европѣ, что живешь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы: дичь тутъ невообразимая! Систему здѣшняго хозяйства можно свести къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ: цѣль здѣшняго земледѣлія — обсѣять возможно-большее пространство земли; цѣль здѣшняго луговодства — занять возможно-большее пространство подъ барскіе луга; цѣль здѣшняго скотоводства — скупить подешевле скотъ и кормить его подешевле, чтобъ не остаться вовсе безъ навозу, котораго рѣшительно на всю массу полей не хватаетъ. Огородничество и птицеводство только для личнаго потребленія, чтобъ про себя хватило. Народу было много, трудъ его не цѣнился ни во что, вотъ и пусть работаютъ, благо есть занятіе! Какъ упростить эти занятія, какими способами дать имъ разумное направленіе, какъ уяснить себѣ цѣнность трудовъ и плодовъ, за это большинство хватилось только на дняхъ, съ изданіемъ манифеста. Вѣдь пока громъ не грянетъ, русскій человѣкъ и не подумаетъ лба перекрестить. Теперь только пустились всѣ распродавать и всячески уничтожать своры гончихъ и борзыхъ, да скорѣе отпускать на волю многочисленную дворню. Съ недѣлю назадъ, здѣсь, по сосѣдству, одинъ помѣщикъ разомъ сорокъ человѣкъ пустилъ на всѣ четыре стороны.

Хозяйство здѣсь не разнообразно: сѣютъ рожь, овесъ, ячмень и, помалости, гречиху. Говорятъ, и неслыхано, чтобъ урожай здѣсь бывалъ счастливѣе, чѣмъ самъ-третей. По качеству почвы и по недостаточности удобренія, здѣсь конопляники считаются невозможными, хотя у нѣкоторыхъ крестьянъ они и заведены на огородахъ. Но и конопля, и ленъ идутъ только на домашнюю потребу, про себя. Ленъ, впрочемъ, сѣютъ въ поляхъ, но въ продажу обращаютъ самое ничтожное количество.

Нечего и говорить, что здѣсь повсюду, за очень немногими исключеніями, которымъ за то всѣ, словно диву, дивятся, царствуетъ горемычное трехпольное хозяйство. Нынче попризадумались всѣ хозяева и о многопольной системѣ, но благодатныя, основанныя на резуль-

татахъ науки, нововведенія не скоро-то прiймутся: подготовки нѣтъ никакой. Крестьянамъ отъ помѣщиковъ доселѣ нечему было научиться, а при совершающемся переворотѣ, многіе изъ хозяевъ, чаявшіе, что крѣпостное право проживетъ еще долго и что его про нашъ вѣкъ станетъ, застигнуты реформою врасплохъ. Они, какъ семь дѣвъ юродивыхъ, мудрымъ рѣша: како убо возжгу свѣтильницы своя? масла бо не имамы! А женихъ-то ужь пришолъ!

Дѣйствительно, потому ли, что юродивыхъ дѣвъ, не въ евангельской притчѣ, а въ нашей грѣшной жизни, больше, и гораздо больше, чѣмъ мудрыхъ — многіе хозяева, поздно спохватившіеся и крѣпкіе, по русской натурѣ, лишь заднимъ умомъ, не умѣютъ, не могутъ найдти средствъ разомъ, въ одну минуту, обзавестись всѣмъ нужнымъ — лошадьми, земледѣльческими орудіями и наличнымъ капиталомъ на наемку вольныхъ работниковъ и ихъ сытное и честное содержаніе. Говорятъ, что крестьянство наше находится въ болѣе-благопріятномъ положеніи, именно потому, что мужики, въ послѣдніе годы, сколачивались съ деньжонками, копили ихъ и стали хоронить на черный день, про всякій случай. Но это утверждаютъ далеко не всѣ. Есть другое мнѣніе, что все это вздоръ и выдумки, и что и въ крестьянскомъ быту юродивыя дѣвы урожайливѣе мудрыхъ.

Между нашими сельскими хозяевами было много свѣтлыхъ головъ, которыя признавали необходимость вольнаго труда, возводили его въ принципъ, отдавали ему и по теоріи преимущество предъ барщиной, и даже сами горячо принимались за это дѣло. Они, дѣйствительно, и принимались за него, но скоро бросали, не по охлажденію, а потому, что сами-то они были плохіе хозяева, не знали азбуки науки и не умѣли, не могли справиться съ вольнымъ трудомъ, по отсутствію и знанія, и распорядительности.

Иные хозяева состоятельные хотя и тянутъ на новый ладъ, но вѣдь одинъ въ полѣ не воинъ. Они видимо, какъ говорится, «скучаютъ» раціональнымъ, заботливымъ хозяйствомъ, въ которомъ ни на кого нельзя положиться съ полною безпечностью, а надо самому и трудиться, и думать о дѣлѣ.

Иные теперешніе землевладѣльцы вообще не располагаютъ посвятить себя дѣйствительно скучному для нихъ дѣлу землепашества; они поровятъ уничтожить все свое хозяйство, распродать всѣ свои земли и всю движимость и недвижимость обратить въ пятипроцентныя облигаціи, выгадывая, за взносомъ долговъ въ опекунскій совѣтъ, даже при совершенномъ отказѣ отъ имѣнія, остаться не безъ кругленькой цифры наличнаго, легко-обращающагося капитала.

Выше сказано, что крестьянамъ нечему хорошему было научиться отъ помѣщиковъ. Дѣйствительно, самъ управитель, со словъ котораго написаны у меня эти страницы, подтверждаетъ, что помѣщичьи усадьбы не имѣли никакого дѣльнаго, хозяйственнаго преимущества передъ крестьянскими. Вотъ его слова, какъ итогъ долголѣтнихъ наблюденій: Помѣщики, вмѣсто того, чтобъ хозяйственно хозяйничать надъ своимъ хозяйствомъ, заводить коноплянники, огороды, воздушные сады, приносящіе общую пользу, или по-крайней-мѣрѣ, чтобъ умненько хлѣбъ сѣять и воздѣлывать землю, утучнять ее приличнымъ образомъ, ограничивались тѣмъ, что ширили, во всѣ стороны, пашни. Они не заботились о навозѣ, не вѣрили въ землеудобрительность другихъ средствъ, не старались объ улучшеніи скота и увеличеніи его численности, а главнѣйшею задачею своею поставляли — ни къ чему неведущія и вовсе несообразныя со средствами и потребностями — прихоти, роскошества и странныя причуды. Бывало, у помѣщика, скотъ съ голоду крыши у мужиковъ обдираетъ, а землевладѣлецъ сгоняетъ крестьянъ строить въ саду храмъ славы, да тріумфальныя ворота! У инаго хорошенькой лошадёнки нѣтъ, чтобъ на работу выѣхать, или обозъ въ городъ отправить, а цѣлый міръ день-деньской пыхтитъ у него на усадьбѣ за очисткою дорожекъ въ его на англійскій маноръ разведенномъ саду. Вся дворня чуть не съ голоду помираетъ и бьетъ баклуши въ совершеннѣйшемъ бездѣйствіи—а тутъ, рядомъ съ нею, и теплицы, и оранжереи, и грунтовые сараи. И часто-пречасто сырой, водянистый, но выращенный у себя дрянной арбузишка куда какъ дороже обходился того, который можно бы выписать по почтѣ прямо изъ милютиныхъ лавокъ. Но теперь прошла пора азіатскаго барства; мы это осенью же увидимъ, прибавилъ управитель. А примѣта простая! барыни наши, помяните мое слово, меньше варенья въ нынѣшнемъ году наварятъ!

Дикость взгляда, непривычность къ умнымъ и полезнымъ вещамъ, какая-то странная боязнь нововведеній, польза которыхъ дознана всѣми, высказываются у насъ во всѣхъ сословіяхъ и на каждомъ шагу. Ну, что̀, казалось бы, могло быть дороже для каждаго человѣка, какъ не гарантія въ своемъ собственномъ спокойствіи, а и тутъ въ разныхъ видахъ, подъ разными благопріятными предлогами, встрѣчаемъ мы противодѣйствія не съ той, такъ съ другой стороны.

Небогатый помѣщикъ, котораго все имущество состоитъ въ жиломъ деревенскомъ домѣ, кое съ какими службами, задумалъ его застраховать. Надо было вызвать архитектора изъ города и протратиться на это рублей пять или шесть. Въ Петербургѣ, гдѣ зиму проводилъ этотъ господинъ, пять-шесть рублей для него ничего не стоили, если касались личныхъ его причудъ и желаній, но въ деревнѣ каждая копейка пускается въ ходъ туго. Нашъ хозяинъ вздумалъ на застраховку подговорить богатаго сосѣда. Домъ у него великолѣпный; цѣлый рядъ строеній назначенъ для пріюта гостямъ; добра всякаго хранится въ барскихъ амбарахъ и сараяхъ множество, а крестьянская усадьба тутъ же, въ двухъ шагахъ.

— Застраховаться надо: выпишемъ вмѣстѣ архитектора!

— Что за пустяки? только трата денегъ!

— А спокойствіе, что все будетъ цѣло, что ничто не погибнетъ?

— Да это конечно, но я, право, спокоенъ и думать ни о чемъ не помышляю!

— Ну, а пожаръ?

— Какой пожаръ! вотъ десять лѣтъ живу, а пожара не было ни разу.

— Неровéнъ часъ!

— Что̀ за идеи?

— Да вѣдь кто знаетъ? Рядомъ же у васъ мужики, а эти люди не привыкли осторожно съ огнемъ обходиться.

— О, у меня на все крѣпкій заказъ, на все прочные законы! Даже

уложено какъ фонарь носить, какъ поплевать на брошенную лучинку, какъ надо затоптать горящую тряпку, какъ заливать угли!

— Да... все это хорошо было прежде: теперь съ своимъ уставомъ къ мужикамъ не пойдешь! какъ разъ скажутъ: позвольте ужь намъ, баринушка, самимъ знать, какъ поступать надо: учить насъ нечего.

— Ахъ, канальи, да какъ они это смѣютъ? да я ихъ!...

Вѣдь такъ застраховка и не состоялась!

Толковали; много было толковъ, только все безъ толку.

Вторникъ, 20 іюня.

Присматриваясь къ нынѣшнимъ крестьянскимъ хлопотамъ и прислушиваясь къ ихъ рѣчамъ, можно получить твердую увѣренность, что здѣшніе мужики скорѣе, чѣмъ обыкновенно привыкли думать у насъ о мужикахъ, пріймутся за техническія улучшенія въ земледѣліи и вообще въ своемъ хозяйствѣ. Конечно, топографическія условія мѣстности, близость Москвы и Подольска, сосѣдство лѣсовъ, плохая почва земли усилятъ здѣсь скорѣе развитіе иныхъ промысловъ, чѣмъ чисто-земледѣлія; но навыкъ однихъ именно къ земледѣльческимъ работамъ, увѣренность въ свободѣ дѣйствій, при пріобрѣтеніи надѣла въ собственность, ограниченность земельныхъ участковъ и возможность арендовать земли—все это возвыситъ и земледѣліе и разовьетъ въ крестьянахъ охоту жить отдѣльными хуторами и, подъ вліяніемъ великаго двигателя—свободы и личнаго интереса, улучшитъ старинные пріемы въ землевоздѣлываніи.

До-сихъ-поръ здѣшній крестьянинъ, обыкновенно, перебивался черезъ пень на колоду. Онъ еще до Николы съѣдалъ весь свой хлѣбъ, и немногіе сберегали его кое-какъ до Рождества. Поддержкой имъ и даже главною статьею доходовъ была и есть рубка лѣсу у рощенниковъ и извозы. Теперь же заработки здѣсь очень-выгодны: пѣшему работнику платятъ до 70 коп. въ день, а конному иногда и до двухъ рублей. Такихъ денегъ, при старыхъ порядкахъ въ хозяйствѣ, никогда мужики отъ земли получить не могли. Но извозный промыселъ

возможенъ крестьянской семьѣ только въ такомъ случаѣ, когда у нея на тягло приходится по-крайней-мѣрѣ двѣ добрыя лошади: при одной лошадёнкѣ, да еще плохой, извозъ совершенное разореніе. Сильная лошадь увезетъ вдвое больше чѣмъ плохая, а при трехъ лошадяхъ добрыхъ харчи человѣку тѣ же, что и при одной.

Но такъ-какъ, при этихъ заработкахъ, крестьянинъ истощаетъ къ зимѣ весь свой хлѣбный запасъ, то онъ и бываетъ принужденъ обращаться за этимъ къ посторонней помощи. Нынче, когда крестьяне повсюду усчитываютъ своихъ прежнихъ бурмистровъ за старые годы, и особенно налегаютъ на такъ-называемые темные поборы, естественно, дѣло коснулось и мірскаго хлѣба: «тогда-то и тогда-то ты, дескать, съ мірскимъ хлѣбомъ такую-то штуку сънгралъ, или, положимъ, на базаръ его продавать возилъ: а денежки-то въ чью мошню всыпалъ?» говорятъ мужики извѣрившемуся въ ихъ глазахъ барскому бурмистру.

Нынче крестьяне стали громко поговаривать о мірскомъ хлѣбѣ и о томъ, что зерно съ прежнихъ ихъ общественныхъ запашекъ должно считаться ихъ кровною собственностью. Иные помѣщики, конечно, немногіе, или ихъ управители, стараются, въ отпоръ этому, распространять ту мысль, что общественная запашка—совсѣмъ не крестьянское дѣло: это, дескать, была личная моя финансовая выдумка, а какъ и куда я тратилъ урожай — вамъ до того дѣла нѣтъ. Ну, коли хотите, я буду стоять на томъ, что нищихъ кормилъ, да и все!

При необходимости прибѣгать къ посторонней помощи, здѣсь мужикъ очень-рѣдко приходилъ за нею къ своему барину. Надо — по крестьянскимъ понятіямъ—быть ужь вовсе безъ стыда, чтобъ на это рѣшиться. Обыкновенно, въ такихъ случаяхъ, крестьянинъ обращается къ своему брату, исправному мужику, или отправляется къ чужому помѣщику, или даже къ своему, если только у него въ правилахъ продавать хлѣбъ мужику за наличныя деньги, или и давать въ долгъ, по изъ росту (но никакъ не въ видѣ милостыни: этого мужики очень чуждаются). Обыкновенный ростъ полагается по мѣрѣ ($^1/_8$ четв.) на четверть, или $12^1/_2$ %. Подъ такимъ же условіемъ берется хлѣбъ и изъ общественнаго амбара, если описанными выше средствами крестьянинъ не могъ кредитоваться.

Однакожъ эта мѣра мало поправляла крестьянъ: при малыхъ запашкахъ, бѣдный, а особенно нерадивый, крестьянинъ постоянно бывалъ въ неоплатномъ долгу. Охотнѣе всего крестьянинъ прибѣгаетъ къ помощи крестьянина, своего же брата. Эти «кулаки» не только берутъ съ него ростъ, по мѣрѣ на четверть, но еще обязываютъ кредиторовъ разными работами, или полевыми за-даромъ, или лѣсными за полцѣны противъ вольнаго работника, или отбираютъ у нихъ часть пашенъ и сѣнокосовъ. А между-тѣмъ сдѣлки эти хранятся въ самой крѣпкой тайнѣ и наружу не выдаются, какъ бы условія тяжки ни были. И бѣдный мужикъ, зная, что къ кулаку онъ всегда имѣетъ право обратиться свободно, съ несвязанною ничѣмъ рѣчью, зная, что кулакъ всегда ему напредки будетъ нуженъ, очень дорожитъ его довѣріемъ и, при разсчетахъ, скорѣе, вѣрнѣе и поклоннѣе отдаетъ взятое въ долгъ именно кулаку, но мужику же, чѣмъ помѣщику, или въ общественный магазинъ.

У здѣшнихъ крестьянъ вовсе незамѣтно ни малѣйшей наклонности къ садоводству, а тѣмъ еще менѣе къ цвѣтоводству. Они даже огородомъ небрегутъ и, разумѣется, это первое, что начнутъ они у себя вводить. Вообще, цвѣты и крѣпостное право въ ладу не живутъ и долго еще прійдется намъ ждать, чтобъ у подмосковныхъ крестьянъ завелись, хоть бы въ избахъ, на окошкахъ, цвѣты, столь любимые всегда свободными крестьянами въ Сибири.

Флора и фауна здѣшнія вовсе незнакомы мѣстнымъ жителямъ; по большей части они не могутъ отличить вредной въ кормъ скоту травы отъ питательной. Мучнистыя, крахмалистыя дикорастущія растенія, въ родѣ сибирской сараны, находятся здѣсь въ совершенномъ пренебреженіи. Мужики ими лакомятся, ѣдятъ ихъ, для препровожденія времени, знаютъ ихъ пользу, хвалятъ ихъ, но не придумали даже названія, не придумали даже случаевъ семейно употреблять растенія эти въ пищу и правильнымъ образомъ сбирать ихъ съ луговъ на свою собственную потребу.

Недостатокъ знаній, какая-то холодность, безучастіе къ общему дѣлу, вѣра въ предопредѣленіе судьбы—вотъ плоды нашего прошлаго. Теперь и хватились за многое, да къ дѣлу подступиться не умѣютъ.

Появится ли потребность усилить притокъ воды—нѣтъ человѣка, который указалъ бы, какъ дѣлаются приводы, что значитъ безконечное полотно, какъ устанавливается система безконечныхъ черпаковъ. Понадобится очистить засоренный колодезь, въ которомъ тины наросло чуть не на сажень—всѣ только руками разводятъ, а за дѣло взяться никто не рѣшается: авось подойдутъ мужички изъ Смоленской Губерніи, авось они колодезь вычистятъ! Мельницъ почти вовсе въ краѣ нѣтъ; о вѣтряныхъ мельницахъ только-что слыхивали здѣсь и то потому, что слухомъ земля полнится. Плотинки, какія кое-гдѣ есть, безпрестанно, почти ежегодно прорываетъ; всякій разъ возятся съ ними сызнова и всякій разъ все это дѣлается пяхъ-погой, авось и сойдетъ! И это не у мужиковъ!

Плуги и подночвенники здѣсь невѣдомы даже въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, кромѣ весьма рѣдкихъ исключеній; на всѣ вопросы тутъ одинъ отвѣтъ: они намъ непригодны, но пробовать — не пробовали. Изъ машинъ здѣсь извѣстны были кое-гдѣ молотилки, больше все бутеноповскія. Вѣялки вовсе нейдутъ въ ходъ: «руками скорѣй сдѣлаешь, чего мужика-то жалѣть», говорятъ иные. На разспросы—запасаются ли здѣшніе помѣщики постройками для содержанія будущихъ вольныхъ работниковъ, я получилъ въ отвѣтъ: и не помышляютъ! и возведенныя-то постройки уничтожаются. Помѣщику здѣшнему приходится взять свою землю да и побоку, потому-что если работать, трудиться, такъ надобно самому тутъ и быть, ну, а на это охотниковъ наберешь немного, особенно между людьми, зараженными причудами отживающаго поколѣнія. Оттого-то и выиграютъ крестьяне, что помѣщикамъ, по непривычкѣ къ собственному труду и неуваженію труда чужаго, приходится бросать земли и сдавать ихъ скорѣе въ аренду. Про иностранныхъ работниковъ здѣсь не слыхать. Есть гдѣ-то какой-то Французъ, но надъ нимъ всѣ хохочутъ, помираютъ со смѣха! Вообразите, человѣкъ, какъ человѣкъ порядочный, и пофранцузски говоритъ, и галстухъ, и бѣлую рубаху, и фракъ съ панталонами носитъ, но точно онъ полоумный какой: самъ ѣздитъ въ таратайкѣ на поле! самъ пашетъ! самъ всякую мужицкую работу правитъ! Вздумалъ еще какіе-

то опыты надъ почвою производить. Тысячи насмѣшекъ сыплются со всѣхъ сторонъ на этого человѣка.

Среда, 21 іюня.

Собравшись вчера внезапно, вслѣдствіе личныхъ причинъ, въ путь, я пріѣхалъ сюда, въ Подольскъ, къ ночи и остановился на постоялом дворѣ. Дворника зовутъ Александръ Артёмычъ. Меня встрѣтилъ шепелявый юноша, сынъ хозяина, молодой малый, съ трактирными ужимками и съ харчевенными остротами. Комнатку, съ двумя окнами на улицу въ бельэтажѣ, отвели мнѣ самую лучшую, но это самолучшее было такого рода, что какъ ни былъ я утомленъ, никакъ не рѣшился довѣрить здѣшней мёбели и здѣшнему бѣлью своего грѣшнаго тѣла.

Думалъ я, долго думалъ, какимъ бы манеромъ спастись мнѣ отъ разныхъ живыхъ существъ, летающихъ, прыгающихъ, скачущихъ и ползущихъ—и ничего не придумалъ умнѣе, какъ выйти на свѣжій воздухъ и расположиться на дворѣ, подъ навѣсомъ, въ таратайкѣ, въ которой я пріѣхалъ.

Сказано — сдѣлано. Но ржаніе подъ самымъ ухомъ лошадей, ожидавшихъ задачи корма, хрюканье развалившейся гдѣ-то близко свиньи съ поросятами, лай собачонки, остервенившейся на прибывшіе откуда-то возы, наконецъ горланенье передъ зарей пѣтуховъ со всего околотка не давали мнѣ ни минуты покою. Наконецъ я сталъ забываться и плавать въ мірѣ фантазій и грёзъ.

— Эй, почтенный, а почтенный? любезный, а любезный? раздалось надо мною, и кто-то сталъ тормошить меня за плечо.

— Упадешь, смотри! экъ-те угораздило калачомъ свернуться... постой, я-те помогу привстать, того и гляди, повернешься неловко, башкой какъ-разъ о ступицу стукнешься.

Я сказалъ спасибо и съ неохотой покинулъ ложе, устроенное мною на сидѣньи маленькой таратайки. Было уже свѣтло.

— Съ товаромъ, что ль здѣсь?

— Съ какимъ? спросилъ я, полусонный.

— А, видно не по купецкой части?

— Нѣтъ, не по купецкой.

— А по какой, смѣю спросить?

— Я... да я учитель.

— Ахъ, господинъ учитель, извините сударь, что я васъ обезпокоилъ... позвольте хоша попросить чайку со мной откушать: отличный чаекъ у меня—изъ Москвы везу, только-что купилъ: Сянь-пхянь-чхитьфу!

Вошли мы съ нимъ въ избу, или въ комнатку нижняго этажа и, слово-за-слово, у насъ завязалась горячая бесѣда, касавшаяся сначала великости значенія мировыхъ посредниковъ и перешедшая потомъ на судебныхъ слѣдователей.

Собесѣдникъ мой, какъ оказалось, управитель чьего-то имѣнія въ замосковномъ краѣ, разсказалъ мнѣ одинъ случай, который совершенно измѣнилъ заранѣе составленное мною понятіе объ этомъ новомъ у насъ въ Россіи учрежденіи. Разсказъ этотъ показался мнѣ до такой степени интереснымъ, что я просидѣлъ за нимъ почти цѣлый день, укладывая его на бумагу. Вмѣстѣ съ нимъ я послалъ и послѣднее, наканунѣ заготовленное, письмо въ «Сѣверную Пчелу» (*).

Кромѣ той улицы, на которую выходятъ окна моей комнатки, я въ городѣ ничего не видалъ, но домъ этотъ на проѣзжемъ трактѣ, на шоссе, которое здѣсь раздвоивается: одна линія идетъ въ глубь Россіи, другая въ Варшаву. Загадывалъ сходить на шоссейную заставу, попытать, нѣтъ ли какихъ-нибудь, основанныхъ на достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ, статистическихъ данныхъ о количествѣ проходящихъ здѣсь обозовъ, но поспѣшилъ въ Москву.

По шоссе обозы идутъ сплошною вереницей, но что̀ меня особенно заинтересовало—это множество земледѣльческихъ орудій, которыя

(*) Письмо въ «Сѣверную Пчелу» напечатано въ № 150 этой газеты, а разсказъ о судебныхъ слѣдователяхъ помѣщенъ въ № 188 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»

везутъ изъ Москвы и которыя явственно выглядываютъ изъ-подъ рогожъ на всеузрѣніе. Пришла, значитъ, пора дѣйствовать!

Была и драка передъ окнами. Какой-то господинъ, съ кокардой на фуражкѣ, схватилъ за горло другаго точно такого же господина, безъ кокарды на фуражкѣ, и сталъ его колотить кулакомъ по лицу не на шутку. Группа солдатъ, въ шинеляхъ въ накидку, заломивъ фуражки и подбочась, насмѣшливо и съ ужимками поглядывала на эту сцену, а одинъ изъ усачей еще поджигалъ кокарднаго господина, подсказывая ему: «подбавьте, ваше благородіе, ему еще маленечко... по мордасамъ-то его хватите, по мордасамъ»!

Бѣдный избитый господинъ началъ уже ревѣть отъ этихъ побоевъ, и вотъ ужь тогда явился для расправы полицейскій солдатъ. Оказалось, что битый былъ временно-обязанный дворовый, а колотившій его, конечно, чиновникъ. Здѣсь вѣдь гласность полная! и вотъ я изъ окна слышу всѣ допросы:

— Я ничего не укралъ, не разбилъ...

— Не укралъ, не разбилъ, а слушаться долженъ.

— Да я не хочу ему служить!

— А кто сапоги станетъ чистить?

— Пусть найметъ другаго.

— Это еще пока, а ты живи: какъ безъ слуги?

— Вчера, на первый ужь день, я проголодалъ: что̀ жь бы дальше было?

— А все служить долженъ.

— Не долженъ: я и пашпо̀ртъ не отдавалъ.

— Какъ? такъ ты безпашпо̀ртный?

— Не безпашпо̀ртный; я пашпо̀ртъ не давалъ, хотѣлъ перво попробовать.

Повели бѣднягу въ полицію, а чиновникъ, говорятъ, въ городишкѣ-то съ вліяніемъ!

Воскресенье, 25 іюня.

Завтра срокъ отпуску; посвящу сегодняшній день окончанію моего дневника занесеніемъ въ него тѣхъ данныхъ, которыя я прежде не успѣлъ записать.

Въ Подольскомъ Уѣздѣ есть деревня Бакланова, вотчины гр. Голенищева-Кутузова-Толстаго. Деревня эта замѣчательна тѣмъ, что въ ней живетъ одинъ крестьянинъ, по имени не помню какъ. Онъ часовыхъ дѣлъ мастеръ и, говорятъ, работаетъ превосходные стѣнные часы, цѣною отъ рубля и до сорока рублей; весь сбытъ направленъ въ Москву, тамошнимъ часовщикамъ. Столовые часы дѣлаетъ онъ только на заказъ. У этого крестьянина выстроенъ единственный въ цѣломъ околодкѣ каменный двухъ-этажный домъ.

Въ этомъ же околодкѣ, народъ, въ праздничные дни, одѣвается очень-нарядно, а бабы щеголяютъ въ шелковыхъ платьяхъ. Но вотъ замѣчательная черта нравовъ: въ будни эти же самыя щеголихи ходятъ совершенными неряхами, надѣваютъ суму и побираются милостыней около своихъ и постороннихъ, разумѣется, мужиковъ: христарадничать у помѣщиковъ онѣ не осмѣливаются, да на барскій дворъ ихъ и не пустятъ. И та̀къ это побиранье христовымъ именемъ впилось въ плоть и кровь мужиковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, что они вовсе не стыдятся этого ремесла, даже нѣкоторымъ образомъ какъ-будто бы имъ тщеславятся. Они христарадничаютъ иногда вовсе не изъ нищеты, или бѣдности, а такъ-себѣ, изъ простаго разсчета, именно въ видѣ сподручнаго ремесла: «авось и наберемъ, Богъ дастъ, копѣйку?» Промыселъ этотъ до такой степени общъ и почтененъ, что иная дѣвка не пойдетъ замужъ за парня, если тотъ не умѣлъ побираться, или не пособралъ достаточнаго количества денегъ на такъ-называемую «кладку», то-есть на тотъ капиталъ, который представляетъ родъ мухаммеданскаго «калыма», или родъ приданаго, но не невѣсты, а жениха. Съ своей стороны и умный—по понятію мѣстнаго большинства—парень не возьметъ за себя дѣвку, которая не побиралась, или

плохо понапобиралась. Конечно, всѣ эти данныя пріобрѣлъ я не собственнымъ изученіемъ быта этихъ крестьянъ, а заимствовалъ изъ разговоровъ съ окрестными жителями. Изъ нихъ, изъ этихъ разсказчиковъ, многіе не разъ, и не два приглашали этихъ добровольныхъ нищихъ-попрошаекъ заработать честный кусокъ хлѣба трудомъ—но идти на работу, идти въ чужое мѣсто, или къ постороннему хозяину они не хотятъ. Тѣхъ изъ побирушекъ, которые сбираютъ на-погорѣлое, зовутъ обыкновенно, въ насмѣшку, «обожженныя оглобли», а также «шувальными» или «шуваловцами», потому-что первый образецъ этого промысла издавна преподанъ имъ крестьянами графа Шувалова.

Въ Подольскомъ же Уѣздѣ, въ 18 верстахъ отъ города, верстахъ въ четырехъ въ сторону отъ шоссе, есть село Клёново, помѣщика Нейдгарта; здѣсь есть мастерскія, выдѣлывающія нынѣшнія модныя мужскія валяныя, круглополыя шляпы. Валяются онѣ изъ заячьяго пуха. Заказы обращаются преимущественно къ одному крестьянину — имени тоже теперь не припомню—и ужь тотъ распредѣляетъ заказъ между остальными работниками. Здѣшнія шляпы пускаются на продажу въ Москву не въ окончательно-обдѣланномъ видѣ. Въ Москвѣ ихъ оторачиваютъ шолковыми лентами, подшиваютъ къ нимъ подкладки, и подкладки эти штемпелюютъ посредствомъ трафаретокъ. Тогда уже шляпы эти, благовидныя и фасонистыя, поступаютъ въ лавки гостиныхъ дворовъ и даже въ бойкіе магазины Москвы и Петербурга. Ихъ скоро можно узнать по штемпелю: «Шареliéz A Pari» или «Parig rue Manmontr», или что-нибудь въ этомъ родѣ— самая вѣрная примѣта этого россійскаго произведенія. А товаръ—надо правду сказать—не изъ отличныхъ, но очень недуренъ, да вѣдь и дешевизна какая: конеекъ сорокъ, пятьдесятъ за штуку! Въ одной изъ очень-порядочныхъ петербургскихъ лавокъ я купилъ себѣ этакую «Parig, rue Manmontr» ужь за два рубли серебромъ и былъ очень доволенъ.

Въ томъ же селѣ Клёновѣ есть и ювелиры. Они работаютъ мелкія издѣлія изъ серебра, именно: крестики, серьги, броши, браслеты, кольцы, перстни и цѣпочки. Лучшаго качества серебряныя вещи и фигурныя издѣлія золотятся. Здѣсь въ Петербургѣ, въ гостиномъ дворѣ, и подъ Щукинымъ, да и въ Москвѣ «въ Городу», какъ эти

издѣлія, такъ и издѣлія другихъ деревенскихъ и городскихъ ювелировъ, сходятъ съ рукъ за парижскія.

Деревня Лужки, въ имѣніи, кажется, Оболенскаго, въ Подольскомъ же Уѣздѣ, славится фабрикой церковныхъ вещей, преимущественно аплике, подъ серебро, съ позолотою лишь нѣкоторыхъ частей. Дискосы, потиры и прочая утварь приготовляется въ Москвѣ, а въ Лужкахъ дѣлаютъ только паникадилы съ украшеніями, подсвѣчники и тому подобныя крупныя издѣлія, и работаютъ ихъ здѣсь не какъ-нибудь, а строго соображаясь со вкусомъ дня и модою.

Въ другихъ селеніяхъ того же помѣщика есть ленточники, а ближе къ Москвѣ, почти повсюду въ деревняхъ, есть мотальщицы. Это ужь чисто бабій промыселъ. Онѣ разматываютъ шолкъ, а больше бумагу крашенную.

Въ Вороновѣ и окрестныхъ деревняхъ главный промыселъ— рубка лѣсу; иные изготовляютъ въ сыромъ видѣ колеса, возятъ въ Москву корьё, жгутъ уголь; много топоромъ рубятъ спицъ и осей для колесъ, и, конечно, изводятъ понапрасну бездну лѣсу. Ободьевъ, впрочемъ, здѣсь не такъ много изготовляютъ.

Есть еще одинъ бабій промыселъ: бѣдныя крестьянки берутъ дѣтей на прокормленіе себѣ изъ воспитательнаго дома: промыселъ горькій и ужасный, о которомъ ужь писано мною въ «Сѣверной Пчелѣ».

Близость Москвы и тощая почва служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ того, что здѣсь нечего много разсчитывать на промышленость земледѣльческую: уже давно извѣстно, что промышленость эта была подневольною и что ею почти исключительно, по всей Московской Губерніи, занимались одни помѣщичьи крестьяне. Теперь, съ уничтоженіемъ прежнихъ условій быта, конечно, отдѣльные ручные и торговые промыслы будутъ здѣсь развиваться быстро. Не упадетъ, конечно, и земледѣліе, а оно сосредоточится почти все въ рукахъ капиталистовъ, или и маленькихъ людей, но обладающихъ наличными средствами. А охотниковъ много приселиться сюда изъ людей разнаго званія, но сословные предразсудки такъ глубоко засѣли въ понятіяхъ разныхъ вольноотпущенныхъ, мѣщанъ, мелкихъ купцовъ, мелкихъ чиновниковъ и разныхъ церковниковъ, что ихъ отъ приселенія къ деревнямъ, по-

камѣстъ до сегодня, удерживаетъ боязнь «быть съ мужиками вмѣстѣ». Къ міру необходимо приписаться? но какъ же я, чиновникъ, коллежскій регистраторъ или ассессоръ, къ нему припишусь? вѣдь мною какой-нибудь староста или старшина... изъ мужиковъ вѣдь!... будетъ командовать? Я долженъ буду съ мужиками и на сходку ходить; я долженъ слушаться указаній мужика-старосты; я долженъ буду подлежать воинскому постою вмѣстѣ съ мужиками и какой-нибудь мужицкій приговоръ будетъ для меня обязателенъ? Мнѣ ужь тогда, даромъ что я коллежскій регистраторъ или, тамъ, ассессоръ, нельзя ужь будетъ ни крикнуть пометче на мужика, ни оттрепать его за бороду... что жь я тогда за чиновникъ стану?...» И этакіе отзывы я двадцать разъ слышалъ отъ людей, вовсе, кажется, непомѣшанныхъ!

По обратимся къ этимъ мужикамъ: сію минуту мнѣ пришло на память нѣсколько случаевъ, которые я забылъ записать на мѣстѣ.

Въ Вороновѣ рубили лѣсъ, и когда деревья валились, то пять березъ упали не на дорогу, а на сторону пашень. Такъ-какъ это было въ апрѣлѣ, то, конечно, паденіе вершинъ на зелени не могло причинить озимому хлѣбу никакого существеннаго вреда; но намедни, въ понедѣльникъ, сходка порѣшила оштрафовать за это двухъ крестьянъ, Охапкина и Бабарыкина, купившихъ тѣ деревья на срубъ и рубившихъ помощію наемныхъ работниковъ. Штрафу міръ затребовалъ сорокъ цѣлковыхъ, но черезъ четверть часа, вслѣдствіе протестацій, смиловался на полтора ведра вина. Вино было куплено и тутъ же старѣйшинами роспито.

Крестьяне и въ той вотчинѣ и во всей околицѣ, говорятъ, сговорились и урядили, безъ составленія, впрочемъ, письменнаго приговора: впредь штрафы брать виномъ и пропивать ихъ міромъ: съ деньгами только возня: пожалуй, еще больницы завести велятъ! Мало ль чего нѣтъ! (*)

У пастуха, у бѣдняго мальчика, волкъ овцу задралъ; мальчика вар-

(*) Это все было въ іюнѣ 1861 г.; по общему ходу крестьянскихъ дѣлъ, теперь это «далекое прошлое!»

варски оттаскали и содрали съ него съ чѣмъ-то рубль, но не въ пользу владѣльца овцы, а купили вина да міромъ и роспили.

Въ понедѣльникъ крестьяне перепились цѣлымъ міромъ, всѣ поголовно, на штрафное вино, собравъ для роспитія его съ каждаго двора по хозяину. Полтора ведра на всѣхъ было маловато: присутствующіе приложили изъ своего кармана: за то ужь гуляли! Въ разгарѣ попойки, добросовѣстный—Степанъ, котораго цѣлая вотчина, за воровство, иначе не зоветъ, какъ Стёпкой, и выборный Иванъ стали другъ передъ другомъ кичиться вновь-пріобрѣтенною властью. Иванъ доказывалъ, что онъ на деревнѣ старше, потому-что міръ его избралъ именно въ выборные, стало-быть, въ отборные люди. Стёпка, съ своей стороны, доказывалъ, что онъ стоитъ выше, потому-что онъ добросовѣстный.

— Какой ты добросовѣстный? ты воръ! сказалъ ему на это Иванъ.

— Не пойманъ—не воръ! возразилъ Стёпка извѣстной пословицей.

— А хоша ты и не пойманъ, а все ты у насъ первый воръ изъ воровъ: на безлюдьи тебя и въ добросовѣстные назначили.

Послѣ этого, конечно, началась потасовка между Стёпкой и Иваномъ, скоро превратившаяся въ свалку, по поводу обиды, нанесенной Иваномъ цѣлому міру, а свалка эта чуть-было не кончилась общимъ побоищемъ. Спасибо, добрые люди вмѣшались—розняли гладіаторовъ. Бой кончился въ пользу Стёпки: его міромъ признали на цѣлый чинъ выше выборнаго. Черта замѣчательная. На мировую всѣ пошли въ кабакъ. Стёпка съ радости сталъ угощать Бабарыкина. Поднеся ему, ужь шибко-пьяному, стаканъ вина, нашъ добросовѣстный сталъ его цаловать, обнимать и, въ это время обшаривая пріятеля, успѣлъ вытащить у него всѣ деньги изъ кармана: оказалась одна мѣдь!

Наканунѣ этого, въ воскресенье, 18-го числа, попойка была въ другомъ концѣ вотчины, за пятнадцать верстъ. Тамъ тоже одинъ изъ нововыбранныхъ напалъ на собрата, но не на пьянаго, а на непьющаго крестьянина-тихоню, пресмирнаго мужика, и избилъ его чуть не до полусмерти, въ чемъ я самъ удостовѣрился, потому-что несчастнаго привезли къ сельскому врачу, который немедленно пустилъ ему кровь. Отецъ избитаго, славный добрый старикъ, пожаловался міру.

Собрали сходку тутъ же и всѣ единогласно рѣшили тѣмъ, чтобъ и битаго, и обидчика оштрафовать по равной части: заставить ихъ обоихъ купить въ шинкѣ, у солдатика, по ведру вина и роспить его міромъ. Инициатива приговора принадлежала не старостѣ, а добросовѣстному, превыше старосты уважаемому, моему знакомцу, Филиппу Карпову. У избитаго денегъ не оказалось: рѣшили — снять съ телеги колеса! А что̀ мужикъ безъ телеги? Но старый воробей, Филиппъ Карповъ, постановивъ такой судъ въ угоду міру, самъ въ шинокъ не ходилъ, а незамѣтно отъ всѣхъ далъ тягу: понялъ же онъ основную идею мірскихъ штрафовъ!

Вотъ анекдотъ другаго разбора. Портной толстовскій, то-есть изъ имѣнія Толстыхъ, Алексѣй Тихоновъ, изъ дворовыхъ записанный въ крестьянство, снабженный надѣломъ, но сдающій весь свой надѣлъ за четыре рубли въ годъ, былъ всегда неуважителенъ къ матери. Эти явленія бываютъ по деревнямъ и сплошь, и сряду, именно оттого, что отцы держатъ женъ въ крайнемъ угнетеніи и въ безпрестанномъ страхѣ и трепетѣ побоевъ. Но Алексѣй былъ таковъ, что не разъ мать и бивалъ, и даже не подъ пьяну руку. Всѣ ужъ знали, что Алексѣй, какъ портной, горькій пьяница, но знали и то, что если онъ одинъ запивалъ, то мать всегда на него злилась и плакалась, а если пьянствовалъ вмѣстѣ съ матерью, то она ничего не говорила противъ этого. Мать жила одинёшенька въ особой избушкѣ, а Алексѣй ходилъ работать по домамъ, по-временамъ являлся къ матери и давалъ ей и хлѣба, и денегъ. У нея же хранились и алексѣевы пожитки разные. Недавно Алексѣй одинъ пропьянствовалъ дней десять, пьяный пришелъ къ своей старухѣ и все свое хотѣлъ забрать съ собой. Та, боясь, чтобъ сынъ не заложилъ и не пропилъ послѣднихъ крохъ, не давала сыну ничего. Завязались извѣстнаго оттѣнка словопренія, но Алексѣй не могъ переговорить матери; она уставилась на одномъ и рѣшительно отказала сыну. Онъ насильно бросился шарить въ своихъ вещахъ, выхватилъ случайно бритву, раскрылъ ее, бросился на мать, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобъ только попугать старуху, и сталъ кричать: «либо тебя зарѣжу, либо себя порѣшу!» Старуха едва спаслась, выбѣжавъ на улицу. Но материнскому сердцу все-таки жаль стало сына.

Вспомнивъ угрозу и боясь, чтобъ тотъ съ-пьяна, въ-самомъ-дѣлѣ, чего надъ собой не натворилъ, она тихонько, на цыпочкахъ, вошла въ избу поглядѣть, что̀ сынъ дѣлаетъ? Алексѣй сидѣлъ, глубоко задумавшись и совсѣмъ опустивъ руки. Бритва была подлѣ него, на столѣ.

— Сосѣдей созову, разбойникъ! Что̀ ты это на мать вздумалъ кидаться! пьяница ты! въ Сибирь тебя надо!...

Алексѣй очнулся, прислушался къ угрозѣ, вскочилъ со скамьи и бросился на мать, уже безъ бритвы. Та—къ сосѣдямъ; Алексѣя схватили, сейчасъ къ посреднику, а этого рода дѣла вовсе не относятся къ предметамъ вѣдомства посредника: онъ и отослалъ виновнаго къ становому приставу. Но при предстоящей обстановкѣ, конечно, несчастному подсудимому долго прійдется ждать рѣшенія своей участи. Дѣло было на всемъ міру, а теперь пойдутъ канцелярскія тайны, годы переписокъ, разговоры въ четырехъ стѣнахъ — словомъ, безустность и негласность. Грустныя явленія!

Я кончилъ свой дневникъ, который, за исключеніемъ лишь послѣднихъ дней, велъ аккуратно во время двадцати-осьми-дневнаго отпуска. Выводовъ изъ него я не стану дѣлать: пусть ка̀къ написалось, та̀къ и пойдетъ съ Богомъ въ печать. Благосклонный и внимательный читатель самъ изъ него извлечетъ то̀, что нужно, чтобъ имѣть право судить: всегда ли и во всемъ ли одна сторона виновата?

Среда, 12 іюля.

Сейчасъ уѣхалъ управитель. Онъ былъ въ Петербургѣ и погостилъ у меня. Теперь онъ совершенно доволенъ мужиками: собралъ весь оброкъ! Начали-было они кое-какіе скандалы дѣлать, но, благодаря

умнымъ и кроткимъ распоряженіямъ, теперь все усмирилось. Слава-Богу! Волость уже учреждена. Интриги Филиппа Карпова попасть въ головы не удались; но міръ единодушно избралъ его въ судьи и, кажется, въ кандидаты къ старшинѣ. Обѣ стороны дали слово забыть старое и не вспоминать о причиненныхъ огорченіяхъ. Въ мое отсутствіе было розни довольно; передѣлывали на разные лады полюбовную сдѣлку и, наконецъ, вотъ нынче все порѣшено окончательно. Крестьяне, какъ выразился управитель, сами вполнѣ одобрили такія комбинаціи, какихъ рѣшительно никакъ нельзя было и ожидать. По его словамъ, крестьяне единодушно и единогласно обязались вносить такую круглую и вѣрную цифру оброка, какой въ прежнія времена получался лишь въ самые благопріятные годы.

Пятница, 28 іюля.

Вотъ единственное письмо, которое я получилъ отъ управителя. Оно отъ 23-го, но получено мною сегодня:

«У насъ идетъ сильная катавасія. Возмутитель, Филиппъ Карповъ сидитъ въ тюрьмѣ. Крестьяне заорали, выручали его горломъ. Ихъ усмиряли розгами и конвоемъ. Теперь у насъ коммиссія.»

